

LADY
FANTASY

БАШНЯ РАССВЕТА

САРА ДЖ. МААС

18+

Просто ошеломляюще... Хор голосов,
требующих продолжения, оглушителен...

Booklist

АЗБУКА

Стеклянный трон

Сара Маас

Башня рассвета

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Маас С. Д.

Башня рассвета / С. Д. Маас — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Стеклянный трон)

ISBN 978-5-389-15984-6

Шаол Эстфол, капитан королевской гвардии Адарлана и ближайший друг Селены Сардотин, в битве с демонами, захватившими столицу королевства и разрушившими стеклянный замок, получает серьезные увечья. Единственное, что ему может помочь, – поездка в далекую Аттику, столицу могущественной империи, где в высокой башне обитают искусные целительницы, способные творить чудеса. Помимо этого, у Шаола и другая задача – в наступившие тяжелые времена убедить правителя Южного континента объединиться с ним в союз против демонов и оказать поддержку соседям. Иначе тьма падет не только на Эрилею, но охватит все земли и континенты.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-15984-6

© Маас С. Д., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Часть первая. Город богов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Сара Маас

Башня рассвета

Sarah J. Maas
Tower of Dawn

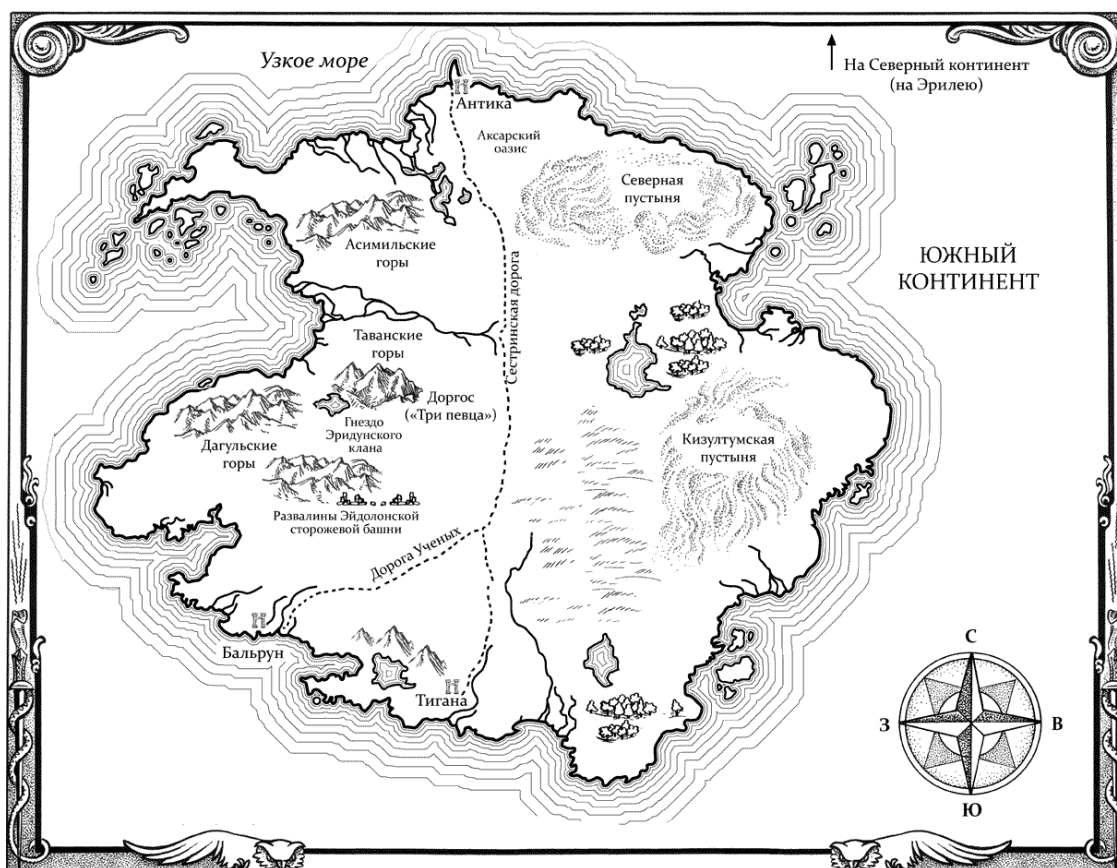
© Sarah J. Maas 2017

© И. Б. Иванов, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство АЗБУКА

* * *

Посвящается моей бабушке Камилле, странствовавшей по горам и морям. Удивительная эпопея ее жизни была у меня самой любимой историей

Часть первая. Город богов

1

Бывший капитан королевской гвардии, а с недавних пор – главный советник нового адарланского короля Шаол Эстфол сделал неутешительное открытие: среди звуков, досаждавших ему, один вызывал самую настоящую ненависть.

Звук крутящихся колес.

Особенно возненавидел Шаол их дребезжание по палубным доскам корабля. За три недели плавания по бурным морям оно превратилось в пытку. Но колеса продолжали греметь и дребезжать и здесь, хотя теперь они катились по сверкающим полам из зеленых мраморных плит с искусными мозаичными узорами. Впрочем, здесь сверкали не только полы. Во дворце *хагана* Южного континента (дворец находился в Антике – самом северном городе континента) сияло и сверкало все.

По правде говоря, ненависть Шаола к колесам была лишь отчасти вызвана их дребезжанием. Куда сильнее королевского советника угнетало то, что они приделаны к креслу, на котором он (тоже с недавних пор) передвигался. Кресло стало его тюрьмой и в то же время – единственной возможностью повидать мир. И сейчас, поскольку Шаолу было нечем себя занять, он внимательно разглядывал просторный дворец, возведенный на вершине одного из бесчисленных столичных холмов. Все, из чего дворец был построен, все, что слагало внутреннее убранство, было когда-то привезено из разных уголков могущественной империи хагана.

Зеленый мрамор для сверкающих полов, по которым сейчас дребезжали колеса Шаолова кресла, доставили в Антику из каменоломен на юго-западе континента. Неотъемлемой частью зала приемов были красные колонны, вытесанные в форме деревьев. Ветви их крон тянулись по сводчатым потолкам. Камень для колонн волокли в столицу из северо-восточных пустынь, где песчаные бури – повседневное явление.

Мозаичные картины, вкрапленные между зеленым мрамором пола, создавали ремесленники Тиганы – весьма ценимого хаганом города на южной оконечности континента. Каждая представляла сцену из богатой событиями, жестокой и славной истории хаганата. Начало ее тонуло во тьме веков, когда далекие предки хагана веками кочевали по травянистым степям восточной части континента. Мозаики запечатлели появление первого хагана – военачальника, который объединил разрозненные племена, сделав их народом-завоевателем. С тех пор начался последовательный захват континента. Шаг за шагом, сочетая военную силу с проницательностью и умением мыслить стратегически, государство бывших кочевников превращалось в обширную империю. История последних трех веков представала в деяниях хаганов. Они продолжали дело предков, расширяя границы империи. Хаганы распределяли богатства, стекающиеся отовсюду, строили бесчисленные мосты и дороги – кровеносные артерии громадного континента, которым они управляли с ясным пониманием цели и точностью действий.

«А ведь таким мог бы стать и Адарлан», – подумалось Шаолу под скрип колес и приглушенные разговоры придворных и слуг. Их голоса заполняли пространство между колоннами и поднимались выше – к позолоченным сводам потолков. Мог бы, если бы Адарланом правил кто-то другой, неподвластный королю-демону. У демона, прорвавшегося в этот мир, было иное стремление – превратить Адарлан (а затем и другие земли) в место пиршества и забав его орд.

Изогнув шею, Шаол бросил взгляд на Несарину. Это она катила его кресло. Ее лицо оставалось каменным. Лишь взгляд темных глаз, скользивший по каждому окну, колонне и

лицу, которые встречались по пути, выдавал сдержанный интерес к внушительному дворцу хагана.

Оба надели самое лучшее из своего скудного дорожного гардероба. Несарина, произведенная королем в капитаны гвардии, была в красной с золотом гвардейской форме. Такую же вплоть до недавнего времени с гордостью носил и Шаол. Где Дорин раздобыл форму для Несарины, оставалось загадкой.

Поначалу Шаол хотел одеться в черное просто потому, что другие цвета... За исключением гвардейской формы, ему всегда было неуютно в цветной одежде. Но черный стал цветом солдат Эравана, одержимых валгскими демонами. Это они, одетые во все черное, бесчинствовали в Рафтхоле, расправляясь с горожанами и бывшими сослуживцами Шаола. После зверских пыток и убийств солдаты Эравана развесили тела королевских гвардейцев на воротах дворца и оставили качаться на ветру.

На местных солдат он старался не смотреть, а они встречались и на улицах, по пути сюда, и в самом дворце. Гордые, бдительные, с мечами и кинжалами у пояса. Даже сейчас Шаол противился сильному желанию взглянуть, как они расставлены по залу. Наверное, еще и потому, что интуиция подсказывала: они стоят там, куда бы он поставил своих гвардейцев. Когда-то и он стоял в карауле, тщательно наблюдая за помещением и за посланцами какого-нибудь иноземного королевства.

Несарина перехватила его взгляд. Ее черные немигающие глаза были холодны. Только черные, до плеч волосы раскачивались в такт шагам. На ее прекрасном суровом лице не отражалось ни малейшего беспокойства. Ничто не выдавало ее состояния. А ведь ее и Шаола ждала встреча с одним из самых могущественных правителей мира. Только он мог изменить судьбу Эрилеи – их континента, где на землях Адарлана и Террасена уже наверняка полыхала война.

Шаол молча смотрел вперед. По пути сюда Несарина предупредила его, что здешние стены, колонны и арки имеют уши, глаза и уста.

Только эта мысль и удерживала Шаола от желания теревить одежду, которую он после раздумий выбрал для встречи с хаганом: светло-коричневые штаны, каштанового цвета сапоги почти до колена и белую рубашку из тончайшего шелка. Рубашка почти целиком скрывалась под зеленовато-голубым камзолом. Камзол был довольно простого покроя; на его истинную стоимость указывали лишь изящные медные застёжки и блеск золотистых нитей, окаймляющих высокий воротник и кромки. Меча на кожаном поясе на этот раз не было, и Шаолу не хватало привычной, успокоительной тяжести оружия.

Своих ног, обутых в сапоги, он тоже не ощущал.

Шаол отправился на Южный континент, чтобы выполнить два задания. И до сих пор не знал, какое окажется в большей степени невыполнимым.

Первое. Шаолу предстояло убедить хагана и его шестерых потенциальных наследников и наследниц поддержать Эрилею в войне против Эравана и отправить туда свою внушительную армию...

Второе. Найти в Торре-Кесме целителя, способного вернуть ему возможность ходить.

Словом, починить его. Само это слово вызывало у Шаола отвращение. Он ненавидел его наравне с лязгом и скрипом колес. «Починить». А ведь так будет звучать просьба... даже мольба, с которой он обратится к легендарным целителям. И все равно от проклятого слова у Шаола сводило живот.

По пути сюда он старательно гнал из разума и само слово, и мысли о своей неподвижности. Из гавани к дворцу Шаола и Несарину сопровождала стайка молчаливых слуг. Их обоих усадили в карету и повезли по извилистым и пыльным улицам Антики. Последний отрезок пути они проделали вверх по склону – туда, где на вершине холма виднелись купола и тридцать шесть минаретов дворца.

И повсюду, куда ни глянь, взгляд натыкался на белые лоскуты. Шелковые, полотняные, даже войлочные. Они свешивались из каждого окна, раскачивались над каждой дверью, мелькали на фонарях. Несарина шепотом пояснила: недавно умер какой-то сановник или родственник хагана. В каждом уголке Южного континента были свои ритуалы погребения. Когда эти земли попали под власть хаганата, ритуалы изменились, перемешавшись с обычаями других мест. Белый цвет был наследием кочевого прошлого, когда умерших заворачивали в белую ткань и оставляли в степи под широким всевидящим небом.

Впрочем, город отнюдь не выглядел угрюмым. Горожане все так же сновали по улицам в своих диковинных одеждах, торговцы предлагали товары, а служители деревянных и каменных храмов звали прохожих зайти. Шаол еще раньше узнал от Несарины, что в Антике у каждого бога есть храм. Но над всеми храмами и даже над дворцом возвышалась башня из светлого камня. Она стояла на одном из южных холмов.

Торра. Башня, где обитали самые лучшие целители в мире смертных. Шаол старался особо не разглядывать ее из окошек кареты, хотя громадная башня была видна с любой столичной улицы. Слуги не сказали о ней ни слова и вообще как бы ее не замечали. А ведь башня вполне могла соперничать с дворцом хагана.

Нет, вышколенные слуги говорили только по необходимости. Никакой посторонней болтовни. Они даже не упомянули траурные лоскуты, развевающиеся на сухом и жарком ветру. Женщины оказались ничуть не общительнее мужчин. Одежда всех слуг состояла из шаровар и свободных камзолов глубоко-синего и ярко-красного цветов, окаймленных светло-золотистым шитьем. Это были наемные слуги – потомки рабов, которыми когда-то владели предки хагана. Рабство отменили сравнительно недавно. Его упразднила мать нынешнего хагана – мечтательница и бунтарка. Отмена рабства была одним из многочисленных ее улучшений жизни в империи. *Хагана* (так именовались женщины-правительницы) освободила рабов, но оставила их в качестве наемных слуг. Затем в услужение поступили их дети, а теперь уже и внуки.

Судя по виду слуг, ели они досыта и во всем остальном не чувствовали себя обделенными. Шаола и Несарину они сопровождали почтительно и без робости. Похоже, что и нынешний хаган унаследовал от матери достойное обращение со слугами. Хорошо бы эта традиция затем перешла к его преемнику.

В отличие от Адарлана и Террасена, здешнее престолонаследие не определялось старшинством, и мужчины не имели преимущества перед женщинами. Многодетность правителя лишь отчасти облегчала выбор. А соперничество между братьями и сестрами превращалось в кровавое состязание. Все уловки и ухищрения предпринимались с единственной целью – показать отцу или матери, кто из детей самый сильный, самый мудрый и наиболее пригоден для правления империей.

Учитывая, что хаган может умереть или погибнуть, не успев назвать преемника, закон обязывал делать предварительный выбор. Имя избранника писалось на особом листе пергамента, лист скреплялся печатью хагана, помещался в неприметную шкатулку, а шкатулка – в тайное хранилище. Предварительный выбор можно было в любое время изменить. Главное, чтобы шкатулка не оставалась пустой. Закон создавался с целью предотвратить то, чего в хаганате боялись с самого момента его создания, – распада империи. Обрушение не под натиском внешних сил, а изнутри.

Предок нынешнего хагана был мудр. За все триста лет в хаганате ни разу не вспыхнула гражданская война.

Миновали приемный зал. Слуги распахнули двери тронного зала, и Несарина вкатила туда кресло Шаола. Между двумя громадными колоннами в изящном поклоне застыли другие слуги – рангом выше. Тронный зал поражал роскошью и изяществом отделки. Десятки придворных собрались возле позолоченного возвышения, сверкающего на полуденном солнце. На

троне восседал хаган. Перед ним стояли пятеро его детей: сыновья и дочери. К кому из них однажды перейдет власть над хаганатом?

В зале слышен был лишь шелест одежд полусотни придворных (Шаол наметанным глазом быстро подсчитал их), стоявших по обе стороны возвышения. Две живые стены, пестрящие шелками и драгоценностями, образовали внушительный коридор, по которому Несарина катила его кресло.

Шелест одежд и скрип колес. Еще утром Несарина тщательно их смазала, однако три недели путешествия морем не лучшим образом сказались на металле. Звук был отвратительным, словно гвоздями царапали камень.

Но Шаол держал голову высоко поднятой, а плечи – расправленными.

Несарина остановилась на почтительном расстоянии от возвышения. Правильнее сказать, от стены детей хагана, вставших между незванными гостями и отцом. Все пятеро были взрослыми людьми, в расцвете сил.

Первой обязанностью принца и принцессы была защита не отца. Хагана. Правителя империи. Так легче всего показать свою верность и повысить шансы на избрание. И эти пятеро...

Шаол придал лицу нейтральное выражение и снова пересчитал детей хагана. Только пять. Не шесть, как говорила Несарина.

Шаол не стал оглядывать зал в поисках отсутствующей младшей дочери хагана. Он поклонился в пояс. Поклон он добросовестно отработывал всю последнюю неделю их плаванья, когда погода становилась все жарче, а воздух – все суше. Да и солнце припекало нещадно. Кланяться, сидя в кресле, было непривычно, однако Шаол добросовестно нагибался, пока его взгляд не уткнулся в безупречно начищенные сапоги. Под сапогами скрывались ноги, утратившие чувствительность и подвижность.

По шороху одежды слева Шаол понял: Несарина тоже застыла в глубоком поклоне. Она говорила, в таком положении нужно замереть на три полных вдоха и выдоха.

Шаол употребил это время на то, чтобы собраться и спрятать ощущение тяжести, лежавшее на плечах их обоих.

Когда-то он умел стоять в карауле не шелохнувшись. Он годами служил отцу Дорина, беспрекословно выполняя приказы. А еще раньше – годами выдерживал общение с собственным отцом, чьи слова и кулаки были одинаково тяжелы. Теперь отцовская должность управителя Аньеля – его родного города – перешла к Шаолу.

Слово «управитель» перед именем Шаола воспринималось как насмешка. Насмешка и ложь. Но Дорин, невзирая на все протесты Шаола, отказался освободить его от должности.

Управитель Шаол Эстфол. Главный советник короля.

Он ненавидел свое звание. Даже сильнее, чем скрип колес. Сильнее, чем тело, которое ниже бедер было бесчувственно. Даже сейчас, когда с момента увечья прошла не одна неделя, это продолжало удивлять Шаола.

Если и называть его управителем, то управителем ничтожеств. Управителем клятвопреступников. Управителем лжецов.

Шаол выпрямился и встретился взглядом с прищуренными глазами седовласого человека на троне. Смуглое морщинистое лицо хагана расплылось в легкой ехидной улыбке... Может, хаган знал, какие мысли теснились в голове Шаола?

2

Несарине казалось, что она раздваивается.

В какой-то мере она являлась капитаном королевской гвардии Адарлана. В этом качестве она поклялась королю Дорину сделать все, чтобы человек в кресле на колесах получил надле-

жащее лечение, а человек, восседающий на троне, согласился помочь Эрилее своей армией. Поэтому она стояла с высоко поднятой головой и широко расправленными плечами, держа правую руку подальше от эфеса старинного меча.

Но было в ней и кое-что другое.

В глубине души она проглотила слезы, заведя на горизонте шпили, купола и минареты города богов и, конечно же, громаду Торры. Сойдя с корабля, Несарина вдохнула аромат паприки, отдающий дымом, резкий запах имбиря и манящую сладость тмина и поняла: она дома. Пусть она служила Адарлану и готова была умереть за королевство Дорина, пусть там осталась ее семья, но здесь когда-то жил ее отец. И даже ее адарланской матери в Антике дышалось легче. Несарина оказалась среди своих.

У ее соплеменников были разные оттенки кожи: от коричневой до бронзовой. У всех – густые блестящие черные волосы – ее волосы. Форма глаз тоже различалась. Встречались глаза раскосые, глаза широкие и круглые, а также глаза-щелочки. В основном черные и карие, но иногда попадались люди со светло-кариими и даже зелеными глазами. Ее народ. Уроженцы разных частей Южного континента, однако на здешних улицах никто бы не шипел ей вслед. В детстве сверстники не кидались бы в нее камнями. Дети ее сестры не ощущали бы себя чужаками, мало того – изгоями.

И поэтому, хоть Несарина и стояла с распрямленными плечами и поднятой головой, у нее подкашивались колени при взгляде на тех, кто был перед нею. И на то, что они собою олицетворяли.

Несарина не отважилась открыть отцу, куда и зачем отправляется. Намекнула лишь, что король Адарлана посылает ее с поручением, выполнение которого может занять продолжительное время.

Скажи она правду, отец не поверил бы. Она и сама до конца не верила.

О нынешнем хагане в ее семье рассказывали истории, когда зимними вечерами все собирались у очага. О его детях говорили в отцовской пекарне, меся тесто для бесчисленных караваев. Несарина помнила легенды о предках хагана, которые она слушала перед сном. Одни помогали Несарине заснуть, другие заставляли ночь напролет ворочаться в постели, сжимаясь от ужаса.

Хаган был живым мифом. Таким же божеством, как и тридцать шесть богов, что правили городом и империей.

Мест поклонения памяти прежних хаганов в Антике было не меньше, чем храмов. А то и больше. Это благодаря хаганам столицу называли городом богов. И сейчас Несарина видела живого бога, восседавшего на троне из слоновой кости. Трон стоял на золотом возвышении.

Легенды, которые ей шепотом рассказывал отец, не соврали: возвышение было из чистого золота.

А шестерых детей хагана Несарина могла бы назвать сама, не дожидаясь, пока их ей представят. Да и Шаол тоже: сколько раз она ему рассказывала о семье хагана во всех подробностях.

Однако сама встреча должна была происходить совсем не так.

Пока плыли сюда, Несарина рассказывала Шаолу о родине предков, а он посвящал ее в тонкости придворного этикета. Сам он крайне редко участвовал в придворных церемониях, зато часто их наблюдал, будучи на королевской службе.

Наблюдатель чужих игр нынче превратился в главного игрока. А ставки в этой игре были немислимо высоки.

Шаол и Несарина ждали, когда хаган заговорит.

По пути в тронный зал Несарина старалась не глазеть по сторонам. Отец несколько раз возил ее в Антику, но дворец она видела лишь снаружи. Внутри не бывали ни отец, ни дед, ни кто-либо из их предков. В городе богов дворец хагана был наисвятейшим из всех храмов. И самым хитроумным из лабиринтов.

Хаган сидел не шелохнувшись.

Этот трон из слоновой кости сменил прежний лет сто назад. Тогдашний хаган – седьмой по счету – отдал такой приказ, поскольку уже не помещался на сиденье. По свидетельству историков, причиной смерти хагана стали обжорство и неумеренные возлияния. Правда, ему хватило здравомыслия назвать имя преемника раньше, чем он сам, схватившись за грудь, замертво свалился с нового трона.

Нынешнему хагану, которого звали Арас, было не более шестидесяти, и обликом своим он выгодно отличался от грузного предка. Конечно, его волосы успели поседеть и стать одного цвета с резным тронном. Шрамы на морщинистой коже напоминали о войне за трон, происшедшей накануне смерти матери. Но его черные, как оникс, раскосые глаза сверкали яркими звездами. Они все видели и все понимали.

Короны на седой голове хагана не было. Боги, обитающие среди смертных, не нуждаются в особых знаках своей власти.

Позади трона, на жарком ветерке из открытых окон, трепетали белые шелковые лоскуты. Покойный был весьма важной персоной, если траурный шелк присутствовал даже в тронном зале. Мысли хагана и его семьи невольно уносились туда, где душа умершего соединилась с Вечными Синими Небесами и Спящей Землей. Хаган и его предки почитали то незримое место, а своим подданным оставляли право выбирать, кому из тридцати шести богов поклоняться.

Не исключено, что пантеон разрастется вследствие присоединения к империи новых земель и их собственных богов. За тридцать лет правления нынешний хаган преуспел в этом, захватив несколько заморских королевств.

Пальцы хагана, испещренные шрамами, были унизаны кольцами со сверкающими драгоценными камнями. Каждое кольцо – память о присоединенном государстве.

Это был воин в наряде правителя. Все так же молча хаган снял руки с подлокотников трона, сделанного из бивней могучих зверей, что нынче почти исчезли, а еще сто лет назад бродили по степям срединной части континента. Руки хагана переместились на колени и утонули в складках синего, с золотым окаймлением шелка. Синюю краску добывали в густых, жарких и влажных лесах западной части державы. Ткани красили в городе Бальруне, где когда-то жили предки Несарины по отцовской линии. Но любопытство и честолюбие заставили ее прадеда взять семью и отправиться через горы, степи и пустыни на засушливый север, в город богов.

Род Фелаков и раньше занимался торговлей. Их товары не относились к числу редких и дорогих. Добротные ткани, пряности, потребные в любом доме. Дядя Несарины и сейчас торговал ими. Заработанные деньги он не прятал в сундук, а прибыльно вкладывал, благодаря чему стал не сказать что богатым, но довольно зажиточным человеком. Сейчас он с семьей владели красивым домом в столице. На сословной лестнице дядя стоял выше отца Несарины, решившего покинуть родину и стать пекарем.

– Не каждый день новый король отправляет к нашим берегам столь важных посланцев, – наконец произнес хаган – на адарланском, а не халхийском, основном языке Южного континента. – Полагаю, мы должны посчитать это честью.

Как и отец Несарины, хаган говорил с акцентом, но в его голосе не ощущалось ни тепла, ни легкой насмешливости. С детства хаган жил в подчинении, затем сражался за власть. Он казнил двух братьев, показавших себя жалкими неудачниками. Из оставшихся троих один отправился в изгнание, а двое других принесли клятву верности хагану. А поскольку словесной клятвы ему было мало, искусные целители Торры сделали их бесплодными.

– Это я считаю честью предстать перед вами, великий хаган, – склонив голову, ответил Шаол.

Привычные слова «ваше величество» были бы здесь неуместны и даже оскорбительны. Они годились для королей и королев. Чужеземные титулы не отражали могущества этого человека. Только «великий хаган» – титул, взятый себе самым первым хаганом.

– Ты считаешь, – будто размышляя вслух, произнес хаган. Его черные глаза скользнули по Несарине. – А что скажет твоя спутница?

Несарина подавила настойчивое желание снова поклониться. Она вдруг поняла, как разительно отличался от хагана Дорин Хавильяр. Но Аэлина Галатиния... пожалуй, у той нашлось бы с Арасом больше общего. Или найдется, если она уцелеет и воссядет на троне Террасена.

Поймав на себе пристальный взгляд Шаола, Несарина поспешно отбросила эти мысли. По плечам Шаола чувствовалось, как он напряжен. Не из-за речей или обстановки. Довольно присутствия могущественного правителя и воина; а ему еще приходится запрокидывать голову, чтобы видеть трон Араса. Ох, непростой день выдался сегодня у главного советника адарланского короля.

Несарина ограничилась легким поклоном:

– Меня зовут Несарина Фелак. Я – капитан королевской гвардии Адарлана. Господин Эстфол занимал эту должность до меня, пока нынешним летом король Дорин не назначил его своим главным советником.

Как хорошо, что за годы жизни в Рафтхоле она научилась не улыбаться, не сжиматься и не показывать страх. Научилась говорить ровным, спокойным голосом, даже когда у нее дрожали колени.

– Но мои предки по отцовской линии родом с Южного континента. Признаюсь вам, великий хаган: часть моей души принадлежит Антике.

Несарина прижала руку к сердцу. Мозоли на ладонях задевали тонкие золотистые нити, которыми был расшит ее мундир. Цвета империи, не раз преследовавшей и унижавшей ее семью.

– Оказаться в вашем дворце – высокая честь для меня.

Возможно, она говорила правду.

Если у нее найдется время навестить дядину семью, живущую в Рунни – тихой зеленой части Антики, где обитали преуспевающие торговцы, – она расскажет родным о посещении дворца хагана. Они наверняка согласятся, что Несарина удостоилась высокой чести.

– В таком случае добро пожаловать в твой настоящий дом, капитан, – слегка улыбнулся хаган.

Несарина не столько увидела, сколько почувствовала вспышку раздражения Шаола. Трудно сказать, что именно его задело: то, что родным домом Несарины называли Антику, или то, что его прежняя должность теперь принадлежала ей.

Но Несарина поклонилась еще раз, выражая благодарность.

– Сдается мне, что вы оба явились сюда уговаривать меня примкнуть к вашей войне, – сказал Шаолу хаган.

– Мы прибыли по распоряжению моего короля, – напряженно ответил Шаол, с гордостью произнеся последнее слово. – Мы надеемся открыть эру новых отношений между нашими континентами, построенных на основании мира и взаимовыгодной торговли.

Одна из дочерей хагана – молодая женщина с черными, как ночь, струящимися волосами и глазами, полными темного огня, – искоса посмотрела на брата, стоящего слева. Тот был года на три старше ее.

Хасара и Сартак. Третья по старшинству среди детей хагана, а ее брат – второй. Оба были одеты в одинаковые широкие шаровары и вышитые камзолы. На ногах – такие же одинаковые высокие сапоги из тонкой кожи. Красивой Хасару не назовешь, но эти глаза... Огонь, пляшущий в них, и то, как она посмотрела на старшего брата, преображали ее лицо.

И Сартак – командир отцовской воздушной армии, солдаты которой назывались руккинами.

Воздушная кавалерия его соплеменников с давних пор обитала в высоких Таванских горах. Они летали на рукках – громадных птицах, внешне напоминающих орлов. Рукки легко могли справиться с быком и завалить лошадь. Размерами и весом они уступали драконам Железзубых ведм, зато отличались быстротой, проворством и поистине лисьей хитростью. Идеальные крылатые кони для легендарных лучников, сражавшихся в воздухе.

Лицо Сартака оставалось бесстрастным. Он стоял широко расправив плечи. Похоже, как и Шаолу, ему было неуютно в нарядной одежде. Несарина даже знала имя рукки, на которой летал Сартак, – Кадара. Возможно, та сейчас устроилась на одном из тридцати шести дворцовых минаретов, поглядывая на испуганных слуг и караульных и нетерпеливо дожидаясь возвращения хозяина.

Если Сартак во дворце... Должно быть, здесь заранее знали о приезде посланцев Адарлана.

Понимающий взгляд, каким обменялись Сартак и Хасара, многое сказал Несарине. Во дворце хагана уже обсуждали и визит северных гостей, и цели визита.

Взгляд Сартака переместился на Несарину.

Она невольно моргнула. Кожа командира руккинов была смуглее, чем у его братьев и сестер. Возможно, сказывалось постоянное пребывание в воздухе и под солнцем. Глаза Сартака казались кусочками черного камня: бездонные и непроницаемые. Прядь его черных волос была заплетена в косичку и закинута за ухо, остальные свободно ниспадали на плечи и мускулистую грудь. Они слегка качнулись, когда Сартак насмешливо (в этом Несарина могла бы поклясться) наклонил голову.

Нечего сказать, посланцы Адарлана! И как только угораздило короля отправить к хагану эту жалкую парочку: покалеченного бывшего капитана и простолюдинку – его преемницу? Возможно, изначальные слова хагана о чести являлись завуалированным намеком на оскорбление, которое ему нанесено этим выбором послов.

Взгляд Сартака не отпускал; усилием воли Несарина отвела глаза, но продолжала ощущать этот взгляд, как призрачное прикосновение.

– Мы привезли с собой дары его величества короля Адарлана. – Шаол подал знак слугам за спиной.

Еще весной королева Гергина, мать Дорина, вместе со свитой отбыла в горный замок. Туда же отправилась изрядная часть богатств адарланской короны. Остальное за несколько месяцев успел куда-то переправить его отец. Когда встал вопрос о подарках, Дорин спустился в подземелья, где хранились сокровища. Несарина и сейчас слышала эхо грязных ругательств, вылетающих из королевского рта. Она и подумать не могла, что новый король умеет так ругаться. Но иных слов у Дорина не было: в кладовых, некогда ломившихся от золота и драгоценностей, он нашел лишь несколько монет.

Как обычно, у Аэлины появился замысел.

Несарина находилась возле нового короля, когда слуги притащили два больших сундука, набитых сокровищами. Внутри сверкали драгоценности, достойные королевы... королевы ассасинов.

Дорин попытался возражать, но Аэлина не пожелала слушать. «У меня достаточно средств, – сказала она. – Это пусть отправится к хагану как дар от адарланского короля».

Уже потом, на корабле, Несарина часто раздумывала над щедростью Аэлины. Может, Аэлина была рада избавиться от всего, что она когда-то покупала на «кровавые деньги»? Может, радовалась, что адарланские сокровища не попадут в Террасен?

И вот теперь слуги хагана открыли крышки четырех сундуков. (Еще один совет Аэлины: так дар покажется более внушительным.) Придворные, до сих пор хранившие молчание, подошли ближе.

Блеск золота, серебра и драгоценных камней вызвал оживленное перешептывание.

И не успел хаган наклониться и взглянуть на сокровища, как Шаол снова заговорил:

– Это совместный дар адарланского короля Дорина Хавильяра и террасенской королевы Аэлины Галатинии.

Услышав второе имя, принцесса Хасара пристально поглядела на Шаола.

Принц Сартак лишь мельком взглянул на отца. Аргун, старший сын хагана, хмуро поглядывал на привезенные дары.

Аргуна называли принцем шпионов. Он был политиком. Его обожали крупные торговцы и все те, кто пользовался властью и влиянием на континенте. Пока двое его братьев оттачивали воинское мастерство, Аргун оттачивал ум. Нынче он возглавлял совет, куда входили тридцать шесть визирей хагана. И этот его хмурый взгляд на сокровища...

На бриллиантовые и рубиновые ожерелья. На золотые и изумрудные браслеты. На сапфировые и аметистовые серьги, напоминающие маленькие люстры. А какие изумительные кольца лежали в сундуках. Некоторые украшали самоцветы величиной с ласточкино яйцо. Поблескивали золотые гребни, булавки, всеми цветами радуги переливались броши. Сокровища, добытые кровью и кровью же купленные.

Из всех детей хагана самый искренний интерес дары вызвали у Дувы – стройной и милой женщины. Здесь она была самой младшей. Ее изящную руку украшало толстое серебряное кольцо с громадным сапфиром. Рука Дувы покоилась на заметно округлившемся животе.

Похоже, она забеременела полгода назад, хотя одежда с обилием складок (Дува предпочитала розовые и пурпурные тона) и худощавая фигура не позволяли точно определить срок. Это наверняка ее первый ребенок. Дуву выдали замуж за какого-то принца – уроженца заморских земель далеко к востоку от континента. А южной соседкой принца была Доранелла. Замотивированный опасные поползновения фэйской королевы, он решил через брачный союз обезопасить свою родину и обрести могущественного покровителя в лице хагана. Возможно, что это был политический шаг самого хагана, решившего в очередной раз расширить свои и без того внушительные владения.

Несарина не позволила себе слишком долго разглядывать выпирающий живот Дувы.

Ей не хотелось думать о будущем этой милой женщины, но мысли сами лезли в голову. Если новым хаганом станет брат или сестра Дувы, они постараются произвести на свет как можно больше собственных детей. А затем начнут устранять всех, кто может оспорить их права на трон. Иными словами, братьев и сестер наряду с племянниками и племянницами.

Несарину продолжали захлестывать мысли о будущем Дувы. Выдержит ли? Полюбила ли она дитя, растущее в ее чреве, или ей хватило мудрости не поддаваться этому чувству? Сумеет ли отец ребенка сделать все, что в его силах, и надежно спрятать малыша, если у нового хагана дойдет до расправ?

Арас откинулся на спинку трона. Его дети вновь встали живой цепью. Рука Дувы соскользнула с живота.

– Эти драгоценности изготовлены лучшими адарланскими ювелирами, – пояснил Шаол. Хаган не торопился отвечать, вертя на пальце кольцо лимонно-желтого цвета.

– Если прежде они лежали в сундуках Аэлины Галатинии, не сомневаюсь, что так оно и есть.

Несарина и Шаол онемели. Они знали, по крайней мере подозревали, что у хагана есть шпионы повсюду: на суше и на море. Если всплывет прошлое Аэлины, это осложнит разговор с Арасом.

– Ты ведь не только главный советник адарланского короля, – продолжал хаган, – но еще и полномочный посол Террасена. Я не ошибся?

– Все верно, – подтвердил Шаол.

Арас встал, выказывая едва заметную хромоту. Его дети тут же расступились, дабы не мешать отцу спускаться с золотого возвышения. Самый высокий из сыновей, крепкий и, быть может, более порывистый (если сравнивать с наблюдательным Сартаком), пристально разглядывал собравшихся, словно оценивая потенциальные угрозы. Кашан. Четвертый по старшинству.

Если Сартак командовал руккинами на севере и в срединной части континента, Кашан управлял войсками хагана на земле. Главным образом пехотой и конницей. Аргун ведал государственной политикой и приглядывал за визирями, а Хасара, по слухам, командовала корабельными армадами. Кашан не заботился о внешнем лоске. Его темные волосы были заплетены в тугую косу, открывая широкое скуластое лицо. Обаятельный? Пожалуй. Казалось, жизнь среди солдат повлияла на него, но не в дурную сторону.

Хаган спустился с возвышения. Он ступал неслышно; шуршали лишь складки его синей одежды. Глядя, как он ступает по зеленому мрамору, Несарина убеждалась: этот человек когда-то командовал не только руккинами в небе. Ему подчинялись военачальники конницы. Ему подчинялись моряки военных кораблей. А затем Арас и старший брат сошлись в поединке. Так приказала их умирающая мать. Болезнь, сжигающую ее, не могли остановить даже лучшие целители Торры. Кто из сыновей победит, тот и станет хаганом.

Прежняя хагана обожала зрелища. Для жестокого поединка между сыновьями она избрала амфитеатр в самом сердце города. Двери были открыты для всех, кто сумеет протолкнуться и найдет себе место. Зрители сидели на всем, чуть ли не головах друг друга. Еще тысячи горожан, не вместившиеся в белокаменное здание, заполнили прилегающие улицы. На колоннах верхнего яруса расположились рукки с всадниками. Немало руккинов кружило в воздухе, следя за поединком с высоты.

Сражение наследников длилось шесть часов.

Они боролись не только друг с другом, но и с внезапно появляющимися противниками. Так хагана устраивала сыновьям дополнительную проверку на стойкость. Из клеток, скрытых под ареной, выпрыгивали разъяренные дикие кошки. Из сумрака входных туннелей выкатывались колесницы, усеянные шипами. Колесницами правили копьеметатели.

В тот памятный день отец Несарины находился на улице, среди взбудораженной толпы, жадно ловившей крики тех, кто сумел взобраться на колонны и следил за ходом кровавого зрелища.

Последний удар не был проявлением жестокости или ненависти.

Орада – старшего брата Араса – ранил копьем в бок воин с колесницы. После шести часов кровавой битвы и борьбы за выживание этот удар свалил его. Орад лежал, не имея сил подняться.

И тогда Арас отбросил свой меч. Зрители замерли, ожидая, как он поступит. Арас протянул брату окровавленную руку, помогая встать.

Орад выхватил припрятанный кинжал и ударил Араса, метя в сердце. Он промахнулся на полпальца. Арас с криком вырвал кинжал из раны и вонзил в брата.

Арас не промахнулся.

У него наверняка остался шрам. Несарина думала об этом, глядя, как Арас неторопливо идет к сундукам с дарами. Интересно, оплакивала ли хагана гибель старшего сына, убитого другим сыном, который через несколько дней унаследует ее власть? Или, заранее зная участь своих детей, она не позволяла себе их любить?

Арас, хаган Южного континента, остановился перед Несариной и Шаолом. Он был выше Несарины на целых пол-локтя. Его плечи оставались широко расправленными, а спина – прямой.

Нагнувшись с едва заметным усилием, говорящим о возрасте, хаган подцепил из сундука ожерелье из бриллиантов и сапфиров. В его морщинистых, покрытых шрамами руках оно сверкало, словно живая река. Подбородком Арас указал на узолицего принца, наблюдавшего за гостями и придворными:

– Это мой старший сын Аргун. Недавно я слышал от него удивительный рассказ, касающийся королевы Аэлины Ашерир-Галатинии.

Несарина ждала удара. Шаол выдержал взгляд Араса.

Только сейчас Несарина заметила, что у Сартака отцовские глаза. Темные глаза Араса буквально плясали в такт произносимым словам.

– Двадцатилетняя королева многих привела бы в замешательство. Дорина Хавильера хотя бы с рождения готовили к тому, что однажды он станет королем и будет править двором и королевством. Но Аэлина Галатиния...

Хаган швырнул ожерелье обратно в сундук. Оно упало с громким лязгом, какой издает металлический предмет, ударяясь о каменный пол.

– Наверное, кто-то сочтет десять лет ее опыта как ассасина достаточным.

В тронном зале снова зашептались. Глаза Хасары сверкали, как угли. Лицо Сартака ничуть не изменилось. Возможно, умение владеть лицом он перенял от старшего брата. Что ж, у Аргуна и впрямь искусные шпионы, если они разузнали о прошлом Аэлины. Между тем сам Аргун старательно прятал довольную улыбку.

– Пусть наши континенты и разделены Узким морем, – сказал хаган Шаолу, в лице которого тоже ничего не изменилось, – но даже мы слышали о Селене Сардотин. Дары, что вы мне привезли, явно из ее сокровищницы. Однако вы их привезли мне, тогда как моя дочь Дува (кивок в сторону его милой беременной дочери, стоящей рядом с Хасарой) до сих пор не получила свадебных подарков ни от вашего нового короля, ни от вернувшейся королевы. А ведь остальные правители прислали ей подарки еще полгода назад.

Несарина едва не вздрогнула. Оплотность, никто не спорит. Причин для нее было достаточно. Убедительных причин, но о них не скажешь во дворце хагана. Шаол тоже не произнес ни слова.

– Но, – продолжал хаган, – невзирая на эти сокровища, которые вы свалили к моим ногам, как мешки с зерном, я бы хотел услышать правду. Особенно после подвигов Аэлины Галатинии. Это ведь она разрушила стеклянный замок в Рафтхоле, убила вашего прежнего короля и захватила столицу.

– Если принц Аргун располагает сведениями, возможно, вам незачем повторно выслушивать их от меня, – с непоколебимым спокойствием сказал Шаол.

С вызывающим спокойствием, так показалось Несарине. В отличие от ног, голос Шаолу подчинялся.

– Возможно, и незачем, – согласился хаган. Меж тем Аргун чуть прищурился. – Но думаю, тебе и твоей спутнице стоит выслушать правду из моих уст.

Шаол ни о чем не спрашивал. Не выказывал даже малейшего интереса, ограничившись дерзким:

– Да?

Кашан напрягся. Похоже, он был самым ревностным отцовским защитником. Аргун лишь переглянулся с каким-то визирем и улыбнулся Шаолу, словно гадюка, готовая ужалить.

– А сейчас я расскажу, зачем ты пожаловал в наши края, господин Эстфол, главный советник короля.

Тронный зал затих. Только чайки, кружащие высоко над его куполом, осмеливались нарушать эту тишину.

Хаган опустил крышки трех сундуков:

– Думаю, вы оба явились сюда убеждать меня примкнуть к вашей войне. Адарлан разделен. Террасен находится в плачевном состоянии, и уцелевшую тамошнюю знать будет трудно убедить сражаться за неопытную королеву. Они бы еще поняли, если бы эти десять лет она провела в изгнании. Но она безбедно жила в Рафтхоле и покупала драгоценности на свои кровавые деньги. Список ваших союзников невелик, да и их надежность вызывает сомнения. Силы герцога Перангтона вовсе не на стороне нового короля. Остальные королевства на вашем континенте находятся не в лучшем состоянии, чем Террасен. К тому же они отделены от ваших северных земель войсками Перангтона. И потому вы примчались сюда на всех парусах, чтобы убедить меня отправить армию к вашим берегам и проливать нашу кровь за проигранное дело.

– Иные считают это дело благородным, – возразил Шаол.

– Я недоговорил, – махнул рукой хаган.

Шаол встрепнулся, но не решился дальше перебивать хагана. У Несарины гулко кололось сердце.

– Многие, – поднятая рука Араса указала в сторону Аргуна, Хасары и нескольких визирей, – выскажутся против нашего вступления в войну. Или посоветуют примкнуть к побеждающей стороне, с которой все эти десять лет мы прибыльно торговали.

Все визири (среди них были и женщины) носили одинаковые золотистые одежды. Хаган указал на других визирей, затем на Сартака, Кашана и Дуву:

– Иные скажут, что вступать в союз с Перангтоном опасно, ибо это может кончиться высадкой его войск в наших гаванях. Они мне скажут, что теперь, когда в Адарлане сменился король, потрепанные королевства Эйлуэ и Фенхару вновь поднимутся и станут процветающими и что торговля с ними наполнит наши сундуки золотом. Вы наверняка пообещаете мне то же самое. Предложите мне наивыгоднейшие условия торговли, хотя и в ущерб себе. Напрасные усилия. У вас нет ничего такого, чего бы уже не было у меня. Или чего я не могу заполучить, если захочу.

Хвала богам – Шаол не раскрывал рта. Только его карие глаза вспыхнули в ответ на скрытую угрозу.

Хаган взглянул в содержимое четвертого сундука, все еще открытого. Там лежали гребни и щетки, отделанные драгоценными камнями, а также изящные флаконы для духов – плоды труда лучших адарланских стеклодувов. Они же выдували стекло для разрушенного Аэлиной замка.

– Итак, вы оба явились убеждать меня примкнуть к вашему делу. И мне надлежит обдумать ваши предложения, пока вы здесь. Ты, бывший капитан королевской гвардии, имеешь и собственную причину посетить наш континент.

Хаган небрежно указал на кресло. Загорелые щеки Шаола побледнели, но сам он не вздрогнул и не опустил головы. Несарина тоже заставила себя хранить невозмутимость.

– Аргун сообщил мне, что увечья ты получил совсем недавно. Пострадал во время взрыва стеклянного замка. Похоже, террасенская королева не очень-то заботилась о защите своих союзников.

У Шаола едва заметно дрогнула челюсть. Сейчас все – от принца до слуги – смотрели на его ноги.

– Поскольку ваши отношения с Доранеллой испорчены, за что опять-таки надо благодарить Аэлину Галатинию, Торра-Кесме остается единственным местом, где ты можешь рассчитывать на исцеление.

Хаган пожал плечами, и в нем на мгновение промелькнул дерзкий воин, каким он был в юности.

– Если бы я отказал изувеченному человеку в шансе на исцеление, это глубоко опечалило бы мою любимую жену. – (Несарина только сейчас с удивлением заметила, что жены хагана нет в тронном зале.) – Посему я, конечно же, позволю тебе обратиться к целительницам Торры. Согласятся ли они взяться за тебя – им решать. Даже я не смею приказывать Торре.

Торра. Знаменитая башня на южной окраине Антики, на вершине самого высокого холма, круто обрывавшегося к зеленому морю. Обитель знаменитых целительниц. Храм Сильбы – богини врачевания и блаженной смерти, покровительствующей им. За несколько столетий существования империи она приняла под свое крыло тридцать шесть богов и богинь, которым поклонялись в разных уголках континента. Иные насчитывали множество приверженцев, другие – единицы. И только власть Сильбы не ослабевала, и никто не смел на нее покуситься.

Вид у Шаола был такой, словно он глотал горячие угли, но он заставил себя поклониться и произнести:

– Благодарю вас за милосердие, великий хаган.

– Сегодня отдыхай. Я их оповещу, что завтра утром ты будешь готов к встрече. Поскольку ты не можешь добраться туда сам, они пришлют кого-то сюда. Если согласятся.

Пальцы Шаола, лежащие на коленях, дернулись, но не сжались в кулак. Несарина стояла затаив дыхание.

– Я в их распоряжении, – сдавленно сказал он.

Хаган захлопнул крышку четвертого сундука:

– Эти дары, главный советник короля и полномочный посол Аэлины Галатинии, можешь оставить себе. Мне они не нужны и не интересны.

– Почему? – вскинул голову Шаол, задетый словами хагана.

Несарине захотелось сжаться в комок. Вопрос Шаола показал, что он переступил черту дозволенного. Глаза хагана гневно вспыхнули. Его дети настороженно переглядывались.

Но в глазах хагана мелькнуло и другое чувство. Несарина не знала, заметил ли его Шаол. А она заметила... усталость.

Внутри будто разлилось нечто липкое и маслянистое. Эти траурные белые лоскуты... В окнах дворца, по всему городу. Несарина вновь пересчитала детей хагана. Их должно быть шестеро.

А в тронном зале – только пятеро.

Эти «знамена смерти» во дворце и по всей Антике.

Жителям Южного континента было несвойственно долго оплакивать умерших. Случись такое в Адарлане, там нарядились бы в черное, а скорбь и уныние растянулись бы на несколько месяцев. Даже в семье хагана, когда смерть выбирала себе жертву, жизнь продолжалась. Здесь умерших не хоронили в гробах и не заполняли подземелья склепами. Тела заворачивали в белое, отвозили в дальние степи, где имелось особое место для покойников, и оставляли под открытым небом.

Сколько ни считай, в тронном зале находились только пятеро наследников. Не было Тумелуны – самой младшей из детей хагана. Едва эта мысль пронзила Несарину, она услышала слова Араса, обращенные к Шаолу:

– Твои шпионы и вправду бесполезны, если ты ничего не знаешь.

Сказав это, хаган направился к трону. Сартак выступил вперед. Бездонные глаза принца подернулись пеленой скорби. Он едва заметно кивнул, подтверждая догадку Несарины. Да, она не ошиблась.

А потом под сводами зала зазвучал твердый, но не лишенный мелодичности голос Сартака:

– Наша любимая сестра Тумелуна скоропостижно скончалась три недели назад.

Боги милосердные! Несарина представила, сколько всего произошло здесь за эти три недели. Особенно в первые дни после кончины Тумелуны. А они с Шаолом явились просить помощи в войне, да еще разглагольствовали о дарах и «благородном деле». Ее захлестнул жгучий стыд.

Тишина показалась Несарине особенно напряженной. Шаол выдержал взгляды всех детей Араса, а затем и тяжелый, усталый взгляд его самого.

– Примите мои глубочайшие, хотя и запоздалые соболезнования.

– Да перенесет ее северный ветер на прекрасные небесные равнины, – добавила Несарина.

Только Сартак кивком поблагодарил их. Остальные замерли с холодными лицами.

Несарина глазами послала Шаолу предостережение: ни в коем случае не спрашивать о причинах смерти. Он понимающе кивнул.

Хаган скреб пятнышко на подлокотнике трона. Молчание было тяжелым, словно плащи, какие и сейчас надевали конники, спасаясь от пронизывающих северных ветров в степях и жесткости деревянных седел.

– Мы три недели находились в море, – попытался оправдаться Шаол, уже более мягким тоном.

Хаган даже не сделал вида, что понимает причину:

– Что ж, тогда это объясняет ваше неведение и по части других новостей. Я не напрасно сказал, что эти камешки и побрякушки могут вам пригодиться.

Губы хагана сложились в невеселую улыбку.

– Нынче утром люди Аргуна узнали от матросов... Королевская сокровищница в Рафтхоле – вне досягаемости. Герцог Перангтон и его жуткая воздушная армия разгромили адарланскую столицу.

Несарину обдало волной звенящей тишины. Ей показалось, что Шаол перестал дышать.

– О местонахождении короля Дорина сведений нет, но Рафтхол он не удержал. Если верить слухам, сбежал под покровом ночи. Город пал. Все земли к югу от Рафтхола принадлежат Перангтону и его ведьмам.

Первыми Несарина увидела лица племянников и племянниц.

Затем – лицо сестры. Лицо отца. Их кухню. Пекарню. Пироги с грушами, остывающие на длинном столе.

Дорин бросил своих подданных. Скрылся... ради чего? Чтобы найти помощь? Просто уцелеть? Не к Аэлине ли он сбежал?

А как повела себя королевская гвардия? Хоть кто-нибудь вступился за ни в чем не повинных горожан?

У Несарины затряслись руки. Пусть. Ее не волновали насмешливые взгляды здешних придворных.

Дети сестры. Величайшая радость в жизни Несарины...

Шаол пристально смотрел на нее. На лице – ни следа ужаса или потрясения.

Красный с золотом мундир адарланской гвардии сделался тесным и удушающим.

Ведьмы на драконах. В ее городе. Свирепые ведьмы с железными зубами и ногтями, издевающиеся над беззащитными жителями. Лужи крови, куски тел. А ее семья... ее семья...

– Отец, – произнес Сартак, делая еще один шаг вперед. Его черные глаза глядели то на гостя, то на хагана. – Наши гости проделали долгий путь. Политика политикой...

Сартак неодобрительно посмотрел на старшего брата. Казалось, Аргуна забавляло, как гости восприняли весть о падении их родного города. Неужто он не видел, что у Несарины мраморный пол уходит из-под ног?

– Мы всегда были гостеприимным народом. Пусть посланцы Адарлана передохнут с дороги, а затем пообедают с нами.

К Сартаку подошла Хасара. Она тоже хмурилась, но не в упрек Аргуну, а от досады, что не она первой узнала утренние новости.

– Наш обычай – принимать гостей так, чтобы они чувствовали себя как дома.

Учтивые, благожелательные слова Хасара произнесла совершенно ледяным тоном.

– Конечно, – подхватил Арас, с некоторым ошеломлением глядя на детей.

Он махнул слугам, застывшим у дальних колонн:

– Проводите гостей в их покои. И отправьте гонца в Торру, к Хазифе. Пусть пришлет сюда того, кого сочтет нужным.

Несарина едва слышала остальные слова хагана... Ведьмы захватили город. А еще раньше, в начале лета, появились солдаты, одержимые валгскими демонами. И некому было им противостоять. Некому защитить ее семью.

Если ее семья уцелела.

Несарина не могла дышать. Мысли смешались.

Ей нельзя было уезжать из Рафтхола. Нельзя было соглашаться на эту должность.

Возможно, ее близких уже нет в живых. Или на них обрушились немыслимые страдания. «Мертвы. Мертвы», – эхом звучало в мозгу Несарины.

Она не видела подошедшую служанку, которая взялась за спинку кресла Шаола. Едва почувствовала, как Шаол потянул ее за руку. Покидая тронный зал, Несарина лишь поклонилась хагану.

Она повсюду видела их лица. Лица улыбающихся, пугающих детей сестры.

Ей ни в коем случае нельзя было ехать сюда.

3

Несарина будто оледенела. Но Шаол не мог подойти к ней, подхватить на руки и прижать к себе.

Словно призрак, она проскользнула в спальню роскошных покоев, отведенных им на первом этаже дворца. Войдя, она плотно закрыла дверь и тут же забыла о существовании Шаола и окружающего мира.

Шаол понимал ее состояние.

Он позволил служанке – молодой женщине с мелкими чертами лица и длинными каштановыми волосами, что волнами ниспадали до ее узкой талии, – вкатить кресло в другую спальню. Эта комната выходила окнами во фруктовый сад, где журчали фонтаны. На балконе второго этажа стояли вазы, и оттуда свешивались гибкие ветви с целыми каскадами розовых и пурпурных цветков, служа живыми занавесами для высоких окон. Впрочем, это были не окна, а двери.

Служанка что-то говорила о необходимости наполнить купель. Адарланским она владела значительно хуже, чем хаган и его дети. «Но мне ли судить?» – подумал Шаол. Сам он с трудом объяснялся на других языках Эрилеи.

Служанка скрылась за резной деревянной ширмой, загораживавшей вход в купальню. Дверь спальни оставалась открытой. Точно такая же дверь спальни Несарины (их разделял отделанный мрамором коридорчик) по-прежнему была плотно закрыта.

Не стоило им ехать сюда.

Шаол понимал: в его состоянии он ни на что не годен, однако... Он представлял, как сейчас мучается неведением Несарина. А он сам?

«Дорин не погиб», – мысленно твердил себе Шаол. Король сумел выбраться из замка и бежать. Попади он в руки Перангтона, точнее, в руки Эравана, они бы знали. Принц Аргун точно бы знал.

Ведьмы уничтожали Рафтхол. Уж не Манона ли Черноклювая командовала нападением?

Шаол безуспешно пытался вспомнить, все ли долги отданы с обеих сторон. Весной, сражаясь с Маноной в развалинах храма Темизии, Аэлина пощадила ведьму. Затем Манона сообщила им крайне важные сведения о том, что Дорин находится под властью валгского демона. Означало ли погашение долгов возобновление вражды? Или можно было надеяться хоть на какое-то сотрудничество?

Вряд ли. Глупо рассчитывать, что Манона восстанет против Мората. Шаол не знал, слушают ли его сейчас боги, но все же обратился к ним с молитвой, прося защитить Дорина и направить короля к дружественным берегам.

У Дорина это получится. Король слишком умен и одарен, чтобы не найтись в изменившихся обстоятельствах. Никакого иного варианта развития событий не было; точнее, Шаол отказывался принимать иные варианты. Дорин жив и в безопасности. Либо направляется в безопасное место. Шаол непременно улучит момент и выудит сведения из старшего сына хагана. Траур трауром, а им движет не праздное любопытство. Все, что известно Аргуну, узнает и он. А потом попросит эту служанку сходить в гавань и расспросить матросов с торговых судов про нападение на Рафтхол.

И ни слова об Аэлине. Где она сейчас, какие действия предпринимает? Не исключено, что Аэлина может оказаться камнем преткновения в союзе с хаганом.

Шаол скрипнул зубами. Потом еще раз. Этот звук не помешал ему услышать, как дверь, ведущая в покои, открылась и вошел рослый широкоплечий человек. Он держался так, словно владел этим дворцом.

Наверное, так и было. Принц Кашан явился один, без оружия. Он двигался с непринужденностью человека, уверенного в своей телесной силе.

Когда-то и Шаол ходил так по королевскому замку в Рафтхоле.

Шаол склонил голову в знак приветствия. Принц плотно закрыл дверь спальни и стал осматривать гостя. Он делал это с солдатской откровенностью и тщательностью. Потом его карие глаза встретились с глазами Шаола.

– Такие увечья, как у тебя, здесь не в диковинку, – по-адарлански сказал принц. – Я их часто видел. Особенно у конников – соплеменников моей семьи.

Шаолу вовсе не хотелось говорить о своем увечье ни с принцем, ни с кем-либо еще. Он кивнул, но все же из вежливости добавил:

– Не сомневаюсь.

Кашан наклонил голову и вновь стал разглядывать Шаола. Косичка свесилась на мускулистую грудь принца. Возможно, он понял нежелание гостя продолжать разговор на эту тему.

– Отцу будет очень приятно видеть вас обоих на обеде. Приглашение распространяется не только на сегодня, но и на все дни, пока вы в Антике. Для вас будут приготовлены места за высоким столом.

Шаол напомнил себе: это не личная просьба Кашана. Сидеть за одним столом с хаганом – большая честь. Но послать сына с напоминанием о приглашении... Шаол тщательно подбирал слова для ответа, потом задал свой вопрос, простой и очевидный:

– Почему?

Казалось бы, после потери младшей дочери и сестры к чему семье присутствие за трапезой чужестранцев?

Принц стиснул зубы. В отличие от двух старших братьев и сестры, он не привык скрывать чувства.

– Аргун утверждает, что шпионы герцога Перангтона пока не проникли в наш дворец и мы можем чувствовать себя спокойно. Я не разделяю его уверенности. И Сартак...

Принц спохватился, не желая упоминать брата и возможного союзника:

– Я не просто так предпочел жить среди солдат. Эти двусмысленные придворные речи...

Шаола подмывало сказать, что он понимает Кашана. Он и сам тяготился придворной болтовней, когда говорится одно, а подразумевается другое. Но вместо этого он задал принцу новый вопрос:

– Думаешь, шпионы Перангтона успели проникнуть в ваш дворец?

Сам не зная почему, Шаол почувствовал, что к Кашану можно обращаться на «ты».

Интересно, насколько Кашан и Аргун осведомлены о силах Перангтона? Знают ли они, что нынче в его теле обитает валгский король, а войска, которыми он командует, страшнее любых кошмаров? Но эти сведения лучше пока приберечь. Они могут стать сильным козырем, если Аргун и хаган имеют лишь общие представления о Перангтоне.

Кашан почесал в затылке:

– Не знаю, подсланы ли они Перангтоном или кем-то из Террасена, Мелисанды или Вендалина. Я знаю лишь, что моя сестра мертва.

У Шаола замерло сердце, однако он все же решился спросить:

– Как это произошло?

Глаза Кашана стали еще темнее от горя.

– Тумелуна всегда была необузданной и беспечной. Настроение у нее менялось без всяких причин. То полна счастья и залиvisto смеется. А на следующий день забьется в угол и никого не хочет видеть. Сидит вся разнесчастная. Говорят... – У Кашана дрогнул кадык. – В тот день она была особенно мрачной и подавленной. А вечером, не выдержав тоски, прыгнула с балкона. Дува с мужем вышли прогуляться и нашли ее бездыханное тело.

Для семьи любая смерть трагична, но самоубийство...

– Я скорблю вместе с тобой, – тихо сказал Шаол.

Кашан тряхнул головой. Солнечный свет, проникавший сквозь зеленую завесу, скользнул по его волосам.

– Я не верю в такую причину. Моя Тумелуна ни за что бы не покончила с собой.

«Моя Тумелуна». Эти слова показывали, насколько принц и его младшая сестра были близки.

– Ты подозреваешь чье-то вмешательство?

– При всех перепадах настроения Тумелуны... Я знал ее, как знаю свое сердце. – Кашан прижал руку к груди. – Она бы не спрыгнула вниз.

Шаолу вновь пришлось тщательно обдумывать каждое слово.

– Я представляю всю глубину твоей утраты, но все же вынужден спросить. У тебя есть какие-либо подозрения о причинах, заставивших чужое государство подстроить это чудовищное происшествие?

Кашан прошелся взад-вперед:

– На нашем континенте никто не решился бы на такое злодейство.

– Но и в Адарлане, и в Террасене не нашлось бы безумцев, чтобы столь гнусным способом втянуть вас с войну.

– И даже королева, которая некогда сама была ассасином? – спросил Кашан, пристально поглядев на гостя.

Шаол напряг волю, сохраняя бесстрастное лицо:

– В ремесле ассасина у Аэлины были запреты, которых она не нарушала. Один из них – не убивать детей и не причинять им зла.

Кашан остановился возле комода из черного дерева, рассеянно потрогал золоченую шка-тулку.

– Знаю, – сказал он. – Об этом я тоже читал в донесениях брата. Подробности ее убийства. Я тебе верю, – добавил Кашан, содрогнувшись всем телом.

Естественно, иначе принц не пришел бы сюда и не затеял этот разговор.

– Чужеземных сил, способных на такую подлость, совсем не много. И Перангтон занимает первое место в этом списке.

– Но почему мишенью избрали твою сестру?

– Сам не знаю. – Кашан опять прошелся взад-вперед. – Она была юной, бесхитростной. Мы вместе ездили с дарганцами. Наша мать родом из дарганцких кланов. У Тумелуны еще даже не было своего *сульде*.

Заметив недоуменно вскинутые брови Шаола, принц объяснил:

– Так называется копье, которое имеют все дарганцкие воины. Мы выстригаем прядь из гривы любимого коня и привязываем к древку, почти у самого острия. Предки верили: в какую сторону ветер отклонит конский волос, там нас ждет судьба. Кто-то и сейчас продолжает в это верить, но даже те, кто усматривают в этом лишь дань традиции... копия постоянно при нас. Во дворце есть внутренний дворик, где воткнуты в землю сульде всех нас, а также отцовское. Копья чувствуют ветер. А после смерти...

В глазах принца снова вспыхнуло горе.

– Сульде после смерти – единственный предмет, который мы оставляем. Копье несет душу дарганцкого воина в вечность. Мы оставляем сульде вместе с телом в священном месте упокоения.

Принц закрыл глаза:

– Теперь ее душа будет странствовать с ветром.

Те же слова говорила в тронном зале Несарина.

– Я скорблю вместе с тобой, – повторил Шаол.

Кашан открыл глаза:

– Среди моих братьев и сестер нет единого мнения о причине смерти Тумелуны. Одни мне не верят, другие верят. Наш отец... пока не решил, кто прав. Мать с тех пор не покидает своих покоев. Я бы не посмел усугублять ее горе своими подозрениями.

Он потер подбородок:

– Я убедил отца позволить вам ежедневно обедать с нами. Сослался на дипломатические соображения. Но в действительности мне хочется увидеть наш двор глазами чужестранцев. Услышать ваши наблюдения. Возможно, вы увидите то, что ускользает от нас.

Помочь хагану и его семье... и, возможно, получить ответную помощь.

– Если ты настолько доверяешь мне, что ведешь со мной этот разговор и просишь моего содействия, почему вы не хотите сражаться вместе с нами?

– Я не вправе строить предположения или что-то говорить.

Ответ, достойный опытного солдата. Кашан и сейчас держался так, словно высматривал затаившихся врагов.

– В военных делах я ничего не предпринимаю без отцовского приказа.

Если силы Перангтона уже проникли и сюда, если убийство принцессы осуществлено по замыслу Мората... Это было бы слишком легко. Слишком легко подтолкнуть хагана к союзу с Дорином и Аэлиной. Перангтон-Эраван действовал куда изощреннее.

А если бы Шаолу понадобилось склонить на свою сторону командующего наземными войсками хагана... Должно быть, эти мысли отразились в его глазах, и Кашан их прочитал:

– Господин Эстфол, я не играю в подобные игры. Убеждать надо не меня, а моих братьев и сестер.

Шаол постучал по подлокотнику кресла:

– Может, дашь совет на этот счет?

Кашан фыркнул, улыбнувшись одними губами:

– Вы с Несариной – не первые, кто навещается к нам. До вас были посланцы государств намного богаче вашего. Одни добивались успеха, другие – нет.

Кашан бросил взгляд на ноги Шаола, и в его глазах мелькнула жалость. Шаол вцепился в подлокотники. Жалость человека, в котором бывший капитан почувствовал соратника, была особенно тягостна.

– Я могу лишь пожелать удачи.

Сказав это, принц повернулся и широкими шагами направился к двери.

– Если у Перангтона здесь есть свой лазутчик, тогда всем, кто находится во дворце, грозит смертельная опасность, – произнес вдогонку Шаол.

Кашан остановился. Пальцы замерли на резной ручке.

– А зачем, по-твоему, я попросил чужеземного посланника о помощи? – Принц обернулся.

Кашан ушел, но его слова повисли в воздухе, пронизанном сладковатым ароматом цветов. Слова, произнесенные на прощание, не были жестокими или оскорбительными. Но их солдатская искренность...

Шаол никак не мог совладать с дыханием. В голове лихорадочно кружились мысли. Он не видел здесь ни черных колец, ни ошейников, но он и не приглядывался. Он и подумать не мог, что тень Мората протянулась так далеко.

Он поскреб саднящую грудь. Осторожность. При дворе хагана ему придется быть вдвойне осторожным, тщательно обдумывая все, о чем он говорит на людях. Да и в этой комнате тоже.

Шаол продолжал глядеть на закрытую дверь, раздумывая над услышанным от Кашана, когда из купальни вернулась служанка. Она переделась в халат из тончайшего шелка. Чувствовалось, что под халатом на ней ничего нет.

Шаол подавил желание спровадить служанку и крикнуть себе в помощь Несарину.

– Вымой меня, и только, – сказал он со всей четкостью и твердостью, на какую был способен.

Служанка не вздрогнула, не покраснела и не выказала ни малейшей нерешительности. Она уже делала это неведомо сколько раз. Шаол пришел к такому выводу, услышав ее единственный вопрос:

– А я тебе не по нраву?

Честный, искренний вопрос. Ей хорошо платили за работу. Здесь всем слугам хорошо платили. Она выбрала прислуживать ему, но если она не в его вкусе, найдут другую, и ее положение не пострадает.

– Ты очень... приятная, – ответил Шаол, говоря полуправду и стараясь не опускать взгляд ниже ее лица. – Но я хочу всего лишь вымыться. Больше мне от тебя ничего не надо, – добавил он, чтобы у служанки не оставалось сомнений.

Он ожидал благодарности, однако служанка лишь безучастно кивнула. Даже в разговорах с нею нужно проявлять осторожность. И не тешить себя мыслями, что в этих покоях они с Несариной могут беседовать, не рискуя быть подслушанными.

А из-за закрытой двери спальни Несарины не раздавалось ни малейшего шороха, словно там никого не было.

Шаол махнул служанке, и та покатила его кресло в купальню. Стены, отделанные белыми и голубыми плитками, скрывались в клубах пара.

Кресло прокатилось по ковру и плиткам, огибая мебель. Накануне отплытия сюда Несарина разыскала это кресло в катакомбах целителей под королевским замком. В числе немногих вещей оно осталось от разбежавшихся целителей.

Кресло оказалось легче и подвижнее, чем ожидал Шаол. Большие колеса по обе стороны от сиденья вращались будто сами собой, даже когда он их двигал, нажимая на тонкий металлический рычаг. В прежней жизни здорового человека Шаолу иногда попадались калеки на креслах. Зачастую те кресла двигались только по прямой. Передние колесики его кресла, при-

крепленные к площадке для ступней, могли вращаться вокруг своей оси, и потому Шаол без труда поворачивал кресло в нужном направлении. Сейчас они послушно повернулись туда, откуда наплывал пар.

Большую часть помещения занимала купель. К счастью для Шаола, она находилась вровень с полом. На поверхности воды поблескивала пленка из смеси душистых масел, в которой, словно кораблики, плавали лепестки цветов. Окошко в верхней части противоположной стены выходило прямо в зелень сада. Света, льющегося оттуда, вполне хватало, но служанка зажгла свечи, и их золотые огоньки перемигивались через завесу пара.

Роскошь. Умопомрачительная роскошь, когда его страна испытывает чудовищные страдания. Когда там уповали на помощь, которая так и не подоспела. Только крайние обстоятельства могли заставить Дорина покинуть Рафтхол. Только сознание полного поражения, понижение, что королевству он полезнее живым. Интересно, помогла ли магия Дорину и хоть кому-то из подданных короля?

Дорин наверняка сумел выбраться из этого ада и попасть к союзникам. Так говорило Шаолу его чутье, хотя живот сводило от тревоги. Находясь здесь, главный советник мог помочь своему королю только единственным способом – добиться союза с хаганом. Пусть интуиция кричит во весь голос, требуя возвращения в Адарлан и поисков Дорина, Шаол будет придерживаться избранного курса.

Он едва заметил, как служанка проворно стянула с него сапоги. Шаол мог бы раздеться и сам, но не стал возражать, когда женщина взялась за его зелено-голубой камзол, а потом и за рубашку. Однако он не мог позволить ей одной снимать с него штаны. Скрипя зубами от боли в спине, Шаол наклонился и стал помогать. Оба молча и сосредоточенно трудились над завязками.

Увечье оборвало его близкие отношения с Несариной. Три дня назад, на корабле, его вдруг охватил настоящий приступ страсти, окончившийся ничем. Ни до, ни после Шаол не предпринимал никаких попыток. Но обездвиженные ноги не погасили в нем телесных желаний. В их каюте была всего одна постель, и каждое утро, когда Шаол просыпался, ему до боли хотелось близости с Несариной. Следом он вспоминал, что не в состоянии овладеть ею как прежде... Мысли о собственной ущербности гасили любые всплески желаний, хотя Шаол благодарил судьбу, что в остальном его тело здорово.

– Я сам, – бросил Шаол.

Не дав служанке опомниться, он собрал всю силу, какая была у него в руках и спине, и стал выбираться из кресла. За время плавания он делал это не раз и вполне освоился.

Вначале он застопорил колеса, щелкнув другим рычагом. Благодаря близости воды звук получился громче, чем в каюте. Шаол подвинулся к краю сиденья и, помогая себе руками, сдвинул ноги с подставки, наклонив их влево. Правой рукой он упирался в край сиденья, двигая колени книзу, а левой, сложенной в кулак, – в прохладные, влажные и скользкие плитки пола.

Служанка молча подала ему белый плотный коврик и снова отошла. Шаол сдержанно улыбнулся одними губами. Теперь его кулак упирался в белый бархат. Левая рука приняла на себя основную тяжесть тела. Шаол набрал в легкие побольше воздуха. Правая рука все так же сжимала край сиденья. Шаол с осторожностью опустил туловище на пол, не чувствуя произвольно согнувшихся коленей.

Плавно завершить маневр ему не удалось. Он шумно повалился на коврик. Главное, он был на полу и не перекувырнулся, как в первые дни их плавания, когда учился самостоятельно выбираться из кресла.

Передохнув, Шаол уцепился за лесенку, ведущую в купель, и погрузил свои бесчувственные ноги в теплую воду, прямо на вторую ступеньку. Служанка прыгнула в воду с изяществом цапли. Ее халат, намочнув, стал совершенно прозрачным. Она взяла Шаола под руку (ее руки

были нежными, но сильными) и помогла спустить туловище по ступенькам, пока он не оказался по плечи в воде, а его глаза – на уровне ее полных, выпирающих груди.

Кажется, служанка этого не заметила. Шаол немедленно повернулся к окну. На краю купели служанка оставила поднос с маслами, щетками и мягкими мочалками. Пока она выбирала мочалку, Шаол снял нижние штаны и бросил на край купели. Раздался громкий чавкающий звук.

Несарина так и не вышла.

Тогда Шаол закрыл глаза и вручил себя заботам служанки, пытаясь понять, чем все это кончится.

4

Из всех помещений Торры-Кесме эту комнату Ириана Торас любила больше всего.

Возможно, потому, что комната находилась на самом верху каменной громады и отсюда открывался бесподобный вид на Антику в лучах закатного солнца.

А может потому, что именно здесь она впервые почти за десять лет почувствовала себя в безопасности. Здесь она впервые увидела старуху, ныне восседающую за столом, заваленным бумагами и книгами, и услышала слова, изменившие всю ее жизнь: «Добро пожаловать к нам, Ириана Торас».

С тех пор прошло более двух лет.

Два года она работала и жила здесь, в этой башне, в этом людном городе, где столько знаний и ничуть не меньше разнообразной, дразнящей еды.

Все происходило так, как ей виделось в мечтах и снах. Обеими руками Ириана хваталась за открывающиеся возможности, не страшась никаких трудностей. Жадно ловила разговоры целителей, училась всему, чему могла, усердно упражнялась. Она спасала и меняла человеческие жизни, поднимаясь выше и выше по ступеням целительского мастерства. Наконец к дочери безвестной целительницы из Фенхару начали прислушиваться не только сверстницы, но и те, кто занимался этим всю жизнь. Все искали ее совета и помощи.

Ей самой помогала магия. Прекрасная, изумительная магия, от которой у Ирианы перехватывало дыхание. Та же магия порою забирала у нее все силы, и уроженка Фенхару целыми днями не могла встать с кровати. Магия взимала плату и с целителя, и с пациента. Но Ириана платила с радостью. Она никогда не жаловалась на немилосердные последствия проведенного исцеления.

Если ее магия спасала жизнь... Сильба даровала ей такую возможность. Другой подарок Ириане преподнесла молодая незнакомка в ту, последнюю ее ночь в Иннише. Ириана делала все, чтобы не посрамить ни богиню, ни незнакомку.

Сейчас она молчаливо ждала, пока сухопарая старуха закончит чтение. Красивый палисандровый стол, за которым сидела старуха, был постоянно чем-нибудь завален. Любые усилия слуг навести там порядок давали лишь временный результат. Вскоре поверхность вновь покрывалась бумагами, кусками старинного пергамента с заклинаниями, банками и склянками со снадобьями.

Две такие шарообразные склянки покоились на серебряных подставках в виде ног ибиса. Их содержимое очищалось на солнечном свете. Башня и ее помещения постоянно купались в солнечных лучах.

Хазифа – верховная целительница Торры-Кесме – взяла одну склянку, поболтала голубую жидкость, нахмурилась и вернула на подставку.

– Этот чертов настой всегда готовится вдвое дольше, чем я рассчитываю, – сказала она на родном языке Ирианы. – Как ты думаешь – почему?

Ириана, сидящая напротив, привстала с потертого кресла, чтобы получше разглядеть настой. Каждая встреча с Хазифой, каждый разговор с нею давали шанс узнать что-то полезное и важное, получить урок или пройти испытание. Ириана взяла склянку, в золотистом свете заходящего солнца рассмотрела густую лазурно-голубую жидкость и спросила:

– Это для кого?

– Для девочки лет десяти. Полтора месяца назад у нее начался сухой кашель. Врачи посоветовали медовый напиток, покой и свежий воздух. Девочке полегчало. Думали, скоро поправится, но неделю назад кашель возобновился еще сильнее, чем прежде.

Врачи Торры-Кесме были лучшими в мире и от целительниц отличались лишь тем, что не владели магией. Для целительниц они были первым этапом проверки. Жилища врачей располагались вокруг башни.

Как уже говорилось, магия истощала силы тех, кто ее применял. Несколько веков назад тогдашняя верховная целительница издала распоряжение: когда обращаются за помощью в Торру-Кесме, первыми заболевших осматривают врачи. Кто-то считал это политическим маневром, костью, брошенной врачам, поскольку люди уповали на всеислие магии и не хотели тратить время на врачей.

Однако и у магии были пределы возможностей. Она не могла остановить смерть и воскресить умершего. С этой печальной истиной Ириана сталкивалась постоянно: как здесь, так и на родине. И даже прочитав заключения врачей, она нередко отправлялась к больным по узким, идущим все время под уклон улицам Антики.

– Думаю, настою вредит чрезмерное тепло, – сказала Ириана, наклоня склянку в разные стороны. – Здесь даже для нас слишком жарко.

К концу лета на город всегда наваливалась жара. За два года жизни в Антике Ириана так и не привыкла к изнуряющему сухому зною города богов. Правда, другие здания меньше страдали от жары. Более ста лет назад один умелец придумал *бидгиры* – башенки-ветроуловители. Они ставились на крышах и гнали свежий воздух в нижние помещения. Некоторые действовали совместно с подземными каналами, змеящимися под Антикой, и превращали жаркий ветер в потоки прохладного воздуха. Этими башенками, словно остриями копий, были усеяны все столичные постройки: от скромных глинобитных домов до особняков с тенистыми дворами и прозрачными прудами.

К сожалению, Торру-Кесме построили раньше, чем появились бидгиры. Воздушные каналы в ее стенах неплохо охлаждали воздух в самом низу, а что касалось середины и верха... Ириана не раз мечтала, чтобы в башню позвали ремесленников и исправили положение. От жаркого солнца и многочисленных очагов, горящих на разных этажах Торры, кабинет Хазифы превращался в сковородку.

– Я бы предложила отнести снадобье куда-нибудь пониже, где прохладнее.

– А откуда там взять достаточно солнечного света?

Ириана задумалась:

– Пусть туда принесут зеркала. Зеркала будут ловить солнечный свет и передавать склянке. Положение зеркал нужно менять сообразно положению солнца. Сочетание более прохладного воздуха и направленного солнечного света ускорит приготовление настоя.

Ответом был легкий, удовлетворенный кивок Хазифы. Ириана очень ценила эти скупые знаки одобрения, этот свет в карих глазах верховной целительницы.

– Сметливый ум спасает жизни намного чаще, чем магия, – только и сказала Хазифа.

Ириана часто слышала от верховной целительницы эти слова (порою они произносились с воспитательной целью, чтобы не загордилась), но, как всегда, с благодарностью кивнула и поставила склянку на место.

Хазифа разгребла бумаги и сложила руки на сверкающей розовой поверхности стола:

– Итак, если верить мнению Эреции, ты готовишься нас покинуть.

Ириана выпрямилась. В этом же кресле она сидела два с лишним года назад. Тогда, поднявшись на тысячу ступеней, она вошла кабинет Хазифы с просьбой принять ее в ученицы. Просьба была самым малым из унижений, пережитых Ирианой в тот день. Кульминация наступила, когда она швырнула Хазифе на стол мешочек с золотом и выпалила: «Мне плевать, сколько стоит учеба у вас. Берите все».

Она не подозревала, что Хазифа не берет денег с учеников. За свое обучение они платили иным способом. За год работы в таверне «Белый поросенок» – это был грязный и ветхий постоянный двор – Ириана притерпелась к оскорблениям и унижениям. Но никогда еще она не чувствовала себя такой раздавленной, как в тот момент, когда Хазифа сухо приказала убрать деньги со стола. Ириана сметала золотые монеты в коричневый кожаный мешочек, и у нее дергались пальцы, словно у картежника, торопящегося поскорее спрятать выигрыш. Но если игрока захлестывала радость, то Ириана боролась с желанием выпрыгнуть в сводчатое окно за спиной Хазифы.

Многое изменилось с тех пор. Исчезло домотканое платье и чрезмерная худоба. Ежедневные подъемы и спуски по бесконечным ступеням Торры уберегали ее талию от расползания вширь. Поначалу Ириана никак не могла наесться. Она долго не привыкала к трапезам в Торре-Кесме, где каждый ел столько, сколько хотел, и все кушанья были соблазнительно вкусными. А тут еще городские базары, заваленные деликатесами, и уютные шалманчики чуть ли не на каждой улице.

Ириана сглотнула, безуспешно пытаясь понять, что скрывается за словами верховной целительницы. Хазифа была здесь единственной, в чьи мысли Ириана не могла проникнуть и чьи действия не могла предугадать. Она ни разу не видела Хазифу разгневанной или хотя бы раздраженной. Этим верховная целительница сильно отличалась от других наставниц и прежде всего – Эреции. Хазифа даже голоса не повышала. Лицо старухи имело лишь три выражения: довольное, недовольное и бесстрастное. Два последних были для Ирианы хуже любого наказания.

Впрочем, наказания остались в ее прежней жизни. В Торре-Кесме этого слова не знали. Здесь не оставляли без обеда и не угрожали побить. А в «Белом поросенке» Нолан вычитал у нее из жалованья за малейшее нарушение установленных им правил. Провинностью считался даже излишне любезный разговор с посетителем, не говоря уже о попытках тайком подкармливать объедками полудиких уличных мальчишек с грязных улочек Инниша. Объедки полагалось вываливать в чаны, где они шли на корм свиньям или попросту гнили.

Ириана приехала в Антику, предполагая, что и здесь столкнется с таким же отношением: у нее заберут деньги, а потом окажется, что этих денег мало и надо платить еще. В «Белом поросенке» она хлебнула такого сполна. Нолан без конца повышал плату за ее каморку под лестницей, уменьшал жалованье и забирал себе почти все ее чаевые. Но большинство ее сверстниц в Иннише торговали собой на улицах, и заведение Нолана, при всей его гнусности, было гораздо более достойным вариантом.

«С меня хватит». Эти слова Ириана повторяла, пока добиралась до Антики. Их она твердила, поднимаясь по ступеням, – вплоть до мгновения, когда швырнула золото Хазифе на стол. Тогда Ириана вдруг поняла, что готова снова влезать в долги и даже торговать собой за шанс учиться целительству.

Хазифа была прямой противоположностью людям вроде Нолана. Ириана и сейчас помнила голос старухи и слова, произнесенные с ее неповторимым акцентом. Те же слова, что Ириана часто слышала от матери: там не берут денег ни с учеников, ни с пациентов. Ведь Сильба – богиня врачевания – даровала, а не продала им способность исцелять других.

Ириана и сейчас не знала имена всех здешних богов. Главное, что на Южном континенте почитали Сильбу.

Хаганат поступал мудро: завоевывая и присоединяя земли других народов, он не навязывал им своих богов, а включал тех, кому поклонялись они, в общий пантеон хаганата. Главенство Сильбы над целителями утвердилось здесь очень давно. Непосредственной наставницей Ирианы была Эреция, от которой она однажды услышала фразу: «История пишется победителями». Получалось, боги, как и простые смертные, не в силах сопротивляться победителям.

Но это не помешало Ириане мысленно вознести молитву Сильбе и другим богам, способным услышать ее сейчас.

– Да, готова, – наконец ответила она Хазифе.

– Покинуть нас?

Лицо и голос Хазифы были спокойны, как всегда.

– Или ты обдумала другое мое предложение?

Ириана без конца думала над предложением Хазифы, сделанным две недели назад. Старуха позвала ее к себе в кабинет и произнесла всего одно слово: «Оставайся». Слово, железным обручем сдавившее ей сердце.

Остаться и учиться дальше. Учиться и пожинать плоды многообещающей жизни, которую она начала строить.

Ириана коснулась груди, словно и сейчас чувствовала давящий обруч:

– На мою родину снова пришла война. Ею охвачена большая часть Северного континента. – Так здесь называли Эрилею. Ириана сглотнула. – Я хочу помогать тем, кто сражается против владычества империи.

Наконец-то, после стольких лет, власть Адарланской империи пошатнулась. Если верить слухам, сам Адарлан оказался ареной битвы противоборствующих сил: нового короля Дорина Хавильяра на севере и герцога Перангтона, сподвижника прежнего короля, на юге. Дорина поддерживала Аэлина Галатиния – королева, которую считали погибшей, а она выжила, обрела могущество и была полна желания отомстить. Но и у Перангтона имелись союзники. Если слухи не врут, на его стороне воевали существа, каких не увидишь даже в самом кошмарном сне.

Но если это единственный шанс освободить Фенхару...

Ириана отправится на родину и будет помогать всем, что может и умеет. Ее ноздри и сейчас ощущали запах дыма. Так бывало, если она просыпалась посреди ночи или тратила много сил на магическое исцеление. Дым костра, на котором адарланские солдаты заживо сожгли ее мать. Ириана до сих пор слышала крики матери и ощущала кору дерева, в которую впивалась ногтями. Дерево стояло на краю Задубелого леса. Ириана спряталась в дупле и оттуда смотрела, как сгорает ее мать. Ее сожгли в наказание за убийство адарланского солдата. Мать убила его, чтобы отвлечь внимание на себя и позволить Ириане сбежать.

С того дня прошло десять... нет, почти одиннадцать лет. И хотя Ириана пересекла горы и моря... иногда ей казалось, что она и сейчас находится в Фенхару, а ее ноздри вдыхают дым костра. Ошметки коры летят у нее из-под ногтей. Расправившись с матерью, солдаты взяли факелы и с нескольких сторон подожгли ее дом.

Дом, в котором жило много поколений целительниц рода Торас.

Наверное, ей суждено было попасть в знаменитую башню. Кольцо на левой руке – единственное доказательство существования одаренной династии целительниц, некогда живших на юге Фенхару. Мирной династии, от которой люди не видели ничего, кроме добра и помощи. Мать, бабушка и другие предки по женской линии только созидали, не гонясь за богатством и славой. Это кольцо Ириана никогда не продаст, даже если иначе пришлось бы продать себя. Это кольцо и еще кое-что...

Хазифа молчала. За спиной верховной целительницы солнце погружалось в море, окрашивая воды гавани в желто-зеленый цвет.

– Да, магия вернулась на Северный континент. Но много ли целителей там осталось? И многое ли умеют оставшиеся? Я могла бы спасти много жизней.

– И отдать войне свою.

Ириана это знала. Слова Хазифы не смутили ее.

– Я понимаю риск. – Она вскинула голову.

– Конечно. – Карие глаза Хазифы потеплели. – Конечно понимаешь.

Ириане снова вспомнилась первая встреча с верховной целительницей.

Она не плакала много лет. С того дня, как мать превратилась в пепел на ветру. Но стоило Хазифе спросить ее о родителях, как Ириана спрянула лицо в ладонях и зарыдала. Хазифа встала из-за стола, обняла ее и принялась гладить по спине, чертя круги ладонью.

Хазифа часто так делала, и не только с Ирианой, но со всеми целительницами, уставшими от многочасовой работы. Ириана тоже знала это состояние: спину сводит судорогами, магия забрала у тебя все силы, а остановиться нельзя, иначе достигнутое пойдет насмарку. И тогда одно присутствие Хазифы успокаивало и открывало второе дыхание.

Хазифа стала ей почти как мать. И сейчас, накануне своего двадцатидвухлетия, Ириана сомневалась, встретится ли ей когда-нибудь женщина, сравнимая с Хазифой.

– Я сдала экзамены, – сказала Ириана, хотя верховная целительница и так это знала.

Она сама проверяла Ириану в течение недели нелегких испытаний. Знания. Навыки. Работа с пациентами. Ириана получила самые высокие оценки, оставив позади тех, кто обучался вместе с нею. Ее достижения граничили с совершенством.

– Я готова.

– Согласна. Ты готова. Но если ты сумела достичь таких успехов всего за два года, представляю, чего бы ты добилась за пять или десять лет учебы.

Обе умолчали о том, что Ириана пришла в Торру-Кесме уже знающей и умеющей многое и ей не требовалось начинать с азов.

Она начала учиться в раннем возрасте, едва умея ходить и говорить. Ириана обучалась медленно, год за годом, как и все целительницы в ее роду. В одиннадцать лет она знала больше, чем иные успевали узнать к двадцати годам. После гибели матери Ириану приютила семья двоюродной тетки. Там девушка прожила шесть лет, выполняя любую работу, какую ей поручали, и стараясь держаться тише воды ниже травы. С одной стороны, теткина семья получила безотказную помощницу. А с другой – такое родство, когда идет война и Адарлан может уничтожить их всех... Знали бы они, что все эти годы Ириана тайком упражнялась!

Немного. Так, чтобы не заметили. В те годы соседи могли продать за одно лишь подозрение в причастности к магии. Правда, магия исчезла, а с нею исчез дар Сильбы. Ириана старательно играла роль скромной девчонки. Так случилось, что в детстве бабушка научила ее готовить простые снадобья, помогающие при лихорадке и родовых схватках. Еще она немного умела врачевать растяжения и переломы. Вот и все ее навыки.

Когда Ириане исполнилось семнадцать, теткин муж сказал ей, что она уже достаточно взрослая и может отправляться на все четыре стороны. Так она оказалась в Иннише. Свои скудные карманные деньги Ириана тратила на травы и мази. Но здесь за нею следили пристальнее, чем у тетки, – сам Нолан, а также его обожаемая подавальщица Джесса. Та не спускала с Ирианы глаз ни днем ни ночью. Естественно, что, попав в Торру, Ириана стремилась научиться всему, чему только возможно. Впервые за столько лет ей не надо было подавлять свои способности, таиться и озираясь по сторонам.

Когда в Антике она сошла с корабля и почувствовала, как в ней пробудилась магия, а нити магической силы потянулись на помощь хрому, ковыляющему по улице... Ириана была потрясена и оправилась от потрясения только через три часа, когда оказалась в этом кресле и заплакала от вопроса Хазифы.

Ириана непроизвольно вздохнула:

– Я ведь могу сюда вернуться и продолжить обучение. Но при всем уважении к Торре я уже имею право считаться знающей и опытной целительницей.

Сказанное означало, что она вполне может отправляться туда, где понадобится ее искусство.

Хазифа удивленно подняла седые брови. Смуглая кожа делала их особо заметными.

– А как же принц Кашан?

– При чем тут принц Кашан? – удивилась Ириана.

– Когда-то вы были добрыми друзьями. Он и сейчас высокого мнения о тебе, и это отнюдь не пустяк.

Ириана посмотрела на верховную целительницу так, как немногие отваживались смотреть:

– Неужто его волнует мой отъезд?

– Он принц и может получить все, кроме трона хагана. Возможно, твой отъезд ему не понравится.

Ириану охватил ужас. Он возник где-то в спине и распространился по всему телу вплоть до живота.

– Я не поощряла его и еще в прошлом году высказалась достаточно ясно.

В то время это было настоящей бедой. Ириана без конца вспоминала ту сцену и слова, сказанные ею во время неловкого разговора в большом дарганском шатре. Она хорошо помнила и сам шатер, и бескрайнюю степь, продуваемую холодными ветрами.

История началась через несколько месяцев после ее приезда в Антику. У Кашана заболел слуга, которым принц очень дорожил. Ириану позвали во дворец. Ее поразило, что наследный принц сидел у постели больного. Несколько часов Ириана трудилась без устали. Все это время она разговаривала с принцем и вдруг обнаружила, что улыбается. После гибели матери она почти разучилась улыбаться. Ей удалось вылечить слугу за один раз. Кашан лично проводил Ириану до ворот Торры. Так между ними возникла дружба.

Отношения с принцем складывались легче и свободнее, чем с Хасарой. Ириана лечила и ее, и принцессе понравилась чужеземная целительница. К близости с наследниками хагана Ириана особо не стремилась. Наоборот, пыталась подружиться со сверстницами, обучающимися в Торре, но с ними не получалось, по большей части из-за зависти девушек. Вот так принц и принцесса стали ее единственными друзьями. Вскоре она сблизилась и с возлюбленной принцессы – миловидной Ренией, отличавшейся не только приятной внешностью, но и покладистым характером.

Странная получилась компания, но Ириане было приятно находиться с этими людьми. Кашан и Хасара часто приглашали ее во дворец на обед. Кашан всегда старался сесть рядом с нею или поблизости. Отмалчиваться ей не удавалось – принц непременно вовлекал ее в общий разговор. Месяц за месяцем их дружба развивалась, не омрачаемая ничем. А потом Хасара позвала ее в степи, в родные края семьи хагана. Дескать, один конник покалечился, нужна помощь. Кашан отправился их сопровождать...

Верховная целительница смерила Ириану взглядом и слегка нахмурилась:

– Ты ему не потворствовала. И возможно, этим лишь сильнее раззадорила.

Ириана потеряла переносицу:

– С тех пор мы и двух слов друг другу не сказали.

Теперь Ириана старалась избегать Кашана на обедах, куда Хасара и Рения по-прежнему ее приглашали.

– Принц не из тех, кто легко отступает. Особенно в сердечных делах.

Ириана это знала. Ей даже нравилась настойчивость Кашана – пока ему не захотелось того, чего она не могла ему дать.

– Неужели мне придется бежать отсюда по-воровски, под покровом ночи? – простонала Ириана.

Хасара ей этого не простит, но Рения постарается погасить гнев принцессы и объяснить причины. Если Хасара была неукротимым пламенем, Рения напоминала водный поток.

– Если решишь остаться, тебе вообще не придется волноваться из-за таких вещей.

– Ты готова с помощью Кашана удержать меня здесь? – восторгалась Ириана.

– Нет, – беззлобно рассмеялась Хазифа. – Но ты уж прости старуху за попытку любым способом оставить тебя у нас.

Гордость боролась в душе Ирианы с чувством вины. Она промолчала. Ей было нечего ответить верховной целительнице.

Вернуться на Северный континент... Ириана знала: никто ее там не ждет, если не считать безжалостной войны и тех, кому понадобится ее помощь.

Она даже не знала, куда ей плыть, где искать войска и раненых. Ей уже доводилось путешествовать. Она научилась не попадаться на глаза врагам, готовым без раздумий убить ее. И теперь все ужасы повторятся снова... Кто-то сочтет ее спятившей. Неблагодарной, легкомысленно отказывающейся от предложения Хазифы. Мысли о собственном поведении уже давно терзали Ириану.

Но не проходило дня, чтобы она не смотрела в морскую даль. На север.

И сейчас внимание Ирианы переместилось с верховной целительницы к окну, к темнеющему горизонту, который притягивал ее, как магнит.

– Тебе незачем принимать решение в спешке, – смягчила тон Хазифа. – Войны длятся долго.

– Но я понадоблюсь...

– Пока что, Ириана, ты понадобишься мне. У меня есть для тебя одно поручение.

Ириана напряглась. Хазифа умела приказывать мягко, без металла в голосе. Ириана вспомнила о письме, за чтением которого застала Хазифу.

– Какое поручение? – осторожно спросила она.

– К хагану прибыл именитый гость. Я прошу тебя его осмотреть и помочь. Сделай это, а уж потом будешь решать, срываться отсюда и плыть в неизвестность или все же лучше остаться.

Ириана в удивлении склонила голову набок. Хазифа очень редко передавала поручения хагана кому-то другому.

– Кто он и что с ним? – задала Ириана обычный вопрос целительницы, получающей задание.

– Молодой человек двадцати трех лет. Организм здоровый и крепкий. Летом он серьезно покалечился, и у него парализована нижняя часть тела. Ниже бедер чувствительность потеряна. Он не ощущает своих ног, не может ходить и передвигается в кресле на колесах. Врачебный осмотр я сочла излишним и решила сразу обратиться к тебе.

В мозгу Ирианы лихорадочно понеслись мысли. Исцеление таких увечий было длительным и тяжелым. Позвоночник по сложности устройства мало уступает мозгу. К тому же они тесно связаны. Здесь недостаточно окутать магической силой поврежденную часть. Исцеление позвоночника требует иного подхода.

Понадобится отыскать поврежденные места, затем каналы, по которым нужно будет отправлять точно выверенное количество магической силы. Необходимо сделать так, чтобы приказы мозга вновь беспрепятственно понеслись по позвоночнику к ногам. Это все равно что латать тончайшие трубки, удаляя крошечные поврежденные участки и заменяя их новыми. А потом, даже когда ноги вновь обретут подвижность, пациента надо будет заново учить ходить. Исцеление займет недели, если не месяцы.

– Он вел очень подвижную жизнь, – продолжала Хазифа. – Его увечье схоже с увечьем воина, которого ты прошлой зимой врачевала в степи.

Ириана уже догадалась. Наверное, потому Хазифа и поручала ей гостя хагана. Тогда Ириана провела в холодных степях целых два месяца, исцеляя предводителя племени, который при неудачном падении с коня повредил позвоночник. Такие увечья часто встречались среди дарганцов, ездивших на лошадях и летавших на руках. Исцеления они по давней традиции искали в Торре. Тогда Ириана прошла свое первое серьезное испытание, применяя на практике все, чему научилась. Потому Хазифа и отправилась вместе с нею. Но сейчас Ириана не сомневалась, что справится и одна. А потом... Хазифа снова взглянула на письмо, и это заставило Ириану задуматься и спросить:

– Как зовут пациента?

– Шаол Эстфол. Да, незнакомый, – добавила Хазифа, выдерживая взгляд Ирианы. – Прежде он был капитаном королевской гвардии, а нынче является главным советником адарланского короля.

Ириана молчала.

Молчали ее уста. Умолкли разум и сердце. В небе кричали чайки, кружившие над Торрой. С улиц доносились голоса торговцев, возвращавшихся домой.

– Нет, – выдохнула Ириана.

Хазифа поджала тонкие губы.

– Нет, – повторила Ириана. – Я не стану с ним работать.

Лицо Хазифы, только что бывшее по-матерински мягким и заботливым, обрело знакомое бесстрашие.

– Вступая на путь целительства, ты принесла клятву.

– Нет, – упрямо твердила Ириана, не находя других слов.

– Я прекрасно сознаю всю трудность этого поручения...

У Ирианы задрожали руки.

– Нет.

– Почему?

– Ты знаешь почему, – сдавленно прошептала Ириана.

– Если ты увидишь на поле битвы раненых адарланских солдат, ты что же, переступишь через них и пойдешь спасать своих?

Никогда еще Хазифа не вела себя с нею так жестко.

Ириана сопела, вертя на пальце материнское кольцо.

– Если он был капитаном гвардии у прежнего короля, если служил человеку, который... – Она не решилась произнести слово, вертевшееся на языке. – Он выполнял королевские приказы.

– Но сейчас он служит Дорину Хавильяру.

– Который наслаждался отцовским богатством... богатством моего народа. Даже если Дорин Хавильяр и не участвовал в отцовских зверствах, одно то, что он стоял в стороне и не вмешивался, пока творились эти зверства...

Ириане показалось, что каменные стены надвигаются на нее, а сама башня утратила незыблемость.

– Ты ведь знаешь, как вели себя подданные адарланского короля. Его солдаты, его гвардейцы. Знаешь и просишь меня исцелить одного из его ближайших подручных?

– Такова особенность ремесла, избранного тобой и всеми нами. Таков выбор, через который вынуждены проходить все целители.

– И часто вы стояли перед выбором? В вашем-то мирном государстве?

Лицо Хазифы потемнело. Не от гнева. От воспоминаний.

– Однажды меня попросили оказать помощь человеку, который покалечился, уходя от погони. А перед этим он совершил немыслимое по жестокости преступление... Прежде чем провести меня в камеру, тюремщики рассказали об этом преступлении. Их начальник хотел,

чтобы я подлатала преступника для суда. Его, конечно же, ждала казнь. То преступление было последним, но не единственным. Имелись очевидцы его злодейств. Собранных доказательств хватило бы на несколько смертных приговоров. Эреция собственными глазами видела его последнюю жертву и готовилась выступить в суде с дополнительными обвинениями.

У Хазифы сдавило в горле.

– Его приковали цепями к стене, да так, чтобы усугубить страдания. Состояние у него и так было тяжелым. Я знала... знала, что своей магией могу усилить внутреннее кровотечение. Никто бы и не узнал. К утру он бы умер, а мне никто бы не осмелился учинять допрос.

Она снова взялась за склянку с голубой жидкостью.

– Никогда еще я не находилась так близко к убийству. Я искренне хотела убить его за содеянное. В мире стало бы чуточку легче дышать. Я положила руки ему на грудь. Я была готова это сделать. Но я помнила принесенную клятву. Меня же просили исцелить его, чтобы затем с ним обошлись по законам правосудия. Чтобы его жертвы и их близкие были отмщены.

Хазифа пристально посмотрела на Ириану:

– Он заслуживал смерти, но не от моих рук.

– И что было дальше? – с трудом ворочая языком, спросила Ириана.

– Он изворачивался, пытался убедить суд в своей невиновности. Его не смущали доказательства, представленные Эрецией, и рассказ последней жертвы. Он был законченным чудовищем. Естественно, его признали виновным и на следующий же день, рано утром, казнили.

– Вы видели казнь?

– Не видела. Я вернулась сюда. А Эреция видела. Она стояла в первом ряду зрителей и оставалась до тех пор, пока труп не бросили в телегу. Она присутствовала от лица жертв, у которых не хватило душевных сил смотреть казнь. Когда Эреция вернулась, мы с нею проплакали почти целый день.

Ириана молчала. Хорошо хоть руки перестали дрожать.

– Значит, мне надлежит исцелить этого человека, чтобы правосудие над ним свершилось в другом месте?

– Ириана, ты же не знаешь истории его жизни. Я предлагаю познакомиться с нею и потом уже рассуждать о подобных вещах.

– Ему не будет оправдания, – покачала головой Ириана. – Особенно если он служил прежнему королю и служит новому. Если своей проницательностью он удержался у власти. Мне знакома тактика Адарлана.

Прежде чем заговорить, Хазифа долго смотрела на нее.

– В тот день, когда ты вошла сюда – ужасающе тощая, покрытая пылью сотен дорог... Я и не думала, что боги сделают мне такой подарок. Я заглянула в твои прекрасные глаза и едва не вскрикнула, поражаясь, сколько же в тебе магической силы. Ты была как самоцвет, требующий огранки.

Недовольство было написано на лице верховной целительницы, звучало в ее голосе.

– Я подумала: «Где до сих пор скрывалась эта девушка? Какой бог, наблюдающий за тобой, привел тебя ко мне?» – продолжала Хазифа. – Подол твоего платья был истрепан, но ты вошла с достоинством знатной дамы, словно наследница самой Камалы.

Пока «знатная дама» не швырнула ей деньги на стол и не забилась потом в рыданиях. Вряд ли Камала – первая верховная целительница – вела себя подобным образом.

– Даже твоя фамилия – Торас – была намеком на то, что твои далекие предки по женской линии имели связи с Торрой. Мне тогда подумалось: «Я нашла преемницу, которая со временем заменит меня».

Эти слова были как удар в живот. Ириана и представить не могла, что еще два с лишним года назад...

Верховная целительница предлагала ей остаться. Не только для продолжения учебы. В ней Хазифа видела преемницу.

Однако в замыслы Ирианы не входило стать хозяйкой этого кабинета. Она все время помнила, что находится в чужом государстве. И даже сейчас ей оказывали невообразимую честь. Умом Ириана это понимала, но в сердце ощущалась пустота.

– Я тогда спросила: на что ты употребишь полученные от меня знания, – продолжала Хазифа. – Помнишь, какой ответ ты мне дала?

Ириана помнила. Такое не забывается.

– Я сказала, что хочу употребить их во благо мира. Сделать что-то, дабы наверстать бесцельно прожитые годы.

Эти слова сопровождали Ириану на протяжении двух с лишним лет. Они – и записка, которую она постоянно носила с собой, перекладывая из кармана в карман и из платья в платье. Слова таинственной незнакомки. Возможно, богини, принявшей облик потрепанной жизнью молодой женщины. Ее мешочек с золотом привел Ириану сюда. Спас ее.

– И ты, Ириана, обязательно это сделаешь, – убежденно произнесла Хазифа. – Однажды ты вернешься на родину и будешь творить добро, совершать чудеса. Но прежде, чем покинуть нас, выполни мою просьбу. Помоги этому парню. Ты доказала свою способность исцелять такие увечья. У тебя получится и сейчас.

– А почему ты сама не можешь?

Раздражение и неблагодарность так и лезли сегодня из Ирианы. Прежде она бы не осмелилась столь непочтительно говорить с Хазифой.

Хазифа печально улыбнулась:

– Здесь требуется твое, а не мое вмешательство.

Ириана понимала: речь идет не только о телесном исцелении этого адарланца. У нее сдавило горло, и она с трудом сглотнула.

– Ириана, это душевная рана. И годами позволять ей гноиться... Я не вправе тебя винить. Но если ты позволишь ей разесть тебе душу, виноватой окажешься только ты. И я буду скорбеть по тебе, как если бы ты умерла.

У Ирианы задрожали губы. Она плотно стиснула их, смаргивая подступающие жгучие слезы.

– Ты прошла испытания и сделала это лучше, чем кто-либо на моей памяти, – тихо сказала Хазифа. – Пусть это станет моей личной проверкой тебя. Окончательным испытанием. Чтобы потом, когда ты решишь уехать, я могла бы с чистой совестью тебя благословить и отправить на войну, зная... – Хазифа приложила руку к груди. – Зная: по какой бы дороге ты ни пошла, пусть и темной, с тобой ничего не случится.

Ириана не позволила себе всхлипнуть. Она смотрела на город, светлые камни которого отражали последние лучи заходящего солнца. В окна за спиной верховной целительницы дул вечерний ветер, пахнувший лавандой и клевером. Он нес прохладу раскрасневшемуся лицу Ирианы и теребил копну седых волос Хазифы.

Ириана сунула руку в карман голубого платья. Пальцы нащупали знакомую гладкую поверхность сложенного кусочка пергамента. Ириана сжала пергамент. Так она поступала, плывя в Антику и потом, в первые недели, когда ей не верилось, что она сумеет овладеть здешними премудростями. Записка была ее талисманом, дававшим опору в трудные минуты, если что-то не получалось или одолевали сомнения.

Записка незнакомки, которая спасла Ириане жизнь и подарила свободу. Ириана так и не узнала ее имени. Похоже, незнакомка была ее ровесницей. Ириану удивило, что свои шрамы она носила так, как знатные дамы носят изысканные украшения. Неприятель в совершенстве владела ремеслом убийцы, но она же дала Ириане деньги на учебу. Они обе не знали, что в Торре учат бесплатно.

Та ночь дала начало многим событиям. Много хорошего произошло после встречи с незнакомкой. Порою Ириану одолевали сомнения: а действительно ли все было именно так? Но у нее в кармане лежала записка и вторая вещь, которую Ириана не посмела продать, даже когда золото в мешочке истаяло наполовину.

Это была изумительно красивая золотая брошь с рубином, стоившая как часть Антики.

Цвѣта Адарлана. Ириана так и не узнала, откуда родом эта незнакомка и кто оставил отметины на ее красивом лице. Но отношение их обеих к Адарлану совпадало. Как и у всех детей, потерявших по вине Адарлана близких, жилища и прежнюю жизнь. После вторжения имперского войска оставались лишь пепел, кровь и развалины.

Держа руку в кармане, Ириана водила пальцем по гладкому пергаменту. Содержание записки она давно знала наизусть: «Куда бы ты ни отправилась, это тебе на дорогу и на обустройство. Миру требуется больше целителей».

Первый вечерний бриз нес в окна Торры пряные запахи трав и морской соли.

Наконец Ириана решилась посмотреть на Хазифу. Лицо верховной целительницы было спокойным. Терпеливым.

Если она откажется, то впоследствии пожалеет. Хазифа уступит ее напору, но потом... Уедет ли она или решит остаться, она будет жалеть. Постоянно думать о сегодняшнем разговоре. Спрашивать себя: почему так скупно отплатила за удивительную доброту, проявленную к ней в Торре-Кесме, и как отнеслась бы к ее решению мать?

Даже если этот человек родом из Адарлана, даже если он выполнял приказы злодея-короля...

– Я пойду к нему и оценю его состояние, – слегка дрожащим голосом согласилась Ириана. Ее пальцы снова сжали записку незнакомки. – А потом решу, возьмусь ли за исцеление.

Хазифа задумалась.

– Достаточно честный ответ, девочка, – тихо сказала она. – Ты не слукавила.

– Когда мне идти во дворец? – торопливо спросила Ириана.

– Завтра, – ответила Хазифа. Ириана вздрогнула. – Хаган просил тебя быть в покоях господина Эстфола завтра с утра.

5

Ночью Шаол почти не сомкнул глаз, и не только из-за немилосердной жары. Были причины посерьезнее. Он находился во дворце хагана, пока ничем не выказавшего готовности стать их союзником в войне. Подозрения принца Кашана о том, что дворец полон потенциальных шпионов (возможно, даже моратских) и неведомых опасностей, тоже не способствовали крепкому сну. И конечно же, Шаола волновала судьба Рафтхола и всех, кто был ему дорог.

Отчасти его бессонницу вызывала и скорая встреча с целительницей: он ждал ее с минуты на минуту.

Спокойствие изменило даже Несарине. Шаол почувствовал это по ее походке, глядя, как она пересекает гостиную, где целительница и будет его осматривать. Гостиная была уставлена низкими диванами. Рядом на полу лежали целые горы подушек. Блеск полов перемежался с яркими прихотливыми узорами ковров разнообразной плотности и манеры ткачества. Все это выходило из-под умелых рук ковровщиц западной части континента, о чем Шаол узнал от Несарины. Гостиную украшали предметы искусства и множество роскошных безделушек из разных концов империи. Убранство гостиной довершали пальмы в кадках, страдающие от жары и солнца из окон и дверей.

Вчера за обедом старшая дочь хагана сообщила ему, что целительница явится в десять часов утра. Принцесса Хасара не отличалась красотой, но ни у кого из детей хагана не было таких свирепых глаз. Улыбалась она лишь приятной молодой женщине, сидевшей рядом.

Своей возлюбленной или жене, если судить по частым прикосновениям и продолжительным взглядам.

Потом Хасара улыбнулась и ему – хищно, вызывающе. Он не стал спрашивать, кого пришлют к нему из Торры.

Шаол до сих пор не решил, как ему относиться к здешним людям и к месту, где оказался. Этот город, где высоко ценились знания, где смешивались и уживались без вражды самые различные традиции и обычаи... Совсем не такой была жизнь в недавней Адарланской империи, погубившей и сломавшей столько жизней. Гнев, что продолжал бурлить в душах уцелевших, годы нескончаемого ужаса, настороженность и недоверие. Его родина была повинна в отвратительных преступлениях, совершенных на землях завоеванных королевств.

За обедом его спросили об истреблении рабов в Калакулле и Эндовьере.

Вернее, спрашивал один – этот скользкий тип, принц Аргун. Попадись в свое время Шаолу такой новобранец, капитан королевской гвардии легко бы сбил с него спесь. Показал бы силой слова (а понадобилось бы, и силой кулака), кто здесь командует. Однако положение гостя вынуждало Шаола терпеть и отвечать так, чтобы не задевать коварного высокомерного принца.

С каторжных поселений Аргун перешел на рабство в прежней Адарланской империи. Шаолу пришлось выдерживать и эти вопросы. Аргун желал знать, почему прежний король считал необходимым поработать своих подданных и низводить до уровня скотов. Почему не обратился к опыту Южного континента, дабы узнать об ужасах рабства, калечащего не только тела, но и души людей.

Шаол отвечал коротко, балансируя на тонкой грани между лаконичностью и неучтивостью. Наконец Сартак (единственный, кто, помимо Кашана, вызвал у Шаола симпатию) устал от вопросов брата и направил разговор в другое русло. Куда – бывший капитан не понимал. От чрезмерного любопытства Аргуна у него и сейчас шумело в ушах. К тому же, выполняя просьбу Кашана, Шаол внимательно наблюдал за детьми хагана, визирями и слугами. Последние то и дело исчезали и появлялись в обеденном зале. Пока что Шаол ни у кого не заметил черных колец и ошейников. Ничье поведение не показалось ему странным.

Поймав взгляд Кашана, Шаол слегка покачал головой, передавая ему свои наблюдения. Принц сделал вид, будто не заметил, но глаза его предостерегающе вспыхнули. «Продолжай наблюдать», – говорили они.

И Шаол продолжал, разделяя внимание между потоком изысканных кушаний, подаваемых на стол, и словами, взглядами и даже восклицаниями тех, кто его окружал.

Смерть младшей сестры не сделала наследников мрачными и угрюмыми. Разговор за столом протекал оживленно – в основном на незнакомых Шаолу языках. Ничего удивительного: гости, визири и слуги были родом из самых разных уголков хаганата. За столом находился и муж принцессы Дувы: темноволосый молодой человек с печальными глазами, родина которого была очень далеко от Антики. Он смотрел преимущественно на свою беременную жену и почти не общался с окружающими. Но всякий раз, когда Дува улыбалась мужу, вряд ли свет, озарявший лицо принца, был наигранным. Возможно, дело тут вовсе не в природной молчаливости этого человека, а просто в недостаточном знании родного языка принцессы.

Молчание Несарины объяснялось другими причинами. Она сидела с отсутствующим видом, и чувствовалось, ее мысли далеко отсюда. Перед обедом она успела вымыться с дороги. Шаол узнал об этом по крику и хлопнувшей двери ее спальни, откуда вышел слуга с обиженным и раздраженным лицом. Назад он не вернулся. Замену ему тоже не прислали.

К обеду Шаола одевала Каджа (так звали его служанку). Она же помогала ему раздеться и лечь в постель, а утром, едва он проснулся, подавала завтрак.

Судя по вчерашнему обеду, хаган явно понимал толк в еде.

Шаол вспомнил подававшиеся яства. Мясо разных видов, богато сдобренное пряностями и настолько сочное, что само отделялось от костей. Разноцветный рис с подливой из терпких

трав. Чесночные лепешки с маслом. И конечно же, вина на любой вкус: совсем легкие и крепкие. Виноградников и виноделен в империи хагана было более чем достаточно. Правда, Шаол ограничился лишь одним бокалом, когда хаган произнес весьма прохладный тост за новых гостей. Но для человека, недавно потерявшего любимую дочь, это было проявлением такого радушия, какого Шаол никак не ожидал.

Несарина лишь пригубила вина и почти не притронулась к еде. Она с трудом дождалась момента, когда слуги стали убирать со стола, и предложила Шаолу вернуться в отведенные им покои. Он согласился. Да и мог ли он возражать? Но едва они вернулись к себе, Шаол спросил, есть ли у нее желание поговорить. Несарина ответила коротким «нет». Потом добавила, что хочет спать и появится у него только утром.

Шаолу не хватило смелости предложить Несарине спать вместе – в его или ее спальне. Громкий хлопок двери сказал ему больше, чем слова.

Каджа помогла ему улечься в просторную кровать, где Шаол ворочался с боку на бок, потел и жалел, что не может скинуть простыни, как прежде. Даже прохладный воздух, струившийся из невидимых отверстий, не облегчал его состояния. Чтобы отвлечься от тягостных мыслей, он вспоминал рассказ служанки о хитроумном снабжении помещений дворца прохладным воздухом. Оказалось, среди шпилей и куполов были спрятаны особые башенки. Они затягивали в себя воздух. Каналы под дворцом его охлаждали, а паутина труб, проложенная в стенах, подавала охлажденный воздух по всему дворцу.

Разговора у них с Несариной не получалось и раньше. Нередко эти попытки оканчивались ссорами.

У них и отношения не клеились. Шаол без конца упрекал себя за это. Если они оба упрямы, почему бы ему первому не попытаться изменить характер?

За десять минут, пока ждали целительницу, Несарина почти не смотрела в его сторону. Лицо у нее было усталым, волосы разметались по плечам. Надевать капитанский мундир она не стала, предпочтя свою обычную темно-синюю блузу и черные штаны. Казалось, государственные цвета Адарлана ей ненавистны.

На Шаола Каджа надела вчерашний зелено-голубой камзол и до блеска начистила медные застежки. В ее работе ощущалась спокойная гордость и ни капли робости и страха, присущих множеству слуг и служанок королевского замка в Рафтхоле.

– Она запаздывает, – угрюмо пробормотала Несарина.

Циферблат роскошных напольных часов в углу показывал десять минут одиннадцатого.

– Может, послать кого-нибудь туда? Пусть узнают, собирается ли она вообще во дворец?

– Она не находится у нас в подчинении. Вдруг ее что-то задержало? Давай еще подождем.

Несарина остановилась перед ним.

– Нельзя медлить, – заявила она, сердито хмуря брови. – Мы не имеем права понапрасну растрачивать время.

– Я понимаю твоё желание поскорее вернуться домой, – осторожно сказал Шаол.

– Не думай, я не стану тебя торопить, но даже один день имеет значение.

Шаол отметил, как напряжен ее рот. Наверняка и его собственный выглядит так же. Утром Шаолу пришлось усилием воли прогнать мысли о судьбе Дорина.

– Когда целительница придет, может, сходишь в город? Навестишь родственников. Быть может, им что-то известно о твоей семье в Рафтхоле.

Худенькая рука Несарины полоснула по воздуху.

– Подожду, пока она тебя осматривает.

– И все это время будешь мерить комнату шагами?

Несарина плюхнулась на ближайший диван. Золотистая обивка мягко зашелестела.

– Я приплыла сюда, чтобы тебя поддержать. И в лечении, и в нашем деле. Болтовня с дядиной родней не должна заслонять главное.

– А если я тебе прикажу?

Несарина замотала головой, отчего заколыхалась волна темных волос.

Но не успел Шаол по-настоящему отдать приказ, как в тяжелую дубовую дверь постучали – коротко, но уверенно.

Несарина что-то крикнула на халхийском. Вероятно, это означало «войдите». Шаол прислушивался к легким, негромким шагам. Затем медленно открылась дверь в гостиную. Мелькнула рука янтарного цвета.

Первыми Шаол заметил ее глаза.

От таких глаз люди должны замирать на месте, а потом оборачиваться вслед. Золотисто-карие, полные внутреннего огня. У целительницы были слегка выющиеся густые волосы сочного каштанового цвета, в которых мелькали темно-золотистые прядки. Волосы достигали ее тонкой талии.

Целительница двигалась с изяществом. Ее ноги были обуты в простые черные туфли, приспособленные для хождения по горбатым улицам Антики. Сейчас они мягко ступали по коврам дворцовой гостиной, а их хозяйка либо не замечала роскошного убранства, либо ее это не волновало.

Молодая. Года двадцать два, не больше.

Но эти глаза... Они были гораздо старше.

Вошедшая остановилась возле стула с резной спинкой. Несарина вскочила на ноги, разглядывая свою ровесницу. Конечно же, эта женщина, обладавшая спокойным изяществом движений, ясными глазами и одетая в неброское голубое муслиновое платье, могла быть только целительницей. Ростом она уступала Несарине, но если спутница Шаола и сейчас выглядела угловатым подростком... Шаол постарался не смотреть на женственные округлости тела целительницы.

– Тебя прислали из Торры-Кесме? – по-адарлански спросила Несарина.

Целительница не торопилась отвечать. Она молча смотрела на Шаола. В ее дивных глазах промелькнуло нечто вроде удивления и гнева.

Потом она сунула руку в карман платья. «Наверное, принесла что-то вроде рекомендательной записки», – подумал Шаол. Меж тем рука целительницы оставалась в кармане. Казалось, она сжимает какой-то предмет внутри.

Отнюдь не робкая олениха, готовая умчаться. Целительница, скорее, напоминала оленя, для которого бегство унижительно. Каким бы ни были его шансы в сражении, сейчас он опустит голову и ринется на противника.

Шаол выдержал ее холодный, пристальный взгляд. За годы службы он пересмотрел достаточно юных оленей и каждому умерял пыл.

Несарина произнесла фразу на халхийском, повторяя свой вопрос.

На шее целительницы Шаол заметил тонкий косой шрам в палец длиной.

Он знал, какое оружие оставляет на теле подобные отметины. В мозгу лихорадочно закружились возможные обстоятельства, при которых она могла получить этот шрам. Все они, равно как и причины, породившие их, были не из приятных.

Несарина молча смотрела на Шаола и гостью.

Целительница прошла к письменному столу, стоявшему возле окон, села и взяла лист пергамента из стопки на углу стола.

Кем бы ни были эти целительницы, хаган вчера сказал сущую правду: они не подчинялись его приказам. Казалось, у них внутри есть свой трон, а потому титулы и власть не застилают им глаза.

Целительница достала из ящика ручку со стеклянным пером, сняла крышку с хрустальной чернильницы, обмакнула перо и спросила по-адарлански:

– Имя?

Она говорила без акцента. Точнее, без здешнего акцента.

– Шаол Эстфол.

– Возраст?

Акцент у нее все-таки был, но другой. Так говорили в...

– Фенхару, – вслух произнес Шаол.

Перо замерло в воздухе.

– Возраст? – повторила она.

– Ты родом из Фенхару?

«Что ты делаешь здесь, так далеко от родины?» – мысленно добавил он.

Целительница холодно и безучастно смотрела на него.

– Двадцать три, – сглотнув, ответил Шаол.

Она что-то записала и задала новый вопрос:

– Расскажи, откуда начинаются повреждения в твоём теле.

Каждое слово она произносила тихо и отрывисто. Даже с каким-то недовольством, как показалось Шаолу.

Может, ей неприятно заниматься его увечьем? Может, ее направили сюда, оторвав от других, более важных дел? Он вспомнил вчерашнюю язвительную улыбку Хасары. Наверное, принцесса знала: эта женщина вовсе не отличается сострадательным обращением с больными.

– Как тебя зовут? – спросила целительницу Несарина, начинавшая терять терпение.

Целительница лишь взглянула на Несарину, словно только сейчас заметила ее присутствие.

– Ты здешняя? – спросила целительница вместо ответа на вопрос.

– Мой отец родился здесь. Переехал в Адарлан, женился на моей матери, и теперь одна часть моей семьи там, другая – здесь.

Несарина ничем не выдала своей тревоги за адарланскую часть семьи, но сочла необходимым для пущей важности добавить:

– Я – Несарина Фелак, капитан королевской гвардии Адарлана.

Удивление в глазах целительницы сменилось тревогой, а ее взгляд снова устремился на Шаола.

Она знала, кто он. Шаол понял это по ее глазам. Она знала, что прежде он командовал королевскими гвардейцами, но сейчас занимает другую должность. Значит, все эти вопросы про имя, возраст – просто дурацкая игра. Или следование нелепым правилам, установленным у них в Торре. Последнее предположение казалось ему маловероятным.

Уроженка Фенхару, встретившая двух посланцев адарланского двора...

Шаол довольно легко представил, каких ужасов навидалась эта женщина и кто мог наградить ее отметиной на шее.

– Если не хочешь возиться со мною, пусть твое начальство пришлет другую, – грубо сказал ей Шаол.

Несарина резко повернулась к нему. Целительница спокойно выдержала его взгляд:

– У нас больше нет никого, способного тебе помочь.

«Они прислали самую лучшую свою целительницу», – догадался Шаол.

Судя по манере держаться, так оно и было. Вновь обмакнув перо, целительница повторила просьбу:

– Расскажи, откуда начинаются повреждения в твоём теле.

Тишину гостиной нарушил стук в дверь – на этот раз громкий и требовательный. Шаол вздрогнул, ругая себя за то, что не услышал шаги.

Но к ним явилась принцесса Хасара, одетая в зеленые и золотистые шелка.

– Доброе утро, господин Эстфол, – произнесла она, жмурясь по-кошачьи. – Доброе утро, капитан Фелак.

Каждый ее шаг был исполнен чванливости, коса колотила принцессу по спине. Хасара подошла к целительнице, посмотрела на нее – Шаолу показалось, что с досадой, – затем наклонилась и поцеловала в обе щеки:

– Ириана, обычно ты не бываешь столь угрюмой.

Вот как ее зовут.

– Утром забыла выпить *кахаве*.

Сегодня к завтраку Шаолу подали этот густой горький напиток, сдобренный пряностями. Он чуть не поперхнулся. Несарина объяснила, что к кахаве надо привыкнуть.

Принцесса присела на краешек стола:

– Вчера тебя не было на обеде. У Кашана испортилось настроение.

Плечи Ирианы заметно напряглись.

– Мне требовалось подготовиться.

– Ириана Торас, добровольная затворница Торры, приносящая себя в жертву работе? Я бы померла со скуки.

Принцесса сказала больше, чем намеревалась. Значит, лучшей целительницей Торры-Кесме Ириана стала благодаря упорству и редкому трудолюбию.

– Все еще в кресле? – удивленно спросила Хасара, взглянув на Шаола.

– Исцеление требует времени, – спокойно ответила принцессе Ириана, без тени угодливости или даже почтения. – Мы только начинаем.

– Значит, ты согласилась взяться за его ноги?

Ириана сердито посмотрела на принцессу, отсекая дальнейшую болтовню.

– Я занималась осмотром господина Эстфола. – Она качнула подбородком в сторону двери. – Зайти к тебе, когда закончу?

Несарина выразительно и даже с опаской поглядела на Шаола. Целительница, выпроваживающая принцессу, дочь правителя самой могущественной империи.

Хасара подалась вперед и взъерошила золотисто-каштановые волосы Ирианы.

– Не имей ты дара богов, я бы собственными руками вырвала твой язык, – сказала она медоточивым голосом, но в меде этом ощущался растворенный яд.

Ириана лишь слегка улыбнулась. Хасара прыгнула со стола и насмешливо кивнула Шаолу:

– Можешь не волноваться, господин Эстфол. Ириана врачевала похожие увечья и даже те, что намного тяжелее твоего. Пройдет совсем немного времени, и ты снова окажешься на ногах и продолжишь верно служить своему хозяину.

Несарина застыла. Довольная произведенным впечатлением, принцесса удалилась.

Все трое ждали, когда хлопнет внешняя дверь.

– Ириана Торас, – только и сказал Шаол.

– И что такого?

Легкое изумление, с каким Ириана смотрела на принцессу, исчезло. Уже хорошо.

– Ниже бедер ничего не чувствую. Ног вообще не ощущаю.

Глаза Ирианы переместились к его бедрам.

– А отклик на мужские желания есть? Там по-прежнему набухает? – спросила целительница, указав на его промежность.

Шаол невольно вздрогнул. Даже Несарина заморгала, услышав столь откровенный вопрос.

– Да, – глухо ответил Шаол, безуспешно стараясь сохранить невозмутимость, но чувствуя, что краснеет.

Ириана поочередно посмотрела на них обоих и задала новый вопрос:

– И ты удовлетворял свою потребность до конца?

– Какое отношение это имеет к моему состоянию?

Шаол до скрипа зубов сжал челюсти. И как она сумела понять, что у них с Несариной все прекратилось?

Ириана невозмутимо водила пером по пергаменту.

– Что ты там пишешь? – взвился Шаол.

Проклятое кресло! Если бы не оно, сейчас подскочил бы к столу и вырвал у нее из рук этот пергамент.

– Я пишу большое «нет».

Мало того, свое «нет» она еще и подчеркнула.

– Теперь, наверное, будешь спрашивать, сохранилась ли у меня способность справлять большую и малую нужду?

– Эти вопросы тоже у меня в списке.

– Отвечаю: все сохранилось, – зло бросил Шаол. – Надеюсь, ты не станешь спрашивать у Несарины, так ли это.

Ириана с прежней невозмутимостью повернулась к Несарине:

– Ты замечала у господина Эстфола трудности с отпращиванием естественных надобностей?

– Не отвечай! – рявкнул он Несарине.

Несарине хватило благоразумия усесться на стул и молчать.

Ириана отложила перо, потом встала из-за стола. Утреннее солнце отражалось от ее волос, образуя подобие нимба. Подойдя к Шаолу, она опустилась на колени и спросила:

– Ты можешь снять сапоги или тебе помочь?

– Сам сниму.

Она уселась на корточки и стала наблюдать за его движениями. Еще одна проверка – на подвижность рук и верхней части туловища. Ириане хотелось понять, как Шаол сейчас ощущает вес своих ног, необходимость постоянно принаравливать их положение... Скрежеща зубами, Шаол обхватил колено, сдвинул ногу с деревянной подставки, затем наклонился и несколькими рывками стянул сапог. Сняв второй, спросил:

– Штаны тоже снимать?

Шаол понимал: ему нужно проявлять учтивость, нужно упрашивать Ириану о помощи, однако...

– Только после нескольких рюмок крепкого вина, – ответила она, затем, повернувшись к оторопелой Несарине, добавила: – Извини.

Впрочем, извинение было произнесено столь же язвительным тоном.

– Почему ты извинялась перед нею?

– Думаю, ей сейчас очень нелегко делить с тобой постель.

Шаолу понадобилось все самообладание, чтобы не схватить Ириану за плечи и как следует не встряхнуть.

– Я тебя чем-то задел?

Ириана ответила не сразу. Вначале сняла с него носки, бросила их поверх сапог и лишь тогда сказала:

– Нет.

Вранье. Он носом чуял ее вранье. Ощущал языком.

Главное, Ириана наконец-то занялась осмотром. Ее изящные руки трогали и мяли его ногу. Мышцы живота еще что-то чувствовали. А ниже – ничего. Шаол мог лишь смотреть. Он не знал, сильно ли ее пальцы щиплют ему кожу, глубоко ли впиваются ногти. Он просто смотрел.

Безымянный палец Ирианы украшало кольцо.

– Твой муж отсюда? – спросил он.

Могла быть и жена.

– Я не...

Ириана хмуро поглядела на кольцо, не договорив.

Значит, не замужем. Серебряное кольцо было простеньким, с маленьким гранатом. Возможно, носила, защищаясь от приставания мужчин. Так поступали многие женщины на улицах Рафтхола.

Ириана добралась до пальцев ноги. Ощупывая каждый, спрашивала:

– Чувствуешь что-нибудь?

– Нет.

Настал черед другой ноги. И снова Шаол пять раз ответил «нет».

Похожий осмотр он уже проходил в замке, с Рованом.

– Изначально у Шаола был поврежден весь позвоночник, – заговорила Несарина. Видно, и она вспомнила фэйского принца. – Наш друг, обладающий целительскими способностями, сделал все, что мог. Подвижность верхней части туловища вернулась, а вот с ногами у него ничего не получилось.

– При каких обстоятельствах господин Эстфол покалечился?

Руки Ирианы мяти ему лодыжку, постукивали по ноге, царапали кожу. Похоже, принцесса Хасара сказала правду и уроженке Фенхару уже приходилось врачевать схожие увечья.

Вопрос погрузил Шаола в поток воспоминаний. Он заново переживал ужас, боль и гнев. Несарина открыла было рот, но он ее опередил:

– Это произошло во время сражения. Я получил удар в спину. Магический удар.

Пальцы Ирианы поднимались выше, продолжая мять и постукивать по каждой ноге. Шаол ничего не чувствовал.

– Должно быть, твой друг был удивительным целителем, если сохранил тебе такую степень подвижности.

– Он сделал все, что в его силах. Затем велел мне ехать сюда.

Ее руки добрались до бедер Шаола. С нарастающим ужасом он следил, как они поднимаются все выше и выше. Он уже хотел спросить, не собирается ли она осматривать и его «мужскую снасть», когда Ириана подняла голову. Их глаза встретились.

Вблизи ее глаза были золотым пламенем. Не холодным металлом, как у Маноны Черноклювой, в чьих глазах запечатлелось столетие кровавых битв и хищных инстинктов... Глаза Ирианы больше напоминали пламя очага, горящего долгим зимним вечером.

– Мне нужно осмотреть твою спину, – сказала Ириана и отошла. – Ложись на ближайшую кровать.

Шаол не успел ей напомнить, что в его положении это не так-то просто сделать. Подскочив к его креслу, Несарина покатила Шаола в спальню. Каджа успела застелить кровать и поставить на столик букет оранжевых лилий. Ириана принялась и поморщила нос, словно запах был отталкивающим. Шаолу стало любопытно, но он воздержался от вопросов.

Несарина хотела ему помочь перебраться на кровать, но Шаол отмахнулся. Кровать была достаточно низкой. Сам справится.

Ириана стояла в проеме открытой двери и смотрела, как он, упершись одной рукой в кровать, а другой – в сиденье, сильным толчком переместился на мягкую поверхность кровати. Там Шаол расстегнул сверкающие застёжки и сбросил с себя камзол. Потом и белую рубашку.

– Ничком ложиться?

Ириана кивнула.

Обхватив колени и сжав живот, Шаол распластал неощущаемые ноги вдоль матраса. Но лежал он не на животе, а на спине.

Ноги затряслись, будто сведенные судорогой. Правда, это внешне напоминало настоящие судороги. Впервые такое с ним случилось пару недель назад. Шаол и сейчас ощущал неимо-

верную тяжесть в груди. Он понимал: это каким-то образом связано с увечьем. Обычно подобные ощущения возникали, когда он несколько раз подряд перемещал тело.

– Судороги при таких увечьях бывают довольно часто, – пояснила Ириана, наблюдая, как слабеет и исчезает дрожь в ногах Шаола. – Со временем они пройдут.

Жестом она напомнила, что просила лечь на живот.

Шаол молча сел, положил одну ногу поверх другой, затем снова лег на спину и только тогда перевернулся на живот, увлекая за собой ноги.

Возможно, Ириану и впечатлила его способность управляться со своим телом. Вслух она не сказала ничего. Даже бровью не повела.

Уперев ладони в подбородок, Шаол смотрел, как Ириана неспешно идет к нему. По пути она махнула Несарине, велев той не рассказывать взад-вперед, а сесть.

Шаол внимательно следил за Ирианой, стараясь заметить проявление магии. Вот только какой? Он и сам не представлял. Магия Дорина повелевала льдом, ветром и вспышками света. Магия Аэлины была яростным, испепеляющим пламенем. Но исцеляющая магия... Ощутима ли она? Увидит ли он что-то сам, или же свидетелями будут только его кости и кровь?

В прошлом такие вопросы заставили бы его сердито нахмуриться. Возможно, он воспротивился бы самой затее отдаться во власть магии. В прошлом он отрицал магию и боялся ее. Но тот прежний человек остался погребенным под развалинами стеклянного замка, и нынешний Шаол этому радовался.

Некоторое время Ириана просто смотрела на его спину. Когда же ее ладони легли ему между лопатками, он ощутил тепло утреннего солнца.

– Удар по тебе пришелся сюда, – спокойно отметила она.

Кружок бледной кожи. Место, куда его ударил король. Перед отъездом Дорин с помощью двух зеркал показал ему эту отметину.

– Да, – коротко подтвердил Шаол.

Пальцы Ирианы медленно двинулись вниз по ложбинке между лопатками.

– Потом удар, как наконечник копья, пошел ниже, калеча и разрывая все на своем пути.

Она обращалась не к Шаолу. Казалось, Ириана как зачарованная говорила сама с собой.

Шаол гнал от себя воспоминания о боли, онемении тела и забытии, куда он провалился.

– Это тебе сказала его спина? – удивилась Несарина.

– Это говорит мой дар. – Рука Ирианы достигла середины спины, надавливая и царапая кожу. – Твой противник был ужасающе силен.

– Да, – только и ответил Шаол.

Руки Ирианы опускались все ниже. Достигнув талии Шаола, они приспустили ему штаны, продолжая осмотр.

– Не увлекайся, – прошипел он сквозь сжатые зубы.

Равнодушная к его предостережению, Ириана достигла поясницы. Дальше начинались ягодицы. В этом месте Шаол ничего не чувствовал.

Тогда ее пальцы с паучьей легкостью скользнули вверх, словно считая позвонки...

– А здесь?

– Здесь чувствую.

Ириана надавила пониже:

– Здесь как?

– Опять ничего.

Ириана наморщила лоб, мысленно обозначая границу чувствительности. Потом ощупала его спину по краям, проверяя, где он перестает воспринимать надавливание ее пальцев. Через несколько минут руки Ирианы обхватили голову и шею Шаола. Она вертела его голову влево и вправо. Зачем – он не понимал. В этом месте у него было все в порядке.

Наконец Ириана велела ему передвинуться. Не подняться, а снова перевернуться на спину.

Шаол смотрел в расписной сводчатый потолок. Ириана тыкала и пощипывала его грудные мускулы, мышцы живота и пространство между ребрами. Ее рука снова опустилась ниже. Пальцы неумолимо мяли кожу. Никак она...

– Тебе это действительно нужно? – не выдержал Шаол.

Ириана встретила его вопрос недоуменным взглядом и тоже спросила:

– Ты боишься, что я увижу там нечто необычное?

Да, этой Ириане Торас из Фенхару палец в рот не клади. Шаол молчал, выдерживая ее дерзкий взгляд.

– Я совсем забыла, что мужчины Северного континента густо опутаны стыдливостью.

– А здешние мужчины – другие?

– Здесь тело почитают и не прячут под грудой одежды. Это касается мужчин и женщин.

Тогда понятно, почему служанка не стыдилась показываться ему голой. Намокший халатик не в счет.

– За обедом я что-то не видел полураздетых, – буркнул он.

– Дождись празднеств, – сухо возразила Ириана, но руки от приспущенных штанов убрала. – Если увечье никак не отразилось на твоей «мужской снасти», мне незачем проверять.

Шаолу вдруг почудилось, что ему снова тринадцать лет и он в первый раз пытается заговорить с понравившейся девчонкой, а язык мелет какую-то чушь.

– Вот и прекрасно, – пробубнил Шаол.

Ириана подала ему рубашку, и он надел ее, напрягши руки и живот.

– И что ты можешь сказать? – спросила Несарина, подходя к ним.

– Мне нужно подумать, – ответила Ириана, теребя крупный локон. – Поговорить с наставницей.

– А я думала, ты у них – самая лучшая, кому ни с кем советоваться не надо.

Чувствовалось, терпение Несарины подходит к концу.

– У нас много опытных целительниц. Я – одна из них, – без малейшей обиды пояснила Ириана. – Но верховная целительница превосходит нас опытом. Она поручила мне заняться этим делом. Естественно, я должна обсудить с нею свои наблюдения.

– У него все так плохо? – спросила Несарина.

Шаол был ей благодарен. Сам бы он не решился спрашивать.

Ириана лишь взглянула на него, искренне, без страха:

– Ты и сама знаешь. Да, так плохо.

– Но ты сможешь ему помочь? – уже резче спросила Несарина.

– Я исцеляла схожие увечья. Но это... пока ничего не могу сказать, – ответила Ириана, не сникая под ее колючим взглядом.

– А когда сможешь?

– Когда все тщательно обдумаю.

«Ей надо принять решение, – догадался Шаол. – Определиться, будет ли она мне помогать».

Он перехватил взгляд Ирианы, показывая, что понимает ее состояние. И хорошо, что Несарину воспитали в почтении к целительницам Торры-Кесме. Их она воспринимала едва ли не как богов. Она не смела усомниться в словах Ирианы. В противном случае она бы размазала Ириану по стенке.

– Когда ты вернешься? – спросила Несарина.

«Никогда», – едва не вырвалось у Шаола.

– Я сообщу. – Ириана засунула руки в карманы.

Не сказав больше ни слова, она покинула комнату.

Несарина смотрела ей вслед, затем принялась тереть себе лоб.
Шаол молчал.

Несарина вдруг выпрямилась и стрелой вылетела в гостиную. Оттуда донесся шелест пергамента. Через мгновение Несарина вернулась и застыла в дверях. Хмуря брови, она помахивала листом, оставленным Ирианой на письменном столе.

– Это как вообще понимать? – спросила Несарина, протягивая ему лист.

На листе торопливым, сбивчивым почерком были написаны четыре женских имени:

Ольния

Мэрта

Росана

Жозина

Последнее имя Ириана написала несколько раз и несколько раз подчеркнула.

Жозина. Жозина. Жозина.

– Наверное, это имена других целительниц из Торры, способных мне помочь, – соврал он. – Скорее всего, она боялась назвать их вслух, чтобы здешние шпионы не подслушали.

Несарина скривила губы:

– Послушаем, что она скажет, когда вернется. По крайней мере, мы знаем про ее знакомство с Хасарой. В случае чего принцесса подскажет, где ее искать.

Или Кашан. Одно упоминание его имени почему-то рассердило Ириану. Конечно, принц не может ее заставить исцелять Шаола, но такие сведения всегда полезны.

Шаол снова посмотрел на торопливо написанные имена. На жирную волнистую линию ниже последнего.

Похоже, находясь здесь, Ириана нуждалась в каком-то напоминании, и эта необходимость непонятным образом была связана с Шаолом. Выводя имена, Ириана убеждала себя, что знает этих женщин.

Шаолу вспомнилась другая искусная целительница из Фенхару. Дорин так в нее влюбился, что собирался бежать вместе с ней. Счастье с любимой было ему дороже королевской власти. Шаол знал, какие ужасы творились в Фенхару, когда они с Дорином были еще мальчишками. Судьба не благоволила к несчастной Сорше (так звали возлюбленную Дорина) ни в родном Фенхару, ни в Рафтхоле.

Несколько раз Шаолу довелось проехать по опаленным степям Фенхару. Ему встречались сожженные и покинутые дома с развороченными соломенными крышами. Жители их были убиты, поработаны или бежали куда глаза глядят. Подальше от своей истерзанной родины.

Он мямл в руках пергамент с именами и все отчетливее понимал: Ириана Торас не вернется.

6

Ириана уже знала его возраст, но никак не ожидала, что бывший капитан выглядит настолько... молодым.

Она вообще старалась о нем не думать, пока не вошла в гостиную и не увидела его привлекательного лица. Открытого, со следами пережитого и смешанным чувством тревоги и надежды.

Из-за его надежды она и потеряла самообладание. Заметив тонкий косой шрам на его щеке, она вдруг захотела добавить второй.

Она вела себя на редкость неподобающим для целительницы образом. Никогда прежде она не была настолько грубой и черствой с пациентами.

К счастью, приход Хасары чуть охладил ее пыл. Но осмотр этого адарланца, размышление о том, как ему помочь...

Естественно, Ириана и не думала писать имена четырех поколений предков своей семьи по женской линии. Особенно имя матери, которое она писала снова и снова, делая вид, будто заносит сведения о пациенте. Это не помогло унять бурю в душе.

Где-то через час вспотевшая, покрытая уличной пылью Ириана добралась до кабинета Хазифы. Путь из дворца по людным узким улочкам, затем подъем по бесконечным ступенькам башни показались ей вечностью.

Начать с того, что она опоздала к назначенному времени. Ириана никогда не позволяла себе опаздывать. Однако ровно в десять часов утра она находилась не в покоях адарланских гостей, а в коридоре, напротив двери. Обхватив лицо ладонями, она дышала ртом, не находя сил постучаться и войти.

Вопреки ее ожиданиям, он оказался вовсе не чудовищем.

Говорил он гладко; скорее как придворный, а не как солдат. Но его тело было телом воина. Ириана врачевала достаточно любимых воинов хагана и знала эту крепость мышц под кожей. Шрамы, покрывавшие смуглую кожу господина Эстфола, весьма красноречиво рассказывали, ценой каких усилий он превосходно развил свое тело. Даже сейчас силы рук и верхней части туловища ему хватало, чтобы самому перебраться с кресла на кровать.

Что же касается позвоночника...

В кабинете Хазифы Ириана застала всхлипывающую и шмыгающую носом младшую ученицу.

– Мне нужно поговорить, – напряженным тоном произнесла Ириана, сжимая дверную ручку.

– Непременно поговорим, когда освобожусь, – спокойно ответила Хазифа, протягивая плачущей девчонке платок.

Целители-мужчины были редкостью. В основном дар Сильбы доставался женщинам. Ириана прикинула возраст этой плаксы. От силы четырнадцать... Она в ее годы всюю работала у тетки, делая все, что скажут. Мечтала попасть сюда и никому не плакалась на свою тяжкую участь.

Но не ей судить о чужих горестях. Ириана вышла, тихо закрыла дверь и осталась ждать в узком коридоре, привалившись к стене.

Помимо двери кабинета, здесь были еще две: одна, запертая, вела в личную мастерскую Хазифы, вторая – в ее спальню. Первую дверь украшала резная сова, готовящаяся взмыть в небо. На двери спальни тоже была сова, но сонная. Символ Сильбы. Совы в башне встречались повсюду: в камне и дереве, вырезанные и нарисованные. Порою их находили в самых неожиданных местах: наивных и даже глуповатых, словно когда-то давно некая юная ученица решила пошутить. Но сова на двери личной мастерской верховной целительницы...

Эта сова восседала на скрюченной железной ветке, растянувшейся на всю ширину двери. Крылья птицы были широко разведены, словно она намеревалась взлететь. Однако необычность сове придавала отнюдь не поза. Она казалась живой. Зорко следящей за всеми, кто появлялся в коридоре, а особенно за теми, кто слишком долго смотрел на дверь мастерской. Ключ имелся только у Хазифы. Когда-то она получила его от своей предшественницы. Ученицы шептались, что в мастерской хранятся манускрипты с полузабытыми знаниями и странные, сверхъестественные предметы, которые лучше держать под замком, чем выпустить в мир.

Ириана всегда посмеивалась над их перешептываниями, но молчала о том, что ей, наряду с еще несколькими избранными ученицами, было даровано удовольствие помогать Хазифе в мастерской. Но там, если не считать некоторых старинных инструментов и такой же мебели, не было ничего, о чем болтали девчонки. Тайны мастерской верховной целительницы уже не один век входили в число любимых легенд Торры, передаваемых от ученицы к ученице.

Ириана обмахивала вспотевшее лицо. После подъема сюда она еще не отдышалась. Прислонившись затылком к прохладному камню стены, она опустила руку в карман и коснулась пергамента. Интересно, заметил ли адарланец, что она часто сует руку в карман и трогает записку незнакомки? Может, подумал, что у нее там спрятано оружие? В наблюдательности ему не откажешь. Он следил за каждым ее движением, подмечал каждый вздох.

Его этому учили. Иначе и быть не могло, если он служил прежнему королю. А теперь и Несарина Фелак – дитя этого континента – служила правителю государства, которое совсем не жаловало чужестранцев.

Ириана не понимала, что связывает Шаола и Несарину. Вряд ли любовь. Скорее, дружба соратников с примесью взаимной симпатии. Насколько сильной?.. Ей-то какое дело? Единственное, адарланцу потребуется не только телесное, но и душевное исцеление. Он не привык говорить о своих чувствах, страхах, надеждах и огорчениях. Ириане это стало понятно с первых же минут.

Наконец дверь кабинета Хазифы открылась, и оттуда вышла ученица – красноносая, с блестящими от слез глазами. Она виновато улыбнулась Ириане.

Ириана ответила девчонке улыбкой, но не устремила в кабинет. При всей своей занятости, она всегда находила время для таких вот молоденьких учениц. Особенно тех, кто тосковал по дому.

Когда она только появилась в Торре, никто не подсаживался к ней в трапезной и не звал к своему столу.

Ириана и сейчас помнила те одинокие дни. Даже радость от обилия пищи и возможности наесться досыта не скрашивала ее одиночества. Через несколько дней она не выдержала и стала брать еду с собой в библиотеку. Обширная библиотека находилась в подземелье под башней. Ириане приходилось таиться от строгих библиотекарей, запрещавших есть в читальных залах. Ее спутниками были только совы, вырезанные в камне, и юркие бастинские кошки, которые внезапно появлялись, терлись о ее ноги и так же внезапно исчезали.

Потом Ириана втянулась в занятия, перезнакомилась с другими ученицами и как-то незаметно вернулась в трапезную, где теперь встречала много знакомых лиц. Большой зал перестал казаться ей чужим. Ей нравилось, когда ее окликали, она смеялась чужим шуткам и чувствовала себя все увереннее. А в библиотеку ходила, лишь когда требовалось что-то почитать к занятиям.

Она потрепала девчонку по плечу и шепотом сообщила:

– Утром Повариха пекла миндальное печенье. Я учуяла запах, когда выходила. Попроси у нее от моего имени шесть штук. Четыре возьми себе, а два отнесешь ко мне в комнату.

Она весело подмигнула ученице. Девчонка просияла и торопливо закивала. Повариха, пожалуй, стала первой здешней подругой Ирианы. У этой женщины, конечно же, было имя, но ее все звали Поварихой. Заметив, что Ириана ест в одиночестве, Повариха незаметно подкладывала ей дополнительные куски, приносила еду в комнату и даже в ее любимый тайный уголок в библиотеке. В прошлом году Ириана отплатила Поварихе за доброту, вылечив ее внучку от коварной болезни, вгрызавшейся в легкие. Теперь, увидев Ириану, Повариха не могла сдерживать слез благодарности, а Ириана взяла за правило раз в месяц навещать и осматривать девочку.

Когда она уедет, нужно будет порекомендовать внучку Поварихи заботам другой целительницы. Вырваться из жизни, которую она здесь построила... Это будет непросто и оставит после себя сильное чувство вины.

Продолжая шмыгать носом, ученица понеслась по винтовой лестнице вниз. Ириана проводила ее взглядом, затем поглубже вдохнула и пошла в кабинет Хазифы.

– Ну как, молодой адарланец будет снова ходить? – вместо приветствия спросила верховная целительница, вопросительно изогнув седые брови.

Ириана опустила на знакомый стул, еще хранивший тепло юной ученицы.

– Будет. Его случай очень похож на то, что я врачевала минувшей зимой. Но без сложностей не обойдется.

– С чем они связаны? С особенностями увечья или с тобой?

– Я вела себя... отвратительно, – покраснев, призналась Ириана.

– Этого следовало ожидать.

Ириана отерла вспотевший лоб:

– Мне даже стыдно тебе рассказывать про свое поведение.

– Тогда не рассказывай. В следующий раз будешь держаться как надо, и мы сочтем урок усвоенным.

Ириана ссутулилась, вытянув саднящие ноги. Половину пола в кабинете Хазифы занимал вытершийся красно-зеленый ковер. Сколько бы служанки ни умоляли ее, верховная целительница отказывалась заменить его новым. Если ковер верно служил пяти ее предшественницам, послужит и ей.

Ириана уперлась затылком в мягкую спинку стула, глядя на безоблачное небо за окнами кабинета.

– Думаю, я смогу его исцелить, – сказала она не столько Хазифе, сколько себе самой. – Если он будет мне помогать, я поставлю его на ноги в полном смысле слова.

– А он готов тебе помогать?

– Сегодня и он вел себя не лучшим образом. Возможно, у адарланцев это в характере.

– Когда ты снова к нему пойдешь? – усмехнулась Хазифа.

Ириана мешкала с ответом.

– Но ты ведь пойдешь, правда? – напирала верховная целительница.

Ириана царапала ногтями выпцветшую обивку подлокотников.

– Мне было тяжело. Тяжело смотреть на него. Слушать его речь и... – Ее рука замерла. – Но ты права. Я обязательно постараюсь. Хотя бы ради того, чтобы Адарлан не занес меня в число своих врагов.

– Думаешь, такое возможно?

– У этого адарланца могущественные друзья, которые могут оказаться злопамятными. И спутница, с которой он прибыл в Антику, – новый капитан королевских гвардейцев. Ее отец родом отсюда, а она служит Адарлану.

– И о чем это тебе говорит?

Хазифа учила ее во всем видеть урок, каждое событие воспринимать как испытание.

– О том... – Ириана шумно выдохнула. – О том, что я знаю меньше, чем предполагала. Но я вовсе не намерена прощать любые их злодеяния.

В жизни ей встречалось немало плохих людей. В Иннише она жила среди них, прислуживала им. Но господин Эстфол к таким не относился. Ириана поняла это интуитивно, заглянув в его карие глаза. Да и его угрюмая спутница не была злодейкой.

А учитывая возраст адарланца... Он был еще мальчишкой, когда прежний король творил те зверства. Конечно, потом, поступив на королевскую службу, Шаол мог внести и свою лепту, причем немалую. От этой мысли все внутри Ирианы переворачивалось, однако...

– Когда я осматривала его спину... Он утверждает, что ему нанесли магический удар.

Ириана вспомнила, как отметины на спине адарланца искривила и оттолкнула поток ее магической силы.

– Неужели?

Ириана вспомнила ощущение, и ее передернуло.

– С таким я еще не сталкивалась. Кажется, будто внутри... что-то гнилое и пустое. И холодом оттуда веет, как в самую длинную зимнюю ночь.

– Придется поверить тебе на слово.

Ириана хмыкнула, оценив шутку. Хазифа никогда не видела снега. В Антике было тепло круглый год. Правда, однажды произошло серьезное похолодание, и утром лимонные деревья и кусты лаванды покрылись сверкающей коркой инея.

– Это было...

Прикоснувшись к тому пятну, Ириана испытала еще одно, не менее странное ощущение: эхо. Казалось, что под пятном скрыта громадная полость. Говорить об этом Хазифе она не стала.

– Словом, с такими магическими ранами я никогда не сталкивалась.

– Это повлияет на исцеление его позвоночника?

– Не знаю. Я пока не прощупывала позвоночник магической силой... Я обязательно сообщу.

– Всегда готова тебе помочь.

– Даже если я прохожу свое последнее испытание?

– Хорошая целительница знает, когда нужно попросить о помощи, – улыбнулась Хазифа.

Ириана рассеянно кивала. А когда она поплывет домой, навстречу войне и кровопролитию, к кому она обратится за помощью?

– Когда ты продолжишь? – спросила Хазифа.

– Завтра. Вечером спущусь в библиотеку. Посмотрю, что там есть о повреждениях позвоночника и параличе нижних конечностей.

– Я скажу Поварихе, где тебя искать.

– Ничего-то от тебя не ускользает, – печально улыбнулась Ириана.

Ответный взгляд Хазифы не успокоил ее, а лишь сильнее взбудоражил. Как всегда, верховная целительница знала больше, чем говорила.

Несарина рассчитывала, что дерзкая целительница вернется. Она ждала час-другой. Шаол сидел в гостиной, коротая время за чтением. Поняв бесплодность дальнейших ожиданий, Несарина решила навестить родственников, о чем и сказала Шаолу.

Последний раз она видела своего дядю, его жену и их детей несколько лет назад. Несарина искренне надеялась, что они живут на прежнем месте.

Минувшую ночь она провела почти без сна. Ужасающие новости из Адарлана отбили у нее аппетит и даже прогнали усталость.

Да и приход целительницы не способствовал успокоению.

Никаких встреч с хаганом или его детьми сегодня не намечалось, а потому Несарина вполне могла распорядиться временем по своему усмотрению.

– Ты же знаешь, я умею себя занимать, – сказал Шаол, откладывая книгу. – Если бы мог, пошел бы вместе с тобой.

– Скоро сможешь, – пообещала ему Несарина.

Целительница не дала им ни крупицы надежды, но чувствовалось: она действительно искусна в своем ремесле.

Если же у этой Ирианы ничего не получится, Несарина найдет другую. Третью. Она была готова сама отправиться к верховной целительнице и просить о помощи.

– Навести своих, – сказал Шаол. Его слова звучали как приказ. – Ты ведь не успокоишься, пока не побываешь у них.

Несарина потеряла шею, затем встала с золотистого диванчика и подошла к Шаолу. Его кресло стояло у открытой двери в сад. Несарина наклонилась к нему. Их лица почти соприкасались, чего давно уже не было. Глаза Шаола светились чуть ярче, чем вчера. Наверное, ему стало чуточку лучше.

– Я постараюсь не задерживаться.

– Не торопись. – Он слегка улыбнулся. – Посиди с ними.

Несарина знала: мать и брата Шаол не видел много лет. А отца... Об отце он почему-то вообще не говорил.

– Возможно, мы сумеем ответить на вопрос целительницы, – сказала Несарина.

– На какой? – не сразу понял Шаол.

– О полном удовлетворении, – прошептала она.

Блеск в глазах Шаола погас.

Несарина отпрянула. История повторялась. Шаол остановил ее на корабле, когда она буквально прыгнула на него. А сегодня, увидев его мускулистую спину и такой же мускулистый живот... Несарина была готова умолять целительницу, чтобы та позволила ей провести осмотр.

«Докатилась», – подумала она, хотя никогда не отличалась умением сдерживать всплески страсти. Ее близкие отношения с Шаолом начались летом. Несарина не видела смысла противиться влечению тела. Тогда он интересовал ее лишь в постели. Чувства к Шаолу появились уже потом.

– К обеду вернусь, – тряхнув волосами, сказала Несарина.

Шаол помахал ей рукой и вновь погрузился в чтение.

Они не давали друг другу никаких клятв и обещаний. Выйдя из покоев, Несарина напонила себе об этом. Шаол не настаивал, не давил, оставляя решение за нею. Но когда стеклянный замок обрушился и Несарине подумалось, что Шаол погиб, все прежние страхи показались ей ерундой. Никогда еще Несарина не молилась так горячо, как в те минуты. Уцелев сама, она молила, чтобы магическое пламя Аэлины пощадило Шаола.

Волевым усилием Несарина отогнала мысли о минувших днях. Она шла по коридорам дворца. Путь к воротам она помнила, но смутно.

Все ее прежние желания потеряли смысл после вчерашних слов хагана о нападении на Рафтхол. Она покинула близких, чего ни в коем случае нельзя было делать. Кто защитит ее престарелого отца, взбалмошную сестру, племянников и племянниц?

– Капитан Фелак.

Услышав приятный мужской голос, Несарина остановилась. Для нее все еще было непривычно слышать упоминание ее должности. Она достигла перекрестка (их хватало в дворцовых коридорах). Место показалось ей знакомым. Вроде бы вчера они здесь проходили. Если идти прямо, доберешься до главных ворот. Вчера она по привычке пыталась запоминать все входы и выходы, но потом запуталась.

Ее окликнул принц Сартак. Он шел к перекрестку из другого коридора, перпендикулярного этому.

Вчерашнюю роскошную одежду он сменил на облегающие кожаные доспехи с металлическими накладками на запястьях, коленях и лодыжках. Нагрудника не было. Длинные черные волосы он заплел в косу и стянул тонким кожаным ремешком.

Несарина низко поклонилась. Ниже, чем поклонилась бы остальным детям хагана. Но если слухи верны, этот наследник может стать союзником Адарлана.

Если от Адарлана что-нибудь останется и они сумеют туда вернуться.

– Ты куда-то торопилась? – спросил Сартак. – Как понимаю, за пределы дворца.

– У меня в городе родственники. Собралась их навестить, – ответила Несарина и только из вежливости добавила: – Конечно, если у вашего высочества нет никаких дел ко мне.

Принц лукаво улыбнулся. Несарина сообразила, что отвечала ему на его языке. На *их* языке.

– Я собрался полетать на Кадаре. Это моя рукка, – пояснил он, тоже перейдя на родной язык.

– Знаю. Слышала истории про нее.

– Даже в Адарлане? – удивился Сартак.

Воин и обольститель. Опасное сочетание. Хотя никаких упоминаний о жене Сартака она не слышала. И кольца на его пальце тоже не было.

– Даже в Адарлане, – сказала Несарина, не вдаваясь в подробности.

Жители Рафтхола могли и не знать этих историй, но в ее семье... Сартака называли Крылатым Принцем.

– Тебя проводить? Здешние улицы – настоящий лабиринт. Порою и сам в них плутаю.

Ей делали великодушное предложение. Оказывали честь.

– Не посмею отвлекать вас от полета.

Почему она отказалась? Прежде всего потому, что не умела разговаривать с такими мужчинами, с рождения наделенными властью. Их приучали властвовать. Наверняка Сартак привык находиться среди прекрасных женщин и коварных политиков. Но его руккины происходили из всех слоев здешнего общества. Если верить легендам, там ценилось не происхождение.

– Кадара привыкла ждать, – сказал Сартак. – Я провожу тебя хотя бы до ворот. Там сменился караул. Я им скажу, чтобы запомнили твое лицо и не задерживали, когда будешь возвращаться.

Из-за одежды и волос, наскоро заплетенных в косу, караульные вполне могли ее не впустить. Объясняться с ними, рассказывать, откуда она на самом деле... Она могла попасть в унижительную ситуацию.

– Благодарю, ваше высочество, – ответила она и пошла рядом.

Они молча миновали белые траурные лоскуты, колышущиеся в открытых окнах. Шаол вчера пересказал ей слова Кашана. Принц допускал, что самая младшая из сестер умерла не по своей воле и к ее гибели могут быть причастны лазутчики Перангтона. Неужели и здесь? К тревогам за судьбу близких в Рафтхоле добавилась настороженность. Это заставляло Несарину всматриваться в лицо каждого, кто встречался им по пути к воротам. Каждый темный угол мог таить опасность.

Окна с лоскутами остались позади. Принцу встретились несколько мужчин и женщин в золотистых одеждах. Все низко кланялись Сартаку. Он отвечал легким кивком.

– А визирей действительно тридцать шесть? – полюбопытствовала Несарина.

– Да. Странное это число, – хмыкнул Сартак. Похоже, воин в нем был сильнее принца. – Отец одно время подумывал, не уменьшить ли их число вдвое, но убоился не столько политических последствий, сколько гнева богов.

Слушать слова родного языка и говорить на нем было для Несарины как глоток прохладного осеннего воздуха. Никто не оборачивался и не глазел на нее. Это чувство посещало ее всякий раз, когда она попадала в Антику.

– Господин Эстфол уже встречался с целительницей?

Несарина решила, что ничем не повредит Шаолу, если скажет правду.

– Да. Утром к нему приходила Ириана Торас.

– А-а, знаменитая Золотая Дева.

– Что вы сказали?

– Согласись, она – яркая женщина.

– Смотрю, вы ее обожаете, – сказала Несарина, позволив себе слегка улыбнуться.

– Я бы не посмел, – усмехнулся Сартак. – Моему братцу Кашану это не понравилось бы.

– Так у них отношения?

Хасара недвусмысленно намекала на это.

– Они друзья. Или были друзьями. В последние месяцы они почти не разговаривают. Откуда мне знать, что у них там произошло? Да и я, рассказывая тебе такие вещи, уподобляюсь придворным сплетникам.

– Это не сплетни. Полезно знать о той, кто взялась помогать господину Эстфолу.

– А как она оценила состояние господина Эстфола? Обнадежила?

– Ириана не спешит высказывать свои соображения, – пожала плечами Несарина.

– Так поступают многие целительницы. Они не любят обнадеживать, чтобы потом, в случае чего, не отнимать надежду. – Сартак перекинул косичку через плечо. – Но не далее как минувшей зимой Ириана исцелила одного из конников Кашана после схожего увечья. Падения нередки и у кавалеристов, и у руккинов. У целителей Торры достаточно опыта.

Несарина не позволила себе ухватиться за вспыхнувшую надежду. Они достигли главного двора, по другую сторону которого была стена и ворота.

– Позвольте спросить, принц: и давно вы летаете на своей руке?

– Я думал, ты слышала и эти истории, – пошутил Сартак.

– Только домыслы. Мне хочется услышать правду.

Темные глаза Сартака вперились в нее. Не хотелось бы ей часто оказываться под его пристальным взглядом. Не из страха... уж слишком будоражащим был этот взгляд, целеустремленным. Так смотрят орлы и, наверное, рукки. Не мигая, пронизывая насквозь.

– Мне было двенадцать, когда отец повез нас в горы, где находился отряд руккинов. Улучив момент, я взобрался на командирского рука, взмыл в небеса и потребовал, чтобы остальные меня догоняли. Отец в ответ крикнул: если я свалюсь и разможу себе голову о камни, смерть будет мне расплатой за глупость. Но я не свалился. Тогда в наказание отец оставил меня жить среди руккинов. Быть может, со временем я наберусь ума. Он рассчитывал, что на это у меня уйдет целая жизнь.

Несарина негромко рассмеялась. Они вышли во двор, и она зажмурилась от слепящего солнца. Резные арки и колонны украшали изображение растений и животных. За спиной поднималась громада дворца, напоминающая сказочное морское чудовище.

– Отец думал меня наказать, а сделал мне настоящий подарок. Мне понравилось летать, понравилась жизнь руккинов. Не думай, будто там передо мной пресмыкались, как во дворце. Совсем наоборот! Но я довольно скоро доказал им, что происхождение не мешает мне быть воином. Кадара появилась на свет, когда мне было пятнадцать. Я вырастил ее сам и с тех пор летаю только на ней.

В черных глазах Сартака светилась неподдельная гордость за его руку. Чувствовалось, он нежно любит крылатую подругу.

И тем не менее Несарине и Шаолу придется просить, возможно, умолять его отправиться вместе с этой чудесной Кадарой на страшную войну и сражаться против драконов. Те превосходили руков весом и свирепой силой, не говоря уже о ядовитых шипах на хвосте. Несарину замутило.

Они подошли к высоченным бронзовым воротам. Сейчас была открыта лишь небольшая дверь в левой створке, через которую входили и выходили слуги. Несарина остановилась. Сартак представил ее вооруженным до зубов караульным, приказав им беспрепятственно выпускать и впускать ее. Солнце играло на эфесах тяжелых мечей за спинами караульных. Каждый поклонился Несарине, приложив кулак к сердцу.

Вчера Шаол даже не взглянул на здешнюю стражу: ни в гавани, ни во дворце.

Сартак вывел ее через дверь. Вчера ворота были открыты, и она не заметила внушительной толщины их створок. Принц и Несарина очутились посреди мостовой, вплетавшейся в лабиринт городских улиц. На другой стороне стояли красивые дома, возле которых прохаживались стражники. Здесь жили очень богатые люди, гордящиеся тем, что обитают в тени дворца. Между тем улицу заполняли прохожие всех сословий. Кто торопился по делам, кто неспешно брел куда глаза глядят. Попадались и путники из других мест, поднявшиеся сюда посмотреть на дворец вблизи. Заметив приоткрытую дверь, они вытягивали шеи, пытаясь увидеть уголок двора. Принца никто не узнавал, но Несарина знала: стража у ворот и на улице зорко следила за каждым жестом и словом прохожих.

Несарина мельком взглянула на принца. Конечно же, и он знал о бдительности караульных, хотя толпа вокруг видела в нем обычного человека. После тишины дворцовых коридоров весь этот шум и гам действовали раздражающе. И тише не будет, а до дядиного дома ей идти не меньше часа. Пешком она доберется быстрее, чем верхом, а карета бы вообще ползла еле-еле.

– Ты уверена, что обойдешься без провожатого?

Сартак поглядывал на нее, не торопясь уходить.

– Я вполне дойду сама, но я благодарю вас, принц, за оказанную честь.

Еще один взгляд – теперь в пространство улицы. Воинская привычка оценивать обстановку. И никакого страха перед толпой.

– Если у тебя будет время и желание, очень советую полетать на рукке. В небесах – простор. А как легко дышится! Не то что здешняя пыль.

Простор и никаких посторонних ушей, способных подслушать их разговор.

– Я бы с удовольствием, – ответила Несарина и снова поклонилась.

Она чувствовала: принц продолжает смотреть ей вслед. Несарина шла по залитой солнцем улице, лавируя между прохожими и огибая повозки с ворчливыми кучерами. Обернуться она не решалась. Почему – и сама не знала.

7

Несарина ушла более часа назад. Что ж, теперь можно звать Каджу. Шаол отложил книгу и крикнул служанку. Она ждала в коридоре, напротив двери покоев, и сразу же проскользнула внутрь. Шаол слышал ее быстрые легкие шаги. Войдя, Каджа замерла, опустив глаза и ожидая приказаний.

– Хочу попросить тебя об одном одолжении.

Он говорил медленно, тщательно выговаривая каждое слово и мысленно ругая себя за упущенную возможность. Когда Дорин изучал халхийский язык, Шаол не стал заниматься вместе с принцем. Тогда язык далекого континента казался ему совершенно ненужным.

Каджа ответила легким кивком.

– Сходи в гавань. Узнай, не появились ли новые сведения о нападении на Рафтхол.

Служанка вчера была в тронном зале и, конечно же, слышала об атаке на адарланскую столицу. Поначалу Шаол хотел попросить об этом Несарину, поскольку она все равно собиралась в город. Но если вести тяжелые и печальные... Он представил, как потом она будет возвращаться, в одиночку неся этот страшный груз.

– Ты справишься с моим поручением?

Каджа подняла глаза, но не голову.

– Да, – только и ответила она.

Вряд ли Каджа пойдет с донесением к детям хагана или кому-то из визирей. И потом, его интересовали сведения о родной стране. Его положению это никак не повредит. А если тревогу о судьбе родины во дворце сочтут проявлением слабости или глупости, плевать ему на их мнения.

– Вот и прекрасно, – сказал Шаол. Он развернул кресло, стараясь не хмуриться из-за скрипа колес и собственной беспомощности. – А перед уходом выполни другую мою просьбу.

Если Несарина отправилась навестить родных, это не означало, что Шаол должен бездельничать. Найдутся дела, которыми можно заняться даже в его состоянии. Так он думал, пока Каджа не прикатала его кресло в покои Аргуна. Оказавшись там, он задумался о разумности своего поступка. Не стоило ли дожидаться возвращения Несарины?

Приемная старшего сына хагана была такого же размера, как все комнаты их покоев сразу. Дальний конец этого протяженного овального зала выходил во внутренний двор, где

журчал фонтан и несли караул два белых павлина. Птицы важно прохаживались взад-вперед. Их белые перья слегка шуршали по плитам двора, а маленькие короны на головах вздрагивали при каждом шаге.

– Чудесные создания, правда?

Двойные двери слева бесшумно распахнулись. Узколицый принц с холодными глазами смотрел на птиц, а не на гостя, без приглашения явившегося в его покои.

– Потрясающие, – согласился Шаол.

Его бесила необходимость наклонять голову, чтобы видеть глаза собеседника. Стой он сейчас в полный рост, оказался бы на целых пол-локтя выше Аргуна. Порою это давало свои преимущества. Стой он сейчас на ногах, преимуществ было бы больше.

Шаол прогнал досадные мысли.

– Моя любимая пара, – пояснил Аргун. Он бегло говорил на адарланском. – Мой загородный дом полон их потомства.

Шаол подыскивал ответ. Дорин или Аэлина быстро бы нашли нужные слова. Ему же лезла в голову разная чепуха: пустые, неискренние фразы.

– Не сомневаюсь, что это редкое зрелище, – только и мог сказать он.

Губы Аргуна изогнулись в улыбке.

– Конечно, если не обращать внимания на их пронзительные крики, когда начинается пора ухаживания.

Шаол стиснул зубы. Его соотечественники умирали в Рафтхале; возможно, там вообще не осталось живых, а он вынужден поддерживать дурацкие разговоры о брачных воплях павлинов. Неужели за этим он отправился к Аргуну?

Он не знал, поддерживать ли эту пустую болтовню или все же перейти к делу. Аргун сам пришел ему на помощь:

– Сдается мне, ты явился сюда спросить, что еще я знаю о твоём городе.

Холодный взгляд принца переместился на Шаола. Шаол выдержал этот взгляд. Такие поединки он мог вести и в кресле. У него имелся достаточный опыт общения с дерзкими гвардейцами и спесивыми придворными.

– Вы снабжаете сведениями своего отца. Я хочу знать: кто сообщил вам подробности нападения на Рафтхол? – спросил Шаол, интуитивно чувствуя, что Аргуну тыкать нельзя.

В темно-карих глазах Аргуна вспыхнуло изумление.

– А ты прямолинеен и напорист, господин Эстфол.

– Моя родина истекает кровью. Гибнут ни в чем не повинные люди. Естественно, что я стремлюсь узнать как можно больше.

– Ну что ж. – Аргун ногтем скосил соринку, приставшую к золотой вышивке на его изумрудном балахоне. – Честности ради я не скажу тебе ничего.

Шаол удивленно моргнул.

– В этом дворце, господин Эстфол, – Аргун указал на внешние двери, – слишком много пристально следящих глаз. Увидев меня говорящим с тобой, они поспешат сообщить о нашей встрече. Как это отзовется на мне, я не знаю. Даже если мы будем говорить исключительно о павлинах, об этом все равно донесут. Я признателен тебе за визит, однако прошу покинуть мои покои.

Слуги возле дверей шагнули вперед – вероятно, чтобы увести Шаола отсюда.

Видя, как один протянул руки к спинке кресла, Шаол оскалил зубы:

– Не смей.

Слуга замер. Возможно, он и не знал адарланского, однако гримаса на лице Шаола была весьма красноречивой.

– Вы всерьез хотите играть в эту игру? – спросил Шаол, оборачиваясь к принцу.

– Это не игра, – ответил Аргун, возвращаясь в кабинет, откуда ранее вышел. – Сведения точны. Мои шпионы не выдумывают истории от нечего делать. Всего хорошего, господин Эстфол.

Двойные двери, украшенные изысканной резьбой, плотно закрылись.

Шаолу хотелось подъехать к этим дверям и колотить по ним, пока Аргун не заговорит. А еще лучше – двинуть кулаком прямо по его самодовольной физиономии. Но двое слуг следили за каждым его жестом. И ждали.

Шаол пересмотрел достаточно придворных и научился распознавать ложь, даже если этот опыт так сильно его подвел в последние месяцы. С Аэлиной. С другими. Со... всем.

Но Аргун не лгал. От кого бы принц ни добыл эти сведения, они были точны.

Рафтхол опустошен нападением ведьм. Дорин исчез. Судьба жителей столицы и королевства неизвестна.

Он больше не противился, когда слуга подошел и развернул его кресло, чтобы отвезти назад. И эта покорность почему-то злила Шаола даже сильнее, чем разговор с Аргуном.

Несарина не вернулась к обеду.

Нельзя, чтобы хаган, его дети и тридцать шесть визирей с хищными глазами заметили хотя бы тень беспокойства на лице Шаола. А тревога в его душе с каждой минутой усиливалась. Несарина отсутствовала уже несколько часов, не подавая о себе вестей.

За час до обеда вернулась Каджа. Она держалась с подчеркнутым спокойствием. Лицо служанки сказала Шаолу все. Она не сумела узнать ничего нового о нападении на Рафтхол. Каджа лишь подтвердила то, о чем говорил Аргун. Торговцы и капитаны кораблей не называли источники сведений, ограничиваясь фразами: «Слышали от надежных людей». Кто-то из таких людей проплывал мимо Рафтхола, а кто-то едва сумел унести оттуда ноги. Нападение подтверждали все. О числе погибших и состоянии города – ни слова. Говорили о полном прекращении торговли с Рафтхолом и землями к северу от адарланской столицы. О судьбе Дорина – вообще молчок.

Конечно, это добавило Шаолу тягостных мыслей, но высказывать их он не имел права. Каджа взялась одевать его к обеду. Мысли о Рафтхолое опять сменились тревогой за Несарину. Шаол ждал до последнего, а потом велел Кадже везти его в трапезный зал хагана. По пути он тешил себя еще одной надеждой: быть может, Несарина вернулась и, не заходя в их покои, отправилась прямо на обед. Надежда рухнула, едва служанка вкатил его кресло в трапезный зал. Несарины здесь не было. Теперь Шаолу стоило изрядных усилий сохранять внешнее спокойствие.

С Несариной могло случиться что угодно. Именно так, особенно если подозрения Кашана о причинах смерти Тумелуны верны. Если посланцы Мората уже проникли в Антику, довольно скоро они узнают о приезде Шаола и Несарины и начнут охоту за ними.

Думать об этом ему нужно было днем, до ее ухода. Оттеснить свои заботы и подумать, чем Несарине может грозить этот поход к родственникам. Но если отправить солдат на поиски, потенциальные враги сразу узнают его уязвимые места, а потом ударят.

Шаол с усилием заставлял себя глотать пищу и с еще большим усилием поддерживал разговор с соседями по столу. Справа от него сидела беременная Дува и беззаботно щебетала, расспрашивая о предпочтениях адарланцев по части музыки и танцев. Аргун, сидевший слева, делал вид, будто их встречи не было, и донимал Шаола расспросами о торговых путях – старых и предлагаемых новым королем. Шаол отвечал уклончиво. Принц улыбался, словно понимал, что адарланскому гостю не до того.

Несарина не появлялась.

Зато на обед пришла Ириана.

Она подошла где-то в середине трапезы. Платье цвета аметиста было чуть изящнее голубого, но такого же незатейливого покроя. Оно прекрасно оттеняло блеск ее золотисто-коричневой кожи. Хасара и возлюбленная принцессы поднялись, шумно приветствуя целительницу. Они пожимали Ириане руки, целовали в щеки. Потом принцесса довольно грубо прогнала визира, сидевшего слева, и усадила на его место Ириану.

Ириана поклонилась хагану. Тот мельком взглянул на нее и махнул рукой. Следующий поклон предназначался наследникам. Аргун вообще не обратил на нее внимания. Дува засияла от радости, а ее муж приветствовал целительницу сдержанной улыбкой. Только Сартак наградил Ириану легким кивком. Кашан улыбнулся одними губами.

Однако взгляд Кашана потом сопровождал Ириану, пока та усаживалась рядом с Хасарой. Шаол вспомнил, как утром принцесса поддразнивала целительницу.

Но Ириана не удостоила принца улыбкой. Лишь сдержанно кивнула и села на отвоеванный Хасарой стул. Принцесса и Рения тут же втянули ее в разговор. Возлюбленная принцессы наполнила тарелку Ирианы сочными кусками мяса, сокрушаясь по поводу усталости, бледности и худобы целительницы. Ириана смущенно улыбалась и благодарно кивала. Туда, где сидели Кашан и Шаол, она старалась не смотреть.

– Господин Эстфол, я слышал, твоим лечением назначили заниматься Ириану, – по-адарлански произнес голос справа.

Шаола ничуть не удивило, что Кашан подался вперед и чуть ли не перегнулся через стол. И слабо замаскированное предупреждение, сквозящее во взгляде принца, его тоже не удивило. «Здесь занято». Такое Шаол видел достаточно часто.

Мнение самой Ирианы не имело для Кашана никакого значения.

Однако ее подчеркнутое равнодушие к знакам внимания принца говорило о независимости характера. Вот только почему она так поступает? Из всех сыновей хагана Кашан был самым привлекательным. Помнится, в замке женщины лезли из кожи вон, добиваясь внимания Дорина. И самодовольный взгляд, брошенный принцем на Шаола, он часто видел у Дорина на лице.

Давно это было. Можно сказать, в другой жизни. До появления Аэлины, каменного ошейника и всего остального.

Караульные, расставленные по всему залу, вдруг показались Шаолу очень высокими. Словно столбы пламени, они притягивали его взгляд. Шаол и здесь удержался, не посмотрев даже на ближайшего, локтях в двадцати. Уж слишком это напоминало другой зал и другого короля, за чьей спиной ему не раз приходилось стоять.

– Да, назначили, – запоздало произнес Шаол.

– Ириана – самая искусная наша целительница, не считая верховной, – продолжал Кашан, поглядывая на нее.

Ириана, конечно же, слышала его слова, однако всем видом своим показывала, что поглощена разговором с Ренией.

– Так мне говорили, – ответил Шаол, мысленно прибавив: «И еще самая острая на язык».

– Когда в Торре проверяют, чему научились целительницы, поблажек не делают никому. Ириана получила самые высокие оценки, – продолжал петь дифирамбы Кашан.

Ириана и ухом не повела, и на лице принца мелькнула досада. Чувствовалось, его самозлюбие уязвлено.

– Столько усилий, и все напрасно, – пробормотал Аргун.

Слова были обращены к Сартаку, но их слышали Дува, ее муж и Шаол. Аргуну пришлось еще и нагнуться, помешав Дуве донести очередной кусок до рта. За это сестра хлопнула его по руке.

Кашан либо не слышал язвительных слов старшего брата, либо не подал вида. Сартак, надо отдать ему должное, тоже не обратил на них внимания, разговаривая со своим соседом-визирем в золотистой одежде.

– Столь высокие оценки тем более впечатляют, что обучение Ирианы длилось немногим более двух лет, – продолжал Кашан.

Еще одна полезная крупница сведений. Значит, Ириана появилась здесь два с небольшим года назад.

Шаол вдруг заметил, что Ириана наблюдает за ним из-под опущенных ресниц. Она... его предупреждала: ни в коем случае не втягивать ее в этот разговор.

А так ли уж бескорыстно ее предупреждение? Может, берет реванш за его утренние колкости? Или...

Она взялась ему помочь. Или, по крайней мере, раздумывала, как это сделать. Глупо отталкивать ее от себя.

– Я слышал, в Антике ты бываешь наездами, а основное время проводишь в Бальруне, командуя наземными войсками.

– Совершенно верно, – горделиво выпрямился Кашан. – Там я провожу большую часть года. Слежу за обучением наших солдат. И постоянно езжу в степи. К конникам, откуда произошел наш род.

– Хвала богам, – пробормотала Хасара.

Сартак недовольно посмотрел на сестру. Хасара лишь выпучила глаза и что-то шепнула Рении на ухо. Та засмеялась мелодичным серебристым смехом.

Ириана продолжала наблюдать за Шаолом. На ее лице ясно читалось раздражение, словно само присутствие Шаола портило ей обед. Кашан пустился рассказывать, из чего состоит его жизнь в Бальруне и насколько легче ему дышится в степях, среди лошадей и ветра.

Воспользовавшись паузой – Кашану понадобилось промочить горло, – Шаол наградил Ириану таким же недовольным взглядом, а потом стал расспрашивать принца о его военной жизни. Кашан ненароком мог выдать ценные сведения об их армии.

Аргун тоже это понял и оборвал брата на полуслове. Кашан увлеченно рассказывал о кузницах, построенных где-то на севере континента.

– Брат, давай хотя бы за столом не говорить о делах.

И Кашан, дисциплинированный солдат, послушно закрыл рот.

Неожиданно для себя и довольно быстро Шаол понял: Кашан не входит в число претендентов на трон. Иначе он бы не стал подчиняться приказу брата, словно рядовой. Но честности у принца не отнимешь. Шаол подумал, что скорее предпочел бы видеть хаганом его, нежели язвительного, замкнутого Аргуна или хищную Хасару.

Может, потому Ириана так стремилась держаться от Кашана подальше? В какой-то мере да, однако единственной причиной это быть не может. Впрочем, какое Шаолу до всего до этого дело? Его должно занимать собственное здоровье, а не симпатии целительницы. Ну вот, опять смотрит на него, поджав губы. Чем же я тебе не угодил, госпожа целительница?

Шаолу вдруг захотелось спросить ее напрямую: означает ли такое поведение отказ Ирианы заниматься его увечьем? Но если Кашан к ней равнодушен, такой выплеск повредит не только целительнице. Как бы то ни было, Шаол здесь в гостях.

За спиной послышались шаги. Шаол обернулся. Муж одной женщины-визиря подошел к жене, шепнул что-то на ухо и тут же исчез.

Несарина не возвращалась.

Слуги уносили грязные тарелки. Очередная перемена блюд. Судя по вчерашнему обеду, такие пиршества могут затягиваться до ночи. До подачи десерта было еще далеко.

Шаол снова взглянул на двери, старательно избегая смотреть на караульных. Ну где, где сейчас она?

Повернувшись к столу, Шаол обнаружил, что Ириана наблюдает за ним. В ее золотистых глазах по-прежнему читалась настороженность и недовольство, однако он уловил предостережение.

Целительница знала, кого он ищет и чье отсутствие не дает ему покоя.

Ириана едва заметно покачала головой. «Не раскрывайся перед ними, – пыталась сказать она. – Не проси искать твою подругу».

Он и сам это понимал и тем не менее, сухо кивнув Ириане, продолжал смотреть в сторону дверей.

Кашан не оставлял попыток вовлечь Ириану в разговор, но получал вежливые односложные ответы.

Возможно, утренняя неприязнь целительницы к Шаолу объяснялась всего-навсего особенностью ее характера, а не ненавистью к адарланским захватчикам. Или же она вообще ненавидела мужчин. Достаточно вспомнить тот косой тонкий шрам на ее шее.

Шаол сумел продержаться до подачи десерта. Потом, сославшись на усталость, попросил разрешения вернуться к себе. Каджа уже находилась в зале – стояла вместе с другими слугами возле колонн. Она молча развернула кресло и покатила к выходу. Шаол скрипел зубами, слушая ненавистный грохот колес.

Ириана не попрощалась с ним и ничего не сказала о завтрашнем дне. Даже не взглянула в его сторону.

Спальня Несарины была пуста. От тревоги Шаола уже мутило. Если обратиться за помощью в поисках... Нет. Слишком многое тогда обнажится: его страх, их близкие отношения. И нельзя забывать о потенциальных врагах, которым такие сведения будут только на руку...

И потому Шаол ждал. Он слушал журчание садового фонтана, трели соловья на ветке фигового дерева. В гостиной равнодушно тикали часы.

Одиннадцать часов. Полночь. Шаол велел Кадже отправляться спать, сказав, что сам разденется и ляжет. Служанка никуда не пошла, а села на пол в углу коридорчика и тоже стала ждать.

Около часа ночи дверь в покои открылась. Вошла Несарина. Шаол знал звук ее шагов. Увидев, что в гостиной горят свечи, она проследовала туда.

На ней не было ни царапинки. Шаол сразу заметил покрасневшие щеки. Глаза Несарины ярко блестели – теперь у нее был совсем не тот взгляд, что утром, такой потухший.

– Извини, я пропустила обед, – только и сказала она.

– А ты хоть представляешь, как я переволновался? – прорычал Шаол.

Она остановилась, дерзко качнув волосами:

– Я не знала, что должна извещать о каждом своем шаге. Помнится, ты даже приказывал мне отправиться в гости к родственникам.

– Ты ушла в чужой город и не вернулась к назначенному времени.

– Это не чужой город. Во всяком случае, для меня.

Шаол остервенело хлопнул ладонью по подлокотнику кресла:

– Три недели назад здесь убили младшую дочь хагана. Принцессу. Во дворце ее отца – самом охраняемом месте их могущественной империи.

– Еще неизвестно, было ли это убийством, – возразила Несарина. – Так считает только Кашан.

Шаол понимал бессмысленность их спора. Он вдруг вспомнил, что тревожные мысли о Несарине напрочь помешали ему наблюдать за собравшимися на обеде. А вдруг где-то рядом находились лазутчики Мората, управляемые валгами?

– Я ведь даже не мог попросить, чтобы тебя искали, – почти прошептал Шаол. – Я не смел им сообщить о твоём исчезновении.

Несарина моргала. Шаол знал это ее состояние – признак того, что она начинает понимать допущенные ошибки.

– Если хочешь знать, все прошло прекрасно. Родственники были безумно рады меня видеть. Вчера они получили короткое письмо от моего отца. Он писал, что вся наша семья уехала из Рафтхола... Теперь они могут быть где угодно, – вздохнула Несарина, расстегивая блузу.

– Рад слышать, – процедил сквозь зубы Шаол.

Не далее как завтра ее прежние страхи сменятся новыми и точно так же будут вгрызаться в разум и сердце. На момент написания письма ее близкие были живы, только и всего. А дальше...

– Мы приехали сюда с определенной целью и действуем не каждый порознь, – сказал он, стараясь говорить как можно спокойнее. – Я должен знать, где ты находишься. И о перемене твоих планов тоже.

– Я же не болталась по улицам. Я была в доме родного дяди. Меня угостили обедом. Я забыла о времени. Они вообще просили меня остаться ночевать.

– Это не освобождает тебя от необходимости сообщить о себе. Особенно после всех ужасов, через которые мы прошли.

– Мне нечего бояться в Антике. Здесь родина моего отца.

Сказано было с достаточной долей желчи. Получается, в Рафтхоле она боялась постоянно.

Да, у Несарины были основания ненавидеть Рафтхол. Но того Рафтхола больше нет.

– А разве не за это мы сражаемся? – спросил Шаол. – За жизнь, похожую на здешнюю?

– Да, – тихо ответила Несарина.

«Опять захлопнулась», – подумал Шаол.

Она сняла блузу, перекинув через плечо:

– Пойду спать. Пока.

Несарина не стала ждать его пожеланий спокойной ночи и ушла к себе. Еще какое-то время Шаол сидел в гостиной, надеясь, что она все-таки выйдет. Потом позвал зевающую Каджу. Служанка повезла его в спальню, переодела, помогла улечься, после чего задула свечи и неслышно выскользнула. Шаол и сейчас еще ждал, что дверь откроется.

Но Несарина не появлялась. Пойти к ней он тоже не мог. Придется вытаскивать бедную Каджу, которая и так спала вполглаза.

Засыпая, он все еще ждал.

8

На следующее утро Ириана решила прийти вовремя. Она не стала уведомлять о своем приходе, считая, что господин Эстфол и новый капитан королевской гвардии будут ждать ее к десяти. Впрочем, судя по сердитым взглядам, какие Шаол вчера бросал на нее в обеденном зале, его грызли сомнения, придет ли она вообще.

Пусть думает что угодно.

А может, прийти в одиннадцать? Тем более что обедом вчера дело не ограничилось. Хасара и Рения захотели «выпить по-настоящему» и потащили ее с собой. Правильнее сказать, пили только они. Ириана лишь поддерживала компанию, пригубляя из своего бокала. К себе в Торру она вернулась почти в два часа ночи. Хасара великодушно предлагала ей переночевать во дворце. Нет уж. Достаточно, что в Розовом саду (так называлась эта часть Антики), в приятном тихом заведении, они едва не столкнулись с Кашаном. А во дворце вероятность такого столкновения была намного выше. Рисковать Ириане не хотелось.

Конечно, со временем дети хагана покинут дворец и вернуться к своим обязанностям, но вряд ли это случится в ближайшие дни. Смерть Тумелуны задержала их дольше обычного. Хасара вообще отказывалась говорить об этом, словно у нее никогда не было младшей сестры. Ириана плохо знала юную принцессу. Большую часть времени Тумелуна проводила с Кашаном в дарганцких степях и тамошних укрепленных городах. Когда Дува и ее муж обнаружили бездыханную Тумелуну и Хазифа, внимательно осмотрев тело, подтвердила, что принцесса действительно прыгнула с балкона, Ириане захотелось разыскать Кашана. Выразить соболезнования и просто узнать, как он справляется с потерей.

Ириана успела изучить характер принца. Внешне Кашан оставался таким же невозмутимым. Как и прежде, мир видел дисциплинированного солдата, безоговорочно выполняющего каждый приказ отца. Бесстрашного командира наземных войск хагана. Но под улыбкой скрывались бурные воды горя и скорби. Кашан наверняка изводил себя мыслями о том, как можно было бы предотвратить эту беду.

Отношения между Ирианой и принцем испортились вконец, однако Кашан и сейчас для нее что-то значил. И все же Ириана не делала шагов ему навстречу. Не хотела открывать дверь, которую месяцами пыталась закрыть.

Она ненавидела себя за это и хотя бы раз в день вспоминала о Кашане. Особенно после появления в городе и во дворце белых траурных полос. На вчерашнем обеде ей было невыразимо стыдно за подчеркнутое безразличие к Кашану. Его хвалебные слова вызвали у нее душевную боль – ведь принц до сих пор говорил о ней с гордостью.

Дура. Эреция не раз клеймила ее этим словом. Как-то, когда они работали вдвоем над тяжелым больным и скрашивали долгие часы разговорами, Ириана рассказала ей про случившееся прошлой зимой. Ириана не пыталась возражать, но у нее были иные жизненные замыслы. Мечты, от которых она не могла и не хотела отказываться. Нужно просто набраться терпения. Когда Кашан и остальные дети хагана вернуться к своим обязанностям, она вздохнет с облегчением.

Только бы не пришлось слишком долго возиться с этим господином Эстфолом. Он жаждет поскорее вернуться в его проклятый Адарлан и слишком сильно уповает на ее помощь.

Чувствуя, что хмурится, Ириана придала лицу бесстрастное выражение и постучала в дверь покоев Шаола. Миловидная служанка мигом открыла, словно дожидалась ее прихода.

При обилии дворцовой прислуги Ириана лишь немногих знала по именам. Эту она уже видела и мысленно отметила ее красоту. Кивнув служанке, Ириана вошла.

Слугам платили высокое жалованье. С ними хорошо обращались. Неудивительно, что служить во дворце было мечтою очень и очень многих, порождая ожесточенное соперничество. К тому же на освободившиеся места слуги старались устроить своих детей и ближайших родственников. Хаган и придворные относились к слугам как к полноценным личностям, имеющим права и защищенным законами.

Такое было просто невыносимо в Адарланской империи, где столько людей жили и умирали в кандалах. Особенно в каторжных поселениях Калакуллы и Эндовьера, где узники забывали о солнце и свежем воздухе и уже не надеялись когда-либо снова увидеть родных.

Сведения о массовых бойнях, происходивших минувшей весной, достигли и Южного континента. Восстания каторжников были жестоко подавлены. Едва Ириана вспомнила об этом, маска бесстрастия разлетелась в клочья. Но она уже переступила порог роскошно убранной гостиной. Какие бы дела ни связывали хагана с адарланцами, его гостеприимство проявлялось щедро.

Господин Эстфол и его спутница сидели на тех же местах, что и вчера. Вид у обоих был хмурый. Они даже не смотрели друг на друга. Что ж, по крайней мере, сегодня они не пытались играть в любезность.

Шаол уже смерил взглядом Ириану и, конечно же, отметил, что она пришла в том же платье и тех же туфлях.

Гардероб Ирианы состоял из четырех платьев, и аметистовое, надетое вчера для обеда, было самым лучшим. Хасара постоянно обещала добавить к ним что-нибудь поизысканнее, но на следующий день забывала. Да Ириана и не жаждала новых нарядов. Такие подарки обязывали бы чаще появляться во дворце и... Порою, ночами, она остро чувствовала свое одиночество и спрашивала себя: ну почему она ведет себя как упрямая дура? Почему отталкивает Кашана? Сотни и тысячи ее сверстниц по всему миру пошли бы на что угодно, только бы добиться приглашения во дворец. Но она не собиралась задерживаться в Антике. Незачем усложнять себе жизнь.

– Доброе утро, – поздоровалась с нею Несарина Фелак.

Сегодня она выглядела спокойнее и сосредоточеннее. Вот только это непонятное напряжение между нею и господином Эстфолом.

Пусть сами разбираются. Главное, чтобы их ссоры не мешали лечению.

– Я говорила с верховной целительницей.

Вранье, хотя сам разговор с Хазифой действительно был.

– И что? – спросила Несарина.

Адарланец молчал. Под карими глазами темнели круги. Ириане показалось, что и лицо у него бледнее, чем вчера. Если его и удивило ее возвращение, внешне это никак не выражалось.

Ириана откинула волосы, закрепила их деревянным гребешком. Так ей удобнее было работать.

– Могу сказать, господин Эстфол: я постараюсь вернуть тебе способность ходить.

Глаза Шаола не вспыхнули внезапной радостью. В них даже ничего не мелькнуло. Несарина судорожно выдохнула и откинулась на мягкие подушки золотистого диванчика.

– Какова вероятность успеха? – спросила она.

– Мне доводилось врачевать поврежденный позвоночник. Правда, то был всадник, неудачно упавший с лошади. А у господина Эстфола – последствия раны, да еще с применением магии. Я сделаю все, что в моих силах, однако никаких гарантий давать не буду.

Шаол встретил эти слова молча, сдвинувшись к правому краю кресла. Только и всего.

«Скажи хоть что-нибудь», – мысленно потребовала Ириана, встретившись с его холодным усталым взглядом.

Его глаза опустились к ее шее, к шраму. В прошлом году Эреция предлагала убрать этот шрам, но Ириана отказалась.

– И ты будешь трудиться над ним ежедневно, по несколько часов?

Несарина спрашивала спокойно, даже буднично, однако... Чувствовалось, новый капитан не привыкла находиться в клетке. Даже в золоченой, вроде этой гостиной.

– Да, капитан, – ответила Ириана, обернувшись через плечо. – Поэтому, если у тебя есть какие-то дела и задания, лучше займись ими. Если понадобится, я сообщу.

– Тебе же придется перемещать Шаола. Переворачивать то на спину, то на живот. Разве моя помощь не нужна?

Глаза адарланца вдруг вспыхнули.

Ириана была бы не прочь скормить и его, и Несарину руккам, однако от нее не укрылась и вспышка ненависти в душе Шаола, и его ненависть к себе.

– Я привыкла переворачивать и двигать пациентов, но уверена, что господин Шаол и сам способен перемещаться. Вчера он это доказал.

Настороженная благодарность – так расценила Ириана выражение его лица.

– И не надо задавать вопросы вместо меня, – бросил он Несарине. – Язык, хвала богам, у меня не отнялся.

Чувствовалось, Несарина сообразила, что зашла слишком далеко, хотя слова Шаола ее задели. Она лишь кивнула, закусив губу, затем почти шепотом сообщила:

– Вчера я получила несколько приглашений. Неловко обижать людей.

Судя по глазам, адарланец понял, о чем речь.

«В сообразительности этой Несарине не откажешь, – подумала Ириана. – Незачем открыто сообщать о своих делах».

– Только в этот раз дай знать, – хмуро кивнув, сказал Шаол.

Ириана вспомнила его вчерашнее беспокойство за обедом. Своим отсутствием капитан испортила ему весь вечер. Этот человек не привык выпускать подопечных из поля зрения. Особенно теперь, когда сам не мог отправиться их искать. Ириана это запомнила.

Сухо простившись, Несарина ушла.

– Твоя спутница поступает мудро, не говоря о своих замыслах, – сказала Ириана, услышав звук хлопнувшей двери.

– Почему?

Первое слово, обращенное лично к ней.

– У стен есть уши и рты. – Ириана кивнула в сторону открытой двери гостиной. – А дети хагана и визири приплачивают слугам за сведения.

– Я думал, слугам достаточно жалованья, которое они получают от хагана.

– Да, он не скупится, – согласилась Ириана, нагибаясь за мешком, который оставила у входа. – Но его дети и визири покупают верность слуг иными способами. За сведения платят разными поблажками, жизненными удобствами, положением. На твоём месте я была бы осторожна со служанкой, которую к тебе приставили.

Какой бы кроткой ни казалась эта девица с вечно потупленными глазами, Ириана знала: яд маленьких змеек порою бывает самым опасным.

– А ты знаешь, кто... их хозяева?

Слово «хозяева» он произнес как ругательство.

– Нет, – только и ответила Ириана.

Она достала из мешка две одинаковые склянки с янтарной жидкостью, кусочек белого мела и несколько тряпок. Шаол следил за каждым ее движением.

– А у тебя в Адарлане есть рабы? – спросила Ириана, намеренно имитируя праздное любопытство.

Обычный разговор, пока она готовит все необходимое.

– Нет, и никогда не было.

– Ни одного? – задала она новый вопрос, доставая тетрадь в черном кожаном переплете.

– Я считаю, что людям за работу надо платить, как это делают здесь. А еще я верю в прирожденное право каждого человека быть свободным.

– Удивляюсь, что прежний король не казнил тебя за такие воззрения.

– Я держал их при себе.

– Мудрое поведение. Лучше молчать, спасая свою шкуру, чем сказать хоть слово в защиту тысяч порабощенных.

Шаол сжался:

– Каторжные поселения уничтожены. Работоторговля запрещена. Это были первые постановления моего короля. Я находился рядом с ним, когда он их составлял.

– Новые постановления для новой эпохи?

Слова Ирианы были острее ножей, которые она принесла для удаления куска гниющей кожи.

– Дорин Хавильяр совсем не похож на своего отца, – сказал Шаол, не дрогнув под взглядом целительницы. – Все эти годы я служил ему.

– Служил ему, командуя королевскими гвардейцами и выполняя приказы его отца. Меня удивляет, что дети хагана не пристают к тебе с расспросами. Уж им-то было бы интересно знать, как тебе удавалось так хорошо играть обе роли.

Шаол впился в подлокотники кресла.

– В прошлом я принимал решения, о которых теперь сожалею, – нехотя признался он. – Но я не могу увязать в сожалениях. Я могу лишь двигаться дальше и пытаться исправить их последствия. Сражаться за то, чтобы они не повторились снова. Только вот никакие сражения невозможны, пока я прикован к этому креслу, – добавил он, выразительно посмотрев на принесенное Ирианой.

– Можно сражаться и в кресле, – язвительно, но с полной убежденностью возразила она.

Шаол не ответил. Что ж, если он не хочет об этом говорить, она тоже промолчит.

– Перебирайся вот на тот диван. Сними рубашку и ложись на живот.

– А почему не на кровать?

– Вчера с нами была капитан Фелак. Без нее я в твою спальню не войду.

– Она не моя... – Шаол не договорил. – Это ничему не повредит.

– Вчера, надеюсь, ты видел, как это может повредить мне.

– С...

– Да, – поспешно ответила Ириана, резко кивнув в сторону двери. – Диван тоже годится.

Она помнила, как вчера посмотрел на Шаола Кашан. Ей тогда захотелось соскользнуть со стула и спрятаться под столом.

– И тебя не интересует развитие событий в этом направлении? – спросил Шаол, поневоле переходя на язык иносказаний.

– Я не стремлюсь к такой жизни.

Слишком велик риск. Выйди она за Кашана и вздумай он предъявлять права на трон, казнят их обоих и всех детей, которые у них успеют появиться. В лучшем случае, если новый хаган произведет достаточно собственных детей для продолжения рода, Хазифа просто сделает ее бесплодной.

В ту ночь, в степном шатре, Кашан лихо отметал все ее опасения. Он говорил, что все эти непреодолимые преграды Ириана придумала.

Но Шаол кивнул. Вероятно, он хорошо понимал цену брака с принцем, который еще не избран наследником. А Кашана вряд ли выберут. Он – не соперник Сартаку, Аргуну и Хасаре.

– И вообще, тебя это не касается, – добавила Ириана, предупреждая дальнейшие расспросы.

Он медленно оглядел ее с ног до головы. Не так, как смотрели на нее мужчины и тот же Кашан. Казалось, он оценивает вероятного противника.

Ириана скрестила руки, распределив вес тела на обе ноги. Так учили ее и так она теперь учила других. Уверенная оборонительная поза. Готовность отразить атаку.

Даже атаку адарланских господ. Кажется, Шаол заметил ее позу и стиснул зубы.

– Рубашку сними, – повторила Ириана.

Сверкнув глазами на целительницу, он через голову стянул рубашку и аккуратно положил на изогнутый подлокотник дивана, где уже лежал его камзол. Затем быстрыми рывками снял сапоги и носки.

– Штаны тоже, – сказала Ириана. – Останешься в нижнем белье.

Руки Шаола добрались до ремня и замерли.

Сидя в кресле, он не мог снять штаны без посторонней помощи.

На лице Ирианы не появилось даже капли сострадания.

– Забирайся на диван. Я сама тебя раздену.

Шаол снова замер. Ириана поменяла позу, уперла руки в бока.

– Как бы мне ни хотелось, чтобы сегодня ты был у меня единственным пациентом, но мне нужно навестить еще нескольких, – соврала она. – Не тани время. Ложись на диван.

У Шаола на подбородке задержалась жилка. Упершись одной рукой в диван, а другой – в край сиденья, он поднялся. Сила одного этого движения вызвала неподдельное восхищение. С какой легкостью мышцы рук, спины и груди подняли его туловище в воздух и перебросили на диван. Казалось, этими трюками он занимался всю жизнь.

– Ты продолжал упражняться с тех пор... когда ты получил увечье?

– Это случилось в середине лета.

Его голос звучал глухо и опустошенно. Вслед за верхней частью туловища Шаол переместил ноги. Диван скрипнул под тяжестью его тела.

– Я привык упражняться. А когда это случилось... тоже не лежал пластом. Упражнял то, что поддавалось упражнениям.

Этот человек был каменной глыбой. Увечье лишь оставило трещину, но не раскололо его. Едва ли он знал, что ему крупно повезло.

– Хорошо, – только и ответила Ириана. – Теперь тебе нужно будет упражнять как верхнюю часть туловища, так и ноги. Это неотъемлемая часть исцеления.

– Упражнять ноги? – переспросил Шаол, глядя на подрагивающие от легких судорог ступни.

– Я тебе потом расскажу, – пообещала Ириана и велела лечь на живот.

Он подчинился, лишь метнул на нее сердитый взгляд.

Ириана только сейчас обратила внимание на его рост. Шаолу едва хватало длины дивана. Получалось, в нем больше шести футов. Если он снова встанет на ноги, ей придется задирать голову.

Скупыми, ловкими движениями Ириана расстегнула пояс и сняла с него штаны. Нижнее белье скрывало подробности, но не могло скрыть очертания крепких ягодиц. А его бедра... Их мускулистость Ириана ощутила еще вчера, но сейчас, при внимательном рассмотрении...

В них уже не было здоровой наполненности, отличавшей верхнюю часть тела. Мышцы бедер казались тоньше. Если ничего не делать, появится дряблость.

Ириана коснулась бедра, ощупала мышцы. Ее магическая сила проникала в его тело, ведя свой поиск среди костей и кровеносных жил. Бездействие нижней части туловища уже начинало сказываться.

Ириана убрала руку и увидела, что Шаол наблюдает за ее действиями. Его подбородок упирался в подушку.

– Мои ноги потихоньку разрушаются? – спросил он.

Усилием воли Ириана превратила лицо в каменную маску:

– Неподвижность конечностей отражается на их состоянии. Но им можно вернуть полную силу. Они не разрушаются, а слабеют от бездействия. Наша задача – сделать их как можно сильнее за то время, пока длится исцеление. Думаю, ты и сам понимаешь, зачем это нужно. Когда ты встанешь, – она сделала упор на слове «когда», – твои ноги достаточно окрепнут, чтобы принять на себя и удерживать тяжесть тела.

– Значит, меня ждет не только исцеление, но и долгие упражнения?

– Ты сам говорил, что тебе нравится подвижная жизнь. Есть много упражнений, которые можно делать даже с поврежденным позвоночником. Они будут снабжать твои ноги кровью и наращивать их силу, а это поможет и самому исцелению. Я буду наблюдать за твоими успехами.

Ириана намеренно не сказала «помогать тебе».

Господин Шаол Эстфол был не из тех, кто жаждал помощи от кого бы то ни было.

Ириана продолжила осмотр и вновь добралась до странного пятна чуть ниже затылка. До первой важной точки на позвоночнике Шаола.

Даже сейчас невидимая сила вихрилась вокруг ее ладоней, норовя оттолкнуть.

– А какой магией тебе нанесли этот удар?

– Не все ли равно?

Рука Ирианы застыла над пятном, не касаясь его своей магией. Мысленно напомнив себе, что нельзя злиться на поведение пациентов, она пояснила:

– Мне бы это помогло узнать, какие нарушения чужая магия произвела в твоих жилах и костях.

Шаол молчал. «Обычная адарланская спесивость», – подумала Ириана и все же попыталась вызнать:

– Это был огонь?..

– Не огонь.

Увечье, нанесенное силой магии. Должно быть, это случилось... По его словам, в середине лета. В тот день, если верить слухам, на Эрилею вернулась магия, освобожденная Аэлиной Галатинией.

– Ты сражался против магов, которые вдруг обрели прежнюю силу?

– Нет, – резко ответил Шаол.

Тогда Ириана посмотрела ему прямо в глаза. Не заглянула, а посмотрела.

Что бы ни случилось с бывшим капитаном, он пережил ужасные мгновения. Отсюда эти тени в глазах и нежелание говорить.

Она врачевала людей, переживших ужасы. Порою они замыкались, отказываясь отвечать на ее вопросы. И даже если Шаол служил прежнему королю-палачу... Ириана постаралась не морщиться, понимая, какие трудности ждут ее на пути исцеления адарланца. О том же ей говорила Хазифа: целители часто врачуют не только телесные, но и душевные раны. Для их лечения нужна не магия, а разговор с пациентом. Разговор становится совместным путешествием по темным и опасным путям, уводящим в прошлое.

И чтобы проделать это с ним... Ириана затолкала мысль подальше. Не сейчас. Не здесь. Вернется к себе и спокойно обдумает.

Закрыв глаза, Ириана свила из своей магической силы мягкую нить, положив ладонь прямо на пятно, внешне напоминавшее размазанную звезду.

И сейчас же оттуда ударила волна холода, шипами проникая в тело Ирианы. Она отпрянула, как от настоящего удара.

Холод. Мрак. Гнев. Боль.

Стиснув зубы, Ириана пробилась через отзвуки прошлого, жившие в теле Шаола, и послала тонкую нить магической силы чуть дальше, во тьму.

Должно быть, в момент удара адарланец испытал неимоверную боль.

Ириана отстранилась от холода и еще какого-то непонятного ей ощущения, показавшегося ей липким и совершенно нездешним.

«Это магия иного мира», – шепнула ей интуиция. В этой магии не было ничего естественного, ничего доброго. Никогда прежде Ириана не сталкивалась с подобным.

Ее собственная магия кричала, требуя прекратить изыскания и бежать отсюда.

– Ириана.

Голос Шаола был где-то далеко. Ее окружала тьма, пронизанная ветром, и ревущая, завывающая пустота.

Потом внутри пустоты что-то пробудилось.

В тело Ирианы проник холод, растекаясь по рукам и ногам, норовя заполнить собою все. Она ударила по пустоте яростной вспышкой магического огня. Свет вспышки был чистым, как морская пена.

Тьма отступила, подобно пауку, спешащему в свой угол. Ириана мгновенно отдернула руку, отошла на шаг и заметила, что Шаол пристально смотрит на нее.

У Ирианы дрожали руки. Она снова взглянула на неровные очертания пятна, бледного на бронзовой коже Шаола. Чужеродное присутствие. Ириана свернула свою магию в тугой клубок, дабы согреть кости и кровь и успокоить колотящееся сердце. Пока она это делала, возникло ощущение руки, дотрагивающейся до ее магической силы. Что пыталась сделать невидимая рука – успокоить Ириану или «пригладить» ее магию?

– Расскажи мне про это, – хрипло потребовала она.

Ни с чем подобным она никогда не сталкивалась. Ни в одной из книг в библиотеке Торры не встречалось даже туманного намека на такую магию.

– Это внутри меня? – спросил Шаол.

Его глаза наполнились страхом. Выходит, он знал, какая сила нанесла ему удар и что притаилось под пятном. Знал, чего ему бояться. Если в Адарлане существовала магическая сила неизвестной природы...

– Мне думается... – Ириана сглотнула. – Это всего лишь отзвук чего-то большого. У тебя осталось нечто вроде клейма. Живым его не назовешь, однако...

Она согнула озябшие пальцы. Легкое магическое прикосновение вызвало такой отпор. Тогда настоящая атака...

– Расскажи мне об особенностях того, что нанесло тебе рану. Мне необходимо знать, с чем я имею дело. Расскажи все, о чем сможешь.

– Ни о чем не могу.

Ириана удивленно открыла рот, но взгляд адарланца застыл на двери гостиной. Ее же предостережение теперь возвращалось к ней.

– Тогда продолжим, – объявила Ириана. – Хочу осмотреть твою шею. Тебе придется сесть.

Шаол не возражал. Ириана смотрела, как он силою рук, напрягая мышцы живота, приподнял тело и осторожно спустил бесчувственные ноги на пол. Она мысленно похвалила его. Адарланец не только сохранил значительную долю подвижности, но и был готов спокойно и последовательно упражняться... Хорошо.

Ириана встала. После столкновения с чужеродной магией в ногах ощущалась слабость. Она прошла к столу, где оставила склянки с янтарной жидкостью. В одной находилась смесь лавандового и розмаринового масел – в окрестностях Антики в изобилии росло и то и другое. Во второй – похожее по цвету эвкалиптовое масло. Эвкалипты росли лишь на крайнем юге континента. Ириана выбрала эвкалипт.

Вернувшись на диван, она осторожно вынула стеклянную пробку. В ноздри ударил терпкий запах эвкалипта. Она хорошо знала об успокоительных свойствах эвкалипта. Им обоим не помешает успокоиться.

В сидячем положении Шаол был заметно выше Ирианы. Теперь она воспринимала его несколько иначе. Не так, как вначале, когда он сидел в кресле, а она стояла рядом. Теперь она сидела рядом, и...

Ириана прогнала эту мысль. Налив масло на ладонь, она принялась растирать обе ладони, разогревая руки. Шаол глубоко вдыхал аромат эвкалиптового масла. Ириана молча коснулась его затылка и принялась массировать шею, а затем плечи. Пальцы наткнулись на узел между шеей и плечом. Шаол громко застонал. Видимо, это место было очень болезненным.

– Извини, – смущенно пробормотал он.

Не ответив на его извинения, она еще раз коснулась того же места и снова услышала стон, уже глуше. Шаол пытался сдерживаться. Возможно, ей стоило ободрить его несколькими словами, но она молчала. Массаж продолжался. Ириана старательно избегала дотрагиваться до бледного пятна. И свою магию она тоже держала в узде.

– Расскажи все, что знаешь, – попросила Ириана, наклонившись к уху Шаола и слегка оцарапав щеку о щетину его подбородка. – Расскажи сейчас.

Шаол прислушался – нет ли кого поблизости. Ириана неумоимо растирала ему шею, оживляя задубевшие мышцы. Судя по обилию узлов, эта часть тела ускользала от его внимания. А потом он начал шепотом рассказывать.

Надо отдать должное Ириане Торас: ее руки ни разу не дрогнули. А ведь Шаол рассказывал ей об ужасах, невысказанных даже для темных богов.

Врата Вэрда. Камень Вэрда. Гончие Вэрда. Валгские демоны. Эраван. Порабощенные им принцы. Черные ошейники. По прошествии времени все это начинало казаться Шаолу чем-то вроде сказки, какие детям рассказывают на сон грядущий. Ему вспомнился родной Анъель, длинные зимние вечера и яростные ветры, беснующиеся за толстыми каменными стенами отцовского дома.

Он рассказал Ириане много, но не все. Умолчал о Ключах Вэрда. О короле, в котором двадцать лет жил валгский демон. О порабощении Дорина. Умолчал Шаол и о том, кто нанес ему магический удар и кем на самом деле был герцог Перангтон. Ограничился словами о том, что валги смертельно опасны и что Перангтон на их стороне.

– Значит, тебя атаковал тот, кто связан с... демонами, – заключила Ириана. – Он применил их силу.

Ее рука снова застыла над бледным пятном. Все это время Ириана старалась не дотрагиваться до пятна, словно боясь опять услышать отзвук неведомого и жуткого мира. Ее руки переместились на левое плечо Шаола, разминая такие же узлы. Он не стеснялся стонать, поскольку узлы были по-настоящему болезненными.

Без подсказок Ирианы он догадался: узлы – не следствия увечья, а следствия его настоячивых многочасовых упражнений.

Сообразив, что в ее словах содержался вопрос, Шаол ответил, по-прежнему шепотом:

– Да. Меня намеревались убить, но не получилось.

– Что-то помешало? Или кто-то?

В голосе Ирианы уже не было страха. У нее не дрожали руки, но привычное тепло не спешило возвращаться в них.

Шаол нагнул голову, чтобы Ириане было удобнее разминать совсем уж затвердевшую мышцу. Обошлось без стонов. Он лишь скрипнул зубами:

– Меня спас талисман, не раз уберегавший меня от зол, и... удача.

Шаол умолчал о том, что милосердие предназначалось не ему, а Дорину.

Волшебные руки Ирианы замерли. Она отодвинулась, всматриваясь в лицо Шаола:

– Стекланный замок разрушила Аэлина Галатиния. Значит, она воевала с демонами и потому уничтожила замок и захватила Рафтхол?

«А где в это время находился ты?» – мысленно добавила Ириана.

– Да, – ответил Шаол, наклоняясь к ее уху. – Мы сражались вместе: Аэлина, Несарина, я и еще многие.

Те, о ком он ничего не знает и прежде всего – живы ли они. Те, кто из последних сил сражаются за родные края, за свое будущее, пока он прохлаждается здесь. Хорош посланник! Провалил доверительный разговор с принцем. Что теперь? Дождаться аудиенции у хагана?

– Я и представить не могла, что у Перангтона такие сильные и ужасные союзники, – тихо сказала Ириана. – И с этими армиями предстоит сражаться.

– Да, – только и ответил Шаол.

Он видел, как снова побледнело лицо целительницы. Но она хотела знать правду, и он рассказал, насколько мог.

– И ты будешь с ними воевать?

– Если нашими общими стараниями я снова начну ходить, – невесело улыбнулся Шаол, думая при этом: «Если ты сумеешь сделать невозможное».

Ириана молча села, настороженно и отрешенно поглядывая на него. Похоже, она хотела что-то сказать или о чем-то спросить.

– Я не решусь двинуться дальше, пока основательно не поработаю в нашей библиотеке, – тряхнув волосами, сказала она.

Шаол вдруг подумал, что так и продолжает сидеть в нижнем белье, и подавил желание поскорее одеться.

– Для тебя опасно этим заниматься? – спросил он. – Рискованно?

Если она почуяла опасность...

– Сама не знаю. Я... действительно никогда еще не сталкивалась с такими увечьями. Прежде чем по-настоящему взяться за работу и назначить тебе упражнения... Я уже сказала: надо почитать и подумать. В Торре огромная библиотека. Я там засяду на весь вечер.

– Конечно, – пробормотал Шаол.

Если, исцеляя его, она сама пострадает, такой жертвы ему не надо. Он не представлял, как поступит в этом случае, но вставать на ноги ценой ее здоровья он не хотел. Мысль о цене заставила Шаола сказать:

– Сегодня ты рисковала. Да и растирание моей шеи и плеч потребовало больших усилий. А ты до сих пор не сказала, сколько берешь за врачевание.

Теперь понятно, почему хаган советовал ему приберечь золото. Сюда прислали лучшую целительницу. Самую искусную. Ее труд должен стоить громадных денег.

Ириана наморщила лоб:

– Если желаешь отблагодарить, Торра принимает пожертвования на содержание башни и тех, кто обеспечивает наши повседневные нужды. Но мне деньги не нужны, и я не жду никаких наград.

– Почему?

Ириана сунула руку в карман и встала:

– Я получила свой дар от Сильбы. Я не вправе брать деньги за то, что досталось мне бесплатно.

Сильба. Богиня исцеления.

Шаол был знаком с другой молодой женщиной, также отмеченной богами. Неудивительно, что глаза обеих светились безудержным огнем.

Ириана закрыла склянку с эвкалиптовым маслом (Шаолу успел понравиться его запах) и стала собирать вещи.

– Почему ты решила вернуться и помогать мне?

Ириана застыла на месте. Ветер, дувший из сада, тербил ее волосы.

– Я подумала: если откажусь, вы с капитаном Фелак однажды припомните мне это.

– Мы не собираемся оставаться здесь насовсем, – сказал Шаол, поражаясь ответу целительницы.

– Я тоже, – пожала плечами Ириана.

Она стянула тесемки мешка и пошла к двери, но остановилась, услышав новый вопрос Шаола:

– Ты собираешься вернуться?

«В Фенхару? В ад?»

– Да, – ответила Ириана, прекрасно сознавая, сколько ушей слышит сейчас их разговор.

Она хотела не только вернуться в Фенхару, но и помогать в войне. Там каждый целитель – на вес золота. И что теперь, когда Шаол рассказал ей об ужасах? Он видел, как побледнела Ириана. Скорее всего, впервые ясно почувствовала, что может погибнуть сама.

– Это самое правильное решение, – сказала Ириана. Кого она убеждала? Его или себя? – Дар Сильбы обязывает. И знания, которыми так щедро делились со мною здесь.

Шаол хотел сказать ей, что разумнее остаться здесь, ибо война не для таких, как она. Но уловил настороженность в глазах Ирианы. Наверное, не он первый отговаривал ее от возвращения в Фенхару. Быть может, она и сама начала чуточку сомневаться в правильности своих замыслов.

– Нам с капитаном Фелак не свойственна мстительность. Мы бы никогда не вздумали обвинять тебя, а тем более наказывать.

– Но ты служил человеку, который мстил, обвинял, наказывал.

«Возможно, твоими руками», – мысленно добавила она.

– А ты поверишь мне, если я скажу, что у него имелись другие исполнители грязной работы, не из числа королевских гвардейцев? О многом я узнавал лишь потом. Ты это можешь представить?

Не поверит. Шаол понял это по ее лицу. Ириане не хотелось продолжать этот разговор.

– Я себя не оправдываю, – тихо сказал Шаол. – Этот человек творил немыслимые злодеяния. И прежде, и потом, когда я уже служил в гвардии. Когда я был ребенком, иные пытались выступить против него. Он разнес их в клочья. Спросишь, зачем же я тогда пошел в королевскую гвардию да еще стал капитаном? Для этого мне пришлось кое-чем поступиться. Определенными привилегиями, которые ждали меня, избери я другой путь. Но я сделал это намеренно, ради защиты будущего. Ради Дорина. Мы с ним росли вместе, и, даже будучи мальчишкой, я чувствовал: он не пойдет по стопам отца. Дорина ожидало лучшее будущее. Однако для этого он должен был вырасти и уцелеть, причем не только остаться в живых, но и не сломаться душевно. Принцу требовался союзник, надежный друг в змеином гнезде, каким был адарланский двор. Учти: мы тогда были слишком молоды и недостаточно сильны, чтобы выступить против его отца. Мы видели, как поступали с теми, кто лишь заикался о мятеже. Меня могли казнить по малейшему подозрению. И Дорина тоже. Положение наследного принца не уберегало его от отцовской мести. На тот момент самым лучшим, самым разумным мне казалось сохранение существующего порядка вещей.

В лице Ирианы ничего не изменилось. Оно не стало ни жестче, ни мягче.

– А что было потом?

Шаол потянулся за рубашкой. «Сиж тут полуголый и еще обнажаю душу», – с усмешкой подумал он.

– Нам встретился человек, показавший другой путь. Поначалу я противился этому пути, пока не сообразил, какую дорогую цену мы платим за сопротивление. Слишком дорогую. Так что, Ириана Торас, можешь смотреть на меня с презрением, и я не стану тебя упрекать. Однако никто в Эрилее не питает ко мне большей ненависти, чем я сам.

– За путь, который тебе навязали?

Шаол надел рубашку и подтянул к себе штаны:

– За сопротивление этому пути. И за ошибки, которых успел понаделать, пока сопротивлялся.

– А по какому пути ты идешь теперь? Как главный королевский советник строит будущее Адарлана?

Такого вопроса не задавал ему никто. Даже Дорин.

– Я по-прежнему учусь. По-прежнему... ищу решения, – признался Шаол. – Но вначале нужно уничтожить Перангтона и валгов, чтобы не поганили нашу родину.

Ириана уловила слово «нашу». Она жевала губу, будто пробовала это слово на вкус.

– Что именно произошло в середине лета?

Вроде бы Шаол рассказал ей достаточно, но она по-прежнему ничего не знала о событиях, предшествующих нападению на стеклянный замок, о самом нападении и о том, что было после.

Перед мысленным взором Шаола мелькнул красный мраморный пол и отрубленная голова Сорши, катящаяся по плитам. Он слышал пронзительный крик Дорина. Видение сме-

нилось другим: Дорин в схватке с отцом. Лицо будущего короля было холодным, как смерть, и более жестоким, чем лицо бога Хелласа.

– Я же тебе рассказал.

Ириана теребила лямку мешка, висевшего у нее на плече.

– Увечье затронуло не только твое тело, но и душу. Ты готов упражняться. Душа требует иных упражнений. Тебе нужно заново пройти через те события.

– Зачем? Я и так знаю, что происходило до, во время и после них.

Глаза Ирианы (сейчас они были гораздо старше ее двадцати двух лет) невозмутимо смотрели на Шаола.

– Мы к этому еще вернемся, – сказала она.

Это звучало как вызов. В душе Шаола зашевелился страх. Бывшему капитану захотелось ответить ей, но Ириана толкнула дверь и вышла.

9

Через два часа Ириана находилась глубоко под землей, в громадной пещере под Торрой. Положив голову на кромку купели, выдолбленной в каменном полу, она смотрела вверх, где обитала темнота.

В это время дня Чрево Сильбы почти пустовало. Единственными спутниками Ирианы были струйки воды из природного горячего источника. Они текли через десятки таких же купелей. Другая вода капала с зубчатых сталактитов, громоздящихся над бесчисленными колокольчиками. Колокольчики висели на цепях между колоннами из светлого камня – того же, из какого были сложены стены Торры. Колонны уходили вверх и скрывались в темноте.

В естественных нишах перемигивались свечи. Они же стояли по краям каждой купели, придавая сернистому пару золотистый оттенок, а совам, вырезанным на каждой стене и влажной колонне, – рельефность.

Чтобы камень не жег затылок, Ириана положила под голову бархатное полотенце. Она вдыхала густой воздух Чрева и смотрела, как пар поднимается вверх и исчезает все в той же темноте. Там был другой воздух – чистый и прохладный. К журчанию воды добавлялся высокий мелодичный звон колокольчиков. Иногда из их хора вырывались отдельные громкие звуки.

Никто не знал, кто и когда впервые принес серебряные, бронзовые и стеклянные колокольчики в этот громадный подземный зал, именуемый Чревом Сильбы. Некоторые висели здесь так давно, что покрылись отложениями, и вода, капавшая со сталактитов, вызывала не звон, а слабый хлопок. Но традиция соблюдалась незыблемо: каждая новая ученица приносила сюда свой колокольчик, на котором было выгравировано ее имя. Прежде чем погрузиться в пузырящиеся воды одной из купелей Чрева, она подвешивала колокольчик к свободному звену цепи. Ириана тоже прошла через этот ритуал. Ей нравился его смысл. Колокольчик останется здесь надолго, улаждая слух и помогая тем, кто придет после нее. Это и была вечность. Голоса любимых сестер, оставивших мир живых, продолжали звучать.

Гроздь больших и маленьких колокольчиков наглядно показывали, сколько поколений целительниц учились и работали в Торре. Многих давно уже не было на этом свете. Зал, размерами своими не уступавший большому залу во дворце хагана, неумолчно и разноголосно звенел. Этот приятный гул наполнял голову Ирианы, проникал в тело, отзывался в костях, а она лежала в не менее приятной горячей воде.

Древний зодчий, возводивший Торру, обнаружил пещеру и горячие источники, а потом удачно дополнил природу. Так в полу пещеры появились выдолбленные купели, сообщающиеся между собой. Ириана поднесла руку к решетчатому отверстию в стенке купели. Вода струилась у нее между пальцами и текла к такому же отверстию на противоположной стенке. Пройдя все купели, ручейки сливались в один поток и уходили еще ниже – в дремлющие недра.

Ириана глубоко вдохнула и откинула влажные волосы, прилипшие ко лбу. Прежде, чем погрузиться в купель, она тщательно вымылась в другом зале. Правила предписывали смыть с себя всю пыль и грязь внешнего мира. Дежурная ученица протянула Ириане невесомый халат лавандового цвета – цвета Сильбы. В нем она вошла во Чрево, чтобы снять возле купели. В сернистую воду Ириана погружалась совершенно голой, без посторонних предметов. Исключение она делала для материнского кольца, которое никогда не снимала.

Вокруг руки клубился пар. Ириана смотрела на кольцо. Огоньки свечей скользили по серебру, заставляли гранат вспыхивать и переливаться. Колокольчики пели на разные голоса, смешиваясь с журчанием воды. Ириана плыла в потоке живых звуков.

Вода была стихией Сильбы. Погрузиться в священные воды, не затронутые миром на поверхности, считалось равнозначным вхождению в животворную кровь богини. Ириана знала: она – не единственная целительница, кто погружался в купель и ощущал, будто и впрямь находится в тепле чрева Сильбы. В такие минуты казалось, что оно принимает тебя одну.

И темнота над головой отличалась от темноты, с которой Ириана столкнулась в теле господина Эстфолла. Там была чернота. А здешняя темнота была наполнена созиданием, покоем и еще не оформившимися мыслями.

Ириана смотрела в эту темноту, во Чрево самой Сильбы. Честное слово, она чувствовала на себе ответный взгляд. Нечто смотрело и слушало, пока Ириана тщательно обдумывала все, о чем рассказал ей Шаол.

Порождения древних кошмаров. Исчадия иного мира. Демоны. Темная магия. Темная сила, готовая обрушиться на ее родину. От этой мысли у Ирианы стыла кровь даже в горячей воде.

Вплоть до сегодняшнего дня она думала, что на полях сражений Эрилеи будет врачевать раны от мечей и стрел и восстанавливать раздробленные кости. Все это было ей знакомо, равно как и другие болезни, обрушивающиеся на военные лагеря, особенно в холодные месяцы.

Раны, наносимые чудовищами и демонами, разрушали не только тело, но и душу. Никакие мечи и стрелы не шли в сравнение с когтями, зубами и ядом. Злая сила змеей свернулась вокруг раны на спине Шаола... С виду – раздробленные кости и порванные жилы. Но к ним непонятным Ириане образом пристала чужеродная магия. По сути, опутала рану.

Ириана и сейчас не могла избавиться от ощущения чего-то липкого. Прикоснувшись своей магией, она что-то пробудила и потревожила.

Звон колокольчиков становился то тише, то громче, баюкая ее разум, призывая успокоиться и открыться милости Сильбы.

Вечером она пойдет в библиотеку. Поищет сведения, совпадающие с рассказом адарланца. Возможно, кому-то из ее предшественниц приходилось иметь дело с ранами, нанесенными магией.

Ириана столкнулась с особым случаем, когда исцеление требовало большего, нежели восстановление позвоночника. Об этом она догадалась еще в покоях Шаола. Но сражаться с неведомой силой, поселившейся в теле адарланца... Как?

Ириана задала вопрос вслух, обращаясь к пару, темноте, пузырькам воды и звону колокольчиков.

При осмотре демоническая сила отбросила ее магию. Обнаруженное ею было полной противоположностью ее самой и магии, которой она владела. Ириана всматривалась в темноту над головой. Земное чрево Сильбы звало к себе. Ей показалось, что она слышит ответ: «Ты должна войти туда, куда боишься ступить».

Ириана шумно сглотнула. Нырнуть в эту яму демонической силы, укоренившейся в спине адарланца...

«Ты должна войти», – шептала ей темнота. О том же пела вода, омывающая ее тело. «Ты должна войти». Ириане показалось, что кромка темноты опустилась ниже. Целительница вглядывалась в нее, продолжая думать о полученном задании.

Сражаться с чужеродной силой в теле бывшего капитана. Рисковать, проходя еще одно испытание. А не Хазифа ли его придумала? Рисковать ради адарланца, когда ее соотечественники ведут войну; оттягивать свое возвращение, когда каждый день промедления... «Я не могу».

«Не хочешь», – возразила мудрая темнота.

Ириана поежилась. Да, она обещала Хазифе задержаться и исцелить Шаола. Но теперь она знает, что ей противостоит. Выздоровление Шаола может растянуться на долгие месяцы, если она вообще сумеет найти способ ему помочь. Она обещала поставить его на ноги, и хотя некоторые увечья требовали от целительницы пройти совместный путь с пациентом, увечье Шаола Эстфола...

Темнота отодвинулась.

«Не могу», – продолжала твердить Ириана.

Темнота молчала. Где-то поблизости прозвенел колокольчик. Звук был чистым, бесхитростным.

Ириана моргнула. Звук вернул ее в окружающий мир. В собственное тело, которое она, наверное, ненадолго покидала. Темнота вновь стала просто темнотой, черным, непроницаемым занавесом. То, что отвечало Ириане, ушло. Возможно, своим упрямым отрицанием она разочаровала и прогнала невидимого собеседника.

У Ирианы слегка кружилась голова. Она села и пошевелила конечностями. Даже здесь, в богатой полезными веществами воде, они одеревенели от неподвижности. Сколько же она сидит в этой купели?

Она стала растирать мокрые, скользкие руки. Сердце колотилось. Ириана снова вглядывалась в темноту, словно та могла предложить ей другой ответ, другой путь.

Темнота молчала.

Зато Ириана слышала звуки, явно отличавшиеся от привычных шумов пещеры. Звуки чьего-то негромкого, судорожного дыхания.

Ириана повернулась, разбрызгивая капли с мокрых волос. Купели располагались параллельными рядами вдоль стен пещеры. Звуки слышались с противоположного конца. Пар мешал рассмотреть, кто там.

В этих звуках было что-то, нарушающее благостную тишину Чрева. Не выдержав, Ириана выбралась из купели, надела халат и подвязала кушак. Тонкая ткань сразу прилипла к мокрому телу.

Посещение Чрева имело давние, прочно установившиеся правила. Это было место тишины и уединения. Целительницы погружались в купели, чтобы уравновесить свое душевное состояние и укрепить связь с Сильбой. Одни искали совета богини, другие – прощения за совершенные ошибки. Кто-то приходил сюда сбросить груз эмоций, которые было непозволительно показывать пациентам. Да и не только пациентам.

Ириана понимала: ей сейчас лучше уйти и дать этой целительнице выплакаться без свидетелей. Но в этих вздрагивающих плечах и сдавленных рыданиях было что-то, заставившее ее нарушить правила.

Ириана бесшумно подошла к купели. Женщина была ее ровесницей. Смугловатая кожа, каштановые волосы с рыжими прядями, почти такие же, как у Ирианы. И лицо, по которому безостановочно катились слезы. Темно-желтые глаза, почерневшие от неведомого горя, были устремлены вверх. Слезы достигали тонкого подбородка и капали в бурлящую воду.

Целительниц часто называли волшебницами, но они не были всемогущими. Не все раны поддавались исцелению. Не все болезни можно было остановить, если они успели глубоко уко-

рениться. Порою к целительницам обращались слишком поздно, или они сами упускали из виду приметы серьезной болезни.

Девушка даже не взглянула на Ириану, когда та села рядом, уперлась подбородком в колени и взяла ее за руку.

Ириана сидела и просто держала руку своей сестры по ремеслу, ни о чем не спрашивая и ничего не говоря. Рыдания не прекратились, но стали тише. А вокруг все так же колыхалась завеса пара, подрагивало пламя свечей и слышался звон колокольчиков.

Трудно сказать, сколько времени они просидели так.

– Ей было всего три года, – вдруг прошептала целительница.

Ириана стиснула ее мокрую руку. Любые слова утешения были излишни и бесполезны.

– Иногда... – Голос женщины оборвался, а она содрогнулась всем телом. – Иногда я жалею, что Сильба ниспослала мне свой дар.

Ириана замерла. Такое признание она слышала впервые.

Целительница наконец повернулась к ней и, кажется, узнала.

– А с тобой это бывало? – спросила она, вложив в вопрос всю силу переживаемого горя.

Нет. Никогда. Даже когда ей кусал глаза дым костра, на котором сжигали ее мать, и она знала, что не в силах остановить это зверство. Ириана ни разу не чувствовала ненависти к своему дару. Все эти годы он спасал ее от одиночества. Даже когда адарланский король задушил магию, Ириана ощущала присутствие богини, словно плеча касалась теплая невидимая рука. Напоминание о том, кто она, – живое звено в цепи многих поколений целительниц рода Торас, проходивших свой путь до нее.

Целительница смотрела на Ириану, ища в ее глазах желаемый ответ. Ответ, который Ириана не могла дать. Она еще раз стиснула руку целительницы и молча продолжала смотреть в темноту.

«Ты должна войти туда, куда боишься ступить».

Ириана знала: это придется сделать. Войти туда, куда лучше бы не входить.

– Ты по-прежнему в кресле? Неужели Ириана еще не поставила тебя на ноги?

Шаол повернулся в сторону Хасары, радуясь, что они не сидят рядом. Ветер из открытых окон нес прохладу и пах дождем. От его дуновения белые траурные лоскуты шелестели громче обычного.

Кашан и Сартак поглядели на принцессу. Последний – хмуро, с явным неодобрением.

Понимая, сколько ушей ловят его ответ, Шаол тщательно подбирал каждое слово.

– Какой бы талантливой ни была Ириана, она едва приступила к лечению. Вероятно, оно окажется долгим. Сегодня она намеревалась поискать необходимые сведения в библиотеке Торры.

Губы Хасары сложились в ядовитую улыбку.

– Что ж, это продлит нам удовольствие лицезреть тебя у нас во дворце.

«По своей воле я бы не провел тут ни одной лишней минуты», – мысленно ответил ей Шаол.

Вслух он не сказал ничего. Зато ответила Несарина. Она снова побывала у родных, что благотворно повлияло на ее настроение.

– Нужно использовать любую возможность укрепить связи между нашими государствами.

– Разумеется, – буркнула Хасара, утыкаясь в тарелку со щедро перченым кушаньем из помидоров и какого-то местного овоща.

Улыбчивой Рении за столом не было. Ириана тоже не пришла. Шаолу вспомнился ее страх при осмотре его раны. Шаол почти чувствовал вкус этого страха. Но Ириана обуздала себя – силой воли, а может, силой характера. Интересно, надолго ли ей хватит того и другого?

Шаол очень хотел снова встать на ноги, однако в самой глубине души надеялся, что Ириана не появится. Очень не хотелось заниматься тем, о чем так много говорила Ириана, – заново проходить через жуткие события прошлого. Говорить о них. Обсуждать те или иные моменты.

Шаол решил, что завтра же скажет ей четко и ясно: для его лечения эти разговоры не нужны.

Больше никто за столом к нему не обращался. Шаол коротал время, наблюдая за сотрапезниками и за спящими слугами. Со слуг его внимание переместилось на караульных возле окон и дверей.

Рослые, горделивые люди в красивых мундирах. Шаол смотрел на них, и съеденная баранина становилась в желудке свинцовой гирей. Не счесть таких же обедов, когда он сам стоял в карауле у дверей или во внутреннем дворе, оберегая покой короля. А как строго выговаривал своим гвардейцем за сутулость, за разговоры на посту. Провинившихся ждал новый караул (никакого отдыха) в менее ответственных местах.

Один из караульных хагана заметил его пристальный взгляд и приветствовал легким кивком. Шаол поспешно отвел глаза. Его ладони стали липкими от пота. Но он заставил себя продолжать наблюдение за окружающими: во что одеты, как ходят. Вплоть до манеры улыбаться.

Пока что он не заметил никаких признаков чужеродной силы и лазутчиков Мората или иного враждебного места. Только белые траурные лоскуты – косвенное напоминание, что принцесса Тумелуна могла погибнуть от чужих рук.

Аэлина утверждала, что валгские демоны распространяют характерное зловоние. У тех, в чьих телах они поселяются, кровь становится черной. Шаол более чем достаточно насмотрелся такой крови. Но не заставлял же всех в этом зале надрезать себе руки и показывать цвет крови!

Затея была не такая уж безумная. Надо лишь добиться аудиенции у хагана и убедить правителя отдать распоряжение, а потом зорко следить, кто сбежал или уклонился под каким-нибудь предлогом.

Шаол чувствовала, как важна безотлагательная встреча с хаганом. Лучше всего с глазу на глаз. Тогда он найдет слова, чтобы убедить Араса в грозящей опасности. Это станет первым шагом к союзу с Южным континентом. Какими бы ни были дети хагана, никто из них не заслуживал валгского ошейника. Шаол расскажет об ужасе, который испытываешь, когда смотришь в знакомые глаза, а оттуда на тебя глядит древняя жестокость чужого мира.

Хаган сидел сравнительно недалеко от Шаола и сейчас был занят разговором с принцессой Дувой и каким-то визирем.

Дува, теперь младшая из дочерей, больше наблюдала, чем участвовала в беседе. Она приветливо улыбалась, но ее зоркие глаза подмечали каждую мелочь. Шаол ждал паузы в разговоре. Наконец визирь умолк, чтобы глотнуть вина. Дува повернулась к своему молчаливому мужу. Тогда Шаол откашлялся и сказал:

– Великий хаган, я хочу еще раз поблагодарить вас за разрешение воспользоваться помощью ваших целителей.

Хаган скользнул по нему жесткими, усталыми глазами:

– Они, господин Эстфол, не более мои, чем твои.

Он снова перевел взгляд на визиря, который хмуро поглядел на Шаола, посмеявшегося вмешаться в их разговор. Но Шаола это не остановило.

– Я надеялся, что мне, быть может, будет оказана честь личной встречи с вами, великий хаган.

Несарина ткнула его локтем. За столом стало тихо. Однако Шаол не отводил взгляда от хагана.

– Об этом говори с моим главным визирем. Устройство встреч – по его части.

Кивком хаган указал на конец стола, где сидел человек с умным, цепким взглядом. Легкая улыбка на губах главного визиря подсказывала Шаолу: этой встрече не бывать.

– Для меня сейчас главное – помочь жене справляться с постигшим нас горем.

Печаль в глазах хагана была искренней. Его жена затворилась в своих покоях. Ей даже не оставляли места за столом, зная, что все равно не придет.

За столом повисла напряженная тишина. Где-то вдали прогремел гром. Шаол понял свою оплошность. Не время добиваться встречи с хаганом, когда он скорбит по дочери. Глупо вообще было раскрывать рот. И в высшей степени невежливо.

– Простите меня за то, что смел потревожить вас в столь трудное время, – склонив голову, произнес Шаол.

Он постарался не заметить язвительную усмешку Аргуна, сидящего на отцовской стороне. Дува сочувственно улыбнулась Шаолу. «Ты не первый, кому он отказывает во встрече, – говорила ее улыбка. – Дай ему время».

Шаол ответил принцессе легким кивком и уткнулся в тарелку. Если хаган решил избегать личной встречи с ним (скорбь ли является причиной или просто нежелание), найдутся иные пути, чтобы передать нужные сведения.

Другие способы заручиться поддержкой.

Он мельком взглянул на Несарину. Сегодня она вернулась за полчаса до обеда и сообщила, что утром никак не могла разыскать Сартака. Сейчас принц сидел напротив них, лениво потягивая вино.

– Принц, я слышал, что ваша легендарная рукка, Кадара, тоже находится здесь, – непринужденным тоном произнес Шаол.

– Жуткая тварь, – проворчала Хасара, подняв голову от тарелки и наткнувшись на усмешку брата.

– Хасара до сих пор не может простить Кадаре, что при первой встрече моя пташка попыталась закусить ею, – сообщил Сартак.

Хасара выпучила глаза; во взгляде промелькнуло легкое изумление.

– Наверное, вы еще в гавани, едва сойдя с корабля, слышали ее пронзительные крики, – подлил масла в огонь Кашан.

– Принцессы или рукки? – спросила Несарина, удивив Шаола.

Сартак искренне засмеялся. Его холодные глаза вспыхнули. Хасара предостерегающе посмотрела на Несарину и повернулась к сидящему рядом визирю.

– Обоих, – улыбнувшись Несарине, шепнул Кашан.

Шаол невольно рассмеялся, но тут же сник, поймав испепеляющий взгляд Хасары. Несарина улыбнулась и кивнула принцессе, извиняясь за неуместную шутку.

Меж тем Сартак внимательно смотрел на адарланских гостей.

– А вы здесь часто летаете на Кадаре? – спросил Шаол.

Сартак уловил скрытую часть вопроса:

– Как только выдается свободное время. Обычно на рассвете. Сегодня я поднялся в небеса сразу после завтрака и летал почти до самого обеда. К счастью, не опоздал.

– Не помню случая, чтобы мой братец пропустил обед, – пояснила Хасара, не поворачивая головы.

Кашан расхохотался, обратив на себя внимание даже хагана. Аргун недовольно поморщился. Когда дети хагана в последний раз смеялись за столом? Наверное, еще при жизни Тумелуны. Напряженное лицо хагана подтверждало догадку.

Однако Сартак не оставил слова Хасары без ответа. Он закинул свою длинную косу за плечо, похлопал себя по твердому плоскому животу и спросил:

– А ради чего, сестрица, я так часто появляюсь дома, как не ради вкусной еды?

– Может, ради козней? – невинным тоном спросила она.

Улыбка Сартака погасла.

– Если бы у меня было время на подобные развлечения.

Лицо принца помрачнело. Шаол отметил, куда переместился взгляд Сартака. К белым лоскутам, по-прежнему свисающим из высоких окон. Сейчас они сигналили о приближении грозы. Шаолу подумалось, что и Сартак находится в полном подчинении у хагана и искренне жалеет, что у него не остается времени на чисто человеческие стороны жизни.

– Я так поняла, принц, что вы летаете каждый день? – с несвойственной ей мягкостью спросила Несарина.

Сартак оторвался от разглядывания траурных лоскутов. Воин в нем заслонял придворного, и это чувствовалось.

– Да, капитан, – ответил Сартак, уловив невысказанную просьбу.

Когда он повернулся, чтобы ответить на вопрос Дувы, Шаол переглянулся с Несариной. Приказ был передан.

«На рассвете поднимешься в гнездо Кадары. Узнай, чью сторону занимает принц в этой войне».

10

Летняя гроза, надвигавшаяся с Узкого моря, обрушилась на Антику незадолго до полуночи.

Обширная библиотека Торры начиналась на первом этаже и уходила вниз. Удары грома ощущались даже под землей. В коридорах и залах первого этажа, имевшего окна, вспыхивали отблески молний. Ветер, проникавший сквозь трещины в каменных стенах, гулял по пространству библиотеки, угрожая задуть свечи. Правда, большинство свечей находились внутри стеклянных фонарей. Для бесценных книг и свитков не было худшего врага, чем открытый огонь. Однако ветер пробирался и под стекло. Вдобавок он раскачивал цепи, на которых висели фонари, отчего к завыванию ветра примешивался скрип цепей.

Ириана устроилась за столом в нише. Она любила укромные уголки. Оторвавшись от книги, она смотрела на свой раскачивающийся фонарь, свисавший со сводчатого потолка. Стенки фонаря были из прозрачного стекла, но с цветными вставками в виде звезд и полумесяцев. И сейчас по столу бегали красные, синие и зеленые пятна.

Очередные раскаты грома были настолько громкими, что Ириана вздрогнула. Старинный стул под нею недовольно затрещал.

Послышались девчоночьи визги, затем хихиканье. Младшие ученицы. Ириана вспомнила, что на следующей неделе Хазифа устраивает им проверку.

Ириана усмехнулась и снова углубилась в чтение. Несколько часов назад Нуша принесла ей нужные материалы.

С главной библиотекаршей они никогда не были дружны. Ириану не тянуло подсаживаться к ней в трапезной, однако Нуша свободно говорила на пятнадцати языках, часть которых относилась к мертвым. Она обучалась за западным побережьем, в знаменитой Парванийской библиотеке. Библиотека занимала несколько зданий близ Бальруна, утопая в зелени.

Бальрун славился не только пряностями. Его называли городом библиотек. Если Торра-Кесме была средоточием целительства, Парвани был средоточием знаний. Даже широкая дорога, соединявшая Бальрун с главной артерией континента – Сестринской дорогой, протянувшейся от Антики до Тиганы, – называлась дорогой Ученых.

Ириана не знала, что заставило Нушу несколько десятков лет назад перебраться в Антику и какие блага посулила ей Торра. Но женщина осталась здесь, оказавшись настоящим кладом знаний и неоценимой помощницей. При всей ее неулыбчивости и некоторой надменности, Нуша всегда находила Ириане нужные сведения, какой бы замысловатой ни была просьба целительницы.

Сегодня Ириана подошла к Нуше в трапезной, торопливо извинилась и сказала, что ей срочно нужны сведения.

– Дай мне сначала поесть, – хмуро прервала ее Нуша. – Вообще-то, могла бы подождать и до утра.

Могла бы, но с раннего утра у Ирианы были занятия, а затем встреча с Шаолом.

Поев, Нуша сложила руки на коленях своего просторного серого платья (она всегда одевалась в серое) и приготовилась слушать. Ириане пришлось рассказать ей про увечье Шаола. Затем она перечислила свои запросы.

Раны, нанесенные демонами. Раны, нанесенные темной магией. Раны неестественного происхождения. Раны, оставляющие невидимый след, но не донимающие свою жертву. Раны, оставляющие отметины, которые отличаются от привычных шрамов... Любые сведения, которые Нуша сможет отыскать.

И Нуша нашла. Стопки книг и кучу свитков. Все это она молча выложила на стол. Часть принесенного была на халхийском. Некоторые оказались на наречии Фенхару. Были книги на эйлуэйском. А некоторые...

В читальных залах, на каждом столе, была чаша с гладкими кусками оникса. Ими прижимали края развернутых свитков. Такие же куски удерживали сейчас свиток на столе Ирианы. Она смотрела на незнакомые письма и молча чесала в затылке.

Даже Нуша призналась, что видит их впервые. Откуда был свиток – неизвестно. Главная библиотекаряша нашла его засунутым между двух увесистых томов на эйлуэйском, спустившись на самый нижний этаж библиотеки. Ириана там никогда не бывала.

Ириана водила пальцем по странным значкам, повторяя очертания прямых и косых линий, а также затейливых изгибов. Пергамент был очень старым. Нуша пригрозила сжечь Ириану живо, если та посмеет пролить на свиток воду или вздумает есть рядом с ним. Ириана спросила о возрасте свитка, однако Нуша лишь покачала головой.

– Сто лет? – не отставала Ириана. – Больше?

Нуша лишь пожала плечами и сказала, что, судя по тому, где она нашла свиток, способу выделки пергамента и составу чернил, ему больше тысячи лет.

Убедившись, что значки все равно не сложатся в понятные ей слова, Ириана нахмурилась, сняла камни с краев и свернула пергамент. В книгах на ее родном языке она не нашла ничего значимого: обычные старушечьи предостережения против сглаза, порчи и злых духов, обитающих в воздухе и среди гнили.

Ничего похожего на демонов, о которых рассказывал Шаол.

Справа, из темноты, послышался легкий скребущий звук. Неужели мышь? Ириана подняла голову, готовая вскочить на стул.

Где же они – любимцы библиотеки, бастинские кошки? Их здесь обитало ровно тридцать шесть (ни больше ни меньше, и только кошки). Но мышей было значительно больше, и кошки, названные в честь Бастины – богини воинов, явно не справлялись.

Ириана снова взглядела в темноту. Жаль, никого из кошек не позовешь и не попросишь поохотиться на мышь. Такое не удавалось никому. Бастинские кошки появлялись, когда сами пожелают, и ни минутой раньше. Эта порода жила в библиотеке Торры с самого появления башни. Никто не знал, откуда они появились и как поддерживали свою численность, заманивая одряхлевших и умерших. Каждая бастинская кошка обладала неповторимым характером (совсем как люди). Воительницы с пронзительно-зелеными глазами могли устроиться на чьих-то коленях и лежать часами, а могли и вовсе избегать общества людей. Кое-кто из целительниц, как молоденьких, так и вполне зрелых, клятвенно утверждал, что бастинские кошки умеют проходить сквозь стены и перемещаются между этажами без всяких лестниц. Более того, кошек видели сидящими на столах. Они листали страницы открытых книг и... читали.

Конечно, было бы лучше, если бы кошки поменьше читали и побольше охотились. Но, как уже говорилось, кошки подчинялись только Бастине или другому божеству, обосновавшемуся здесь в тени Сильбы. При всей своей независимости, они держались стаей, и задеть одну бастинскую кошку означало нанести оскорбление всем. Правда, Ириана любила любую живую тварь (кроме некоторых видов насекомых) и всегда была готова почесать зеленоглазое существо за ухом или погладить по брюху.

Но зеленые огоньки во тьме не вспыхивали. Мышь избрала другой путь. Вздохнув, Ириана отодвинула на край стола загадочный древний свиток и взялась за книгу на эйлуэйском.

Книга в черном кожаном переплете была тяжелой, как обломок каменной плиты. Ириана немного знала эйлуэйский, поскольку жила недалеко от границы между Фенхару и Эйлуэ. Ее мать свободно говорила на языке соседей, а отец был эйлуэйцем. Но отца Ириана никогда не видела.

Женщины в ее роду замуж не выходили, предпочитая иметь любовников. По большей части на одну ночь. Порою те оставляли «подарки», которые через девять месяцев появлялись на свет. В редких случаях мужчины жили год-другой, а потом все равно исчезали. Отец Ирианы постучался в дом ее матери, когда его застигла яростная буря, бушевавшая над равнинами. Утром он отправился дальше, и мать признавалась, что быстро забыла, как он выглядел.

Название книги было начертано золотом. Ириана давно не слышала слов эйлуэйского языка и не произносила их сама. Даже название она сумела прочесть не сразу.

– Баллада...

Ириана досадливо постучала пальцем по корешку. Напрасно она не попросила Нушу задержаться. Главная библиотекаряша обещала помочь с переводом других книг, но... Ириана вздохнула. Слово это означало не балладу и не оду.

– «Песня», – вспомнила Ириана. – «Песня... Рассвета»?

Нет. Рассвет обозначался другим словом. Может, «Наступление»? «Песня Наступления» звучало как-то странно... Вспомнила! Начало!

Книга называлась «Песня Начала».

Шаол рассказывал о древней расе валгских демонов. Они были способны выжидать целую вечность, готовясь к удару. Память о валгах почти истерлась, а сами они превратились в миф. В страшные сказки, которые рассказывали непослушным детям.

Ириана открыла обложку и поморщилась. Оглавление было написано старинным шрифтом, от руки – во времена создания этой книги еще не знали печатного станка. И не только начертание букв с тех пор изменилось. Книга изобиловала незнакомыми словами, давно вышедшими из употребления в Эйлуэ.

Снова прогремел гром. По столу заплясали разноцветные пятна. Ириана принялась листать пожелтевшие, заплесневелые страницы.

Ей попалась книга по истории.

Ириана листала все быстрее и вдруг обнаружила, что пропустила какую-то картинку. Пришлось возвращаться назад.

Картинка не была особо красочной. Художник обошелся всего тремя цветами: черным, белым и красным, лишь кое-где добавив желтого. Но нарисовано было талантливо. Скорее всего, художник проиллюстрировал написанное ниже.

Пустынный утес. Вокруг – воины в черных доспехах, стоящие на коленях перед тем, что занимало вершину утеса.

Высокие ворота. Сами по себе, без стен. За ними – никакой башни. Казалось, эти черные каменные ворота возникли прямо из воздуха. Арка ворот не имела привычных створок. В ее пространстве клубилось черное *ничто*. Из пустоты тянулись щупальца – отвратительная пародия на солнечные лучи – и касались коленопреклоненных солдат.

Ириана присмотрелась к фигурам на переднем плане. Тела у них были человеческими, но руки, сжимающие мечи... Это были не руки – кривые, когтистые лапы.

– Валги, – прошептала Ириана.

Ответом ей были раскаты грома.

Цепь с фонарем опять закачалась. Громовые раскаты передались стенам и полу, а оттуда – ногам Ирианы. Ее кости ответили гудением.

Ириана продолжала листать страницы, пока не увидела другую картинку. Три фигуры, застывшие возле тех же ворот. Они находились слишком далеко, чтобы разглядеть лица. Тела их были явно мужскими: высокими и сильными.

Ведя пальцем по строчкам, Ириана прочла подпись к картинке:

«Оркус. Мантикс. Эраван.

Трое валгских королей.

Обладатели Ключей».

Ириана закусила нижнюю губу. Шаол не сказал ей ни о каких Ключах. Но если существовали Врата... для их открытия требовался ключ. Или Ключи. Если в книге написана правда.

Часы в главном зале библиотеки прозвонили полночь. Ириана продолжала листать. Очередная картинка, встретившаяся ей, состояла из трех горизонтальных фрагментов.

Ириана поверила всему, что рассказал Шаол. Сейчас она получала дополнительное подтверждение. Даже если бы у нее оставались сомнения по части раны адарланца, картинки из старинной книги все ставили на свои места.

Верхний фрагмент изображал молодого человека, привязанного к черному каменному алтарю. Он отчаянно пытался высвободиться, страхась приближающейся фигуры в темном одеянии. У того, кто шел к нему, на голове была корона. Вокруг руки извивалось что-то похожее на змею из черного тумана. Только похожее.

Взглянув на средний фрагмент, Ириана поежилась.

Все тот же молодой человек. Глаза широко распахнуты в мольбе и ужасе. Рот раскрыт в крике. А черный змееподобный туман обвивается вокруг его горла.

От вида нижнего фрагмента у нее застыла кровь в жилах.

Мелькнувшая молния высветила нижнюю часть страницы.

Лицо молодого человека стало безучастным. Его глаза... Они изменились. На верхнем и среднем фрагментах его глаза были серебристыми. На нижнем они... почернели. Они еще оставались человеческими глазами, но зловещий обсидиан поглотил в них все.

Нет, он не умер. На нижнем фрагменте он был изображен встающим с алтаря. Цепи с него сняли. Он не представлял угрозы, поскольку уже не принадлежал себе...

Очередной удар грома вызвал новый всплеск криков и хихиканья. Судя по скрипу стульев, ученицы покидали библиотеку.

Ириана смотрела на стопку книг, принесенную Нушей, и вспомнила слова Шаола. Каменные ошейники и кольца помогали валгам удерживаться в теле жертвы. Однако снятие ошейников и колец не означало изгнание демонов. Те и другие играли вспомогательную роль, и если демоны успели прижиться и привыкнуть питаться жизненными соками человека...

Ириана тряхнула головой. Юноша на рисунке не был поработен. Казалось, его заразили, внедрив в его тело демона, и демон через свою магию управлял им.

Вспыхнула молния, за ней почти сразу последовал громовой удар. И опять тот же звук, похожий на мышинный шорох. Только теперь он был ближе.

Ириана всмотрелась в темноту, и у нее зашевелились волосы на затылке. Что-то подсказывало ей: это не мышь. И не царапанье кошачьих когтей по каменному полу или деревянным полкам.

Два с лишним года назад, очутившись в стенах Торры, она ощутила себя в безопасности. Сейчас страх вернулся. Не шевелясь, она всматривалась в темноту справа. Потом медленно обернулась через плечо.

Коридор, заставленный по обеим сторонам книжными стеллажами, выходил в другой, пошире. Оттуда она минуты за три дойдет до ярко освещенного главного зала, где постоянно дежурит стража. Если не за три, то за пять наверняка.

Вокруг – только тени, пляшущие цветные пятна качающихся фонарей, запах кожаных переплетов и пыли.

Целительная магия не давала защиты. Ириана дорого заплатила за это открытие. Но за год работы в «Белом поросенке» она научилась слушать, оценивать помещение, улавливать перемену в воздухе. Людской напор порождал бури не хуже природных стихий.

Отзвучало эхо последнего удара грома. Стало тихо, если не считать скрипа старинных фонарей. Никто не шуршал и не царапался. Ириана сглотнула. Библиотекари не любили, когда книги выносят из читальных залов, однако...

Ириана захлопнула «Песню Начала» и засунула к себе в мешок. Большинство книг, принесенных Нушей, оказались бесполезными, но пять или шесть могли пригодиться. Они были на эйлуэйском и других языках. Ириана запихнула в мешок и их. Свитки она тоже взяла, расстав по карманам плаща, чтобы скрыть от библиотечарских глаз. Все это время Ириана поглядывала то в сторону коридора, то на книжные стеллажи справа.

«Будь у тебя немного здравого смысла, тебе бы не понадобилась моя помощь», – упрекнула ее молодая незнакомка в ту судьбоносную для Ирианы ночь. Слова въелись Ириане в память. Обидно было сознавать, что из-за собственной беспечности она попала в опасное положение. Незнакомка была мудрее ее и преподавала Ириане еще несколько полезных уроков.

Скорее всего, завтра она посмеется над своими страхами. Возможно, это действительно проделки бастинской кошки со своеобразным чувством юмора. Но сейчас Ириана решила внимательно отнестись к дергающим ощущениям в спине. К голосу страха.

Попасть в большой коридор можно было более коротким путем, пройдя темный отрезок между стеллажами, однако Ириана предпочла более освещенный путь. Она шла с высоко поднятой головой, расправив плечи. Это был еще один совет незнакомки: «Держись так, будто вот-вот затеешь драку. Пусть тебя считают опаснее, чем ты есть на самом деле».

Сердце Ирианы бешено колотилось, грозя уйти в пятки. Но она плотно сжала губы. Ее глаза светились холодным огнем. Придав себе как можно более устрашающий вид, она шла быстрой, пружинистой походкой. Казалось, она вспомнила о каком-то срочном деле или была недовольна тем, что ей не нашли требуемую книгу.

Она все ближе подходила к месту пересечения с большим коридором. Там сейчас наверняка кто-то есть. Какие-нибудь припозднившиеся усердные ученицы, которые устали от чтения и теперь торопились поскорее добраться до своих уютных спален.

Ириана откашлялась, приготовившись крикнуть.

«Не кричи, что тебя грабят или насилуют. Люди подумают о собственной шкуре и предпочтут не ввязываться, – учила ее незнакомка. – Лучше всего кричать о пожаре. Это угроза для всех. Если на тебя напали, кричи: „Пожар!“».

За два с лишним года Ириана часто повторяла эти советы. Не себе. Великому множеству других женщин. Таково было повеление незнакомки. Ириана и подумать не могла, что сама окажется в опасной ситуации.

Ириана ускорила шаги и еще выше подняла голову. Оружия у нее не было, не считая ножичка, которым она вычищала раны и разрезала повязки. Он сейчас лежал на самом дне мешка.

Зато сам мешок, тяжело нагруженный книгами... Ириана сняла мешок с плеча, обмотав кожаные тесемки вокруг запястья. Если хорошенько качнуть мешком и ударить противника, тот не устоит на ногах.

Она была совсем близко от спасительного большого коридора, где светло... Краешком глаза она увидела *это*. Почувствовала. Кто-то двигался по соседнему проходу между стеллажами, вровень с нею. Ириана не решалась повернуться и посмотреть. Разум отказывался признать то, что улавливали чувства.

Страх неумолимо запускал в нее свои когти. Ириана отбивалась, ощущая жжение в глазах.

Преследователь состоял из теней, движущихся сквозь темноту. Подкараулив ее, он устроил охоту, чтобы не дать ей выйти в коридор, перехватить и утащить во тьму.

«Здравый смысл. Здравый смысл».

Бежать нельзя. Он (или оно) узнает. Поймет, что она почуяла его присутствие. Тогда он может ударить.

Здравый смысл...

До большого коридора оставалась сотня локтей. Фонари были редкими островками света между морями теней. Ириана отчетливо слышала, как ее преследователь легонько стучал пальцами по корешкам книг. Но она заставила себя дерзко мотнуть головой, улыбнуться и весело крикнуть:

– Эй, Маддя! Что ты здесь делаешь в такую поздноту?

Она ускорила шаг, а ее неведомый преследователь, наоборот, пошел медленно. То ли удивился, то ли не знал, как ему быть дальше.

Нога Ирианы ударилась обо что-то мягкое и неподвижное. Ириана едва успела закусить губу, чтобы не завопить. На полу, лицом к стеллажу, скрючилась целительница. Бывало, целительницы (особенно младшие) уставали от чтения и засыпали прямо в библиотеке. Но за столами, а не в коридорах, лежа на полу.

Ириана нагнулась, вцепилась в худенькие руки женщины и повернула ее лицом к себе. Из соседнего прохода снова послышались шаги. Ириана еще больнее закусила губу.

Лицо женщины напоминало сморщенную грушу. Под глазами – синюшные пятна. Губы совсем бледные и потрескавшиеся. Простенькое платье, которое еще недавно было ей по фигуре, теперь висело, как на вешалке. От тела осталась лишь оболочка, словно кто-то выпил из него все жизненные соки.

Ириана узнала, кто перед нею. Узнала золотисто-каштановые волосы, почти такие же, как у нее. Днем, во Чреве Сильбы, она сидела рядом с этой женщиной, держа за руку и дожидаясь, когда та перестанет плакать.

Теперь эта рука стала совсем невесомой и неестественно сухой. Пульса не было. Тогда Ириана коснулась ее своей магией. И здесь никакого ответа. Магия умерла вместе с целительницей.

Шаги в соседнем проходе приближались. У Ирианы дрожали колени, но она заставила себя встать и пойти дальше. Мертвую целительницу она оставила лежать в коридоре, чего раньше никогда бы себе не позволила. Ириана взмахнула мешком, делая вид, что кому-то его показывает. Находясь в соседнем проходе, ее преследователь не видел большого коридора и не знал, есть ли там кто сейчас.

– Зачиталась сегодня. Чувствую, больше не могу. Глаза закрываются! – крикнула воображаемой подруге Ириана, мысленно вознеся благодарственную молитву Сильбе за то, что ее голос звучал спокойно и весело. – Повариха обещала припасти кое-что на ужин. Пойдешь со мной?

Могло показаться, что в большом коридоре ее действительно дожидались. Еще одна уловка из уроков незнакомки.

Пройдя несколько шагов, Ириана обнаружила: ее преследователь снова остановился. Уловка подействовала.

Ириана выскочила в большой коридор. Из другого бокового коридора туда вышли три младшие ученицы. Ириана бросилась к ним. Глаза девчонок округлились. Они раскрыли рты.

– Идемте, – только и шепнула им Ириана.

Девчонкам было не больше четырнадцати. Естественно, они сразу увидели бледное, испуганное лицо Ирианы. Этого оказалось достаточно, чтобы не возражать ей и не смотреть в сторону коридора, откуда она выбежала. Она знала этих учениц, поскольку вела у них занятия.

Увидев тяжелый мешок, лямки которого были намотаны на запястье, девчонки окружили Ириану. Все три широко улыбались, включившись в странную игру.

– Пойдем к Поварихе, выпьем чего-нибудь горяченького перед сном, – сказала Ириана, борясь с желанием закричать во все горло и думая о целительнице, явно умершей не своей смертью. – Повариха меня ждет.

«И поднимет тревогу, если я не приду», – добавила она про себя.

Надо отдать должное этим девчонкам: никто из них не дрожал и не выказывал страха. Вскоре все четыре достигли большого зала, освещавшегося тридцатью шестью люстрами. В очаге пылал огонь. Стульев и диванчиков в зале тоже было тридцать шесть.

На расшитом сиденье стула, вблизи огня, грациозно растянулась черная бастинская кошка. Едва увидев Ириану и учениц, кошка вскочила и яростно зашипела. Не на них. Зеленые глаза сердито щурились в пространство коридора. Если верить легендам, такой же часто бывала богиня Бастина, изображавшаяся с головой кошки.

Какая-то из девчонок крепче стиснула руку Ирианы. Но никто не убежал. Так вчетвером они и подошли к большому, тяжелому столу, за которым обычно сидела главная библиотечарша. Кошка теперь стояла на полу, словно держала оборону. За столом сидела не Нуша, а ее заместительница, которую она готовила себе в приемницы, – женщина средних лет в сером платье.

– В одном из боковых коридоров я наткнулось на тело целительницы, – выпалила Ириана. – Она подверглась изощренному нападению. Нужно позвать стражу, а перед этим пусть все покинут библиотеку.

Женщина не вздрогнула и не стала задавать вопросов. Кивнув, она потянулась к колокольчику, дремавшему в чаше на краю стола.

Заместительница трижды позвонила в колокольчик. Человеку постороннему это показалось бы обычным сигналом закрытия библиотеки на ночь. Однако для тех, кто здесь жил, кто знал, что библиотека открыта круглосуточно...

Первый звонок: призыв слушать.

Второй: слушать внимательно.

Когда заместительница позвонила в третий раз, колокольчик звенел громче и дольше. Его звон разносился по всем залам, коридорам и этажам библиотеки. Третий звонок означал приказ: уходить немедленно.

Помнится, в первые же дни появления Ирианы в Торре Эреция рассказала ей о значении сигналов, предварительно взяв клятву не разглашать эти сведения. Такую клятву давала каждая ученица. Как и всех новичков, Ириану заинтересовало, кто придумал этот ритуал и зачем он нужен.

В давние времена, еще до завоевания Антики хаганатом, город часто переходил из рук в руки, становясь добычей разных правителей. Их армии по-разному относились к населению. Были и такие, кто вел себя хуже зверей.

Ириана узнала, что под Торрой существует сеть туннелей, позволяющих покинуть башню. Правда, надобность в них отпала, и их заделали. А сигнальный колокольчик остался, и

эту традицию Торра свято хранила на протяжении тысячи лет. Иногда целительницам устраивали учения. На всякий случай, мало ли, понадобится?

Вот и понадобилось. Эхо третьего звонка отражалось от стен, стеллажей и книжных переплетов. Ириане казалось, что она слышит, как встревоженные читательницы поднимают головы, захлопывают книги и встают, торопливо отодвигая стулья.

«Бегите, – мысленно умоляла она. – Выбирайте освещенные участки».

В большом зале было тихо. Часы в углу отсчитывали минуты. Бастинская кошка перестала шипеть и снова забралась на стул, но теперь мордой к коридору. Ее хвост сердито ударял по обивке. Одна из девчонок, пришедших с Ирианой, побежала звать стражу. Наверное, гвардейцы и сами слышали колокольчик и уже спешили к библиотеке.

Коридор стал наполняться звуками быстрых шагов и шелестом платьев. Ириана и заместительница главной библиотекари всматривались в каждое лицо. Многие не скрывали удивления. Кто-то был откровенно напуган.

Ученицы, целительницы, библиотекари. Никого из посторонних. Кошка тоже наблюдала за ними. Наверное, ее изумрудные глаза видели то, что было недоступно зрению Ирианы.

С противоположной стороны послышались другие шаги: тяжелые, уверенные, сопровождаемые лязгом доспехов. Ириана облегченно вздохнула. В зал вошло с полдюжины стражей Торры.

Подопечные Ирианы оставались с нею все время, пока она рассказывала о случившемся. Гвардейцы послали своего товарища за подкреплением, а заместительница вызвала Нушу, Эрецию и Хазифу. Девчонки молча смотрели на Ириану. Две держались за ее дрожащие руки.

Ириана велела им идти спать, но юные целительницы не уходили.

11

Ириана запаздывала.

Шаол ждал ее к десяти, хотя вчера она не назначила времени. Несарина ранним утром отправилось в гнездо, на встречу с Сартаком и его руккой. Завтракал Шаол в одиночестве. После завтрака – ждал.

И ожидание начинало его донимать.

Проведя час в праздности, Шаол занялся упражнениями, которые не требовали посторонней помощи. Ему осточертела тишина, изнуряющая жара и нескончаемое журчание воды садового фонтана. Мысли невольно возвращались к Дорину. Где-то сейчас его король и куда держит путь?

Вчера Ириана упомянула упражнения для ног и обещала показать. Но сидеть и ждать он больше не мог. Если она не считает нужным приходить вовремя, он займется делом.

Часы на комоде мелодично прозвонили полдень. В деревянном ящике скрывалось несколько серебряных колокольчиков, и теперь их музыка разливалась по гостиной. К этому времени руки Шаола дрожали от напряжения. Пот струился у него по лицу, груди и спине. Он сумел втащить себя в кресло и замер, переводя дух. Шаол уже собирался позвать Каджу, чтобы принесла кувшин воды и тряпку, когда появилась Ириана.

Он слышал, как хлопнула входная дверь. Потом Ириана обратилась к Кадже:

– У меня к тебе важное и ответственное поручение.

Шаол представил Каджу, послушно склонившую голову.

– У господина Эстфола появилась сыпь на ногах. Скорее всего, от какого-нибудь масла, которое ты влила ему в воду для купания.

Ириана говорила спокойно, но он улавливал нотки раздражения. Шаол нагнулся, разглядывая ноги. Утром он не видел никакой сыпи. Зуда или жжения он попросту не мог почувствовать.

– Господину Эстфолу нужен специальный настой. Туда входит кора ивы, мед и мята. На дворцовой кухне все это есть. Принеси все, что я назвала, только никому не говори зачем. Не хочу, чтобы начали болтать.

Снова молчание. Потом звук тихо закрывшейся двери. Шаол ждал, когда Ириана наконец войдет. После ухода Каджи она еще немного постояла в коридорчике, потом тяжело вздохнула и вошла.

Выглядела она просто ужасно.

– Что у тебя случилось? – вырвалось у Шаола раньше, чем он вспомнил, что, в общем-то, не имеет права спрашивать о подобных вещах.

Лицо Ирианы приобрело пепельный оттенок, под глазами чернели круги, а волосы висели сосульками.

– А ты упражнялся, – сказала она вместо ответа.

Шаол оглядел рубашку, насквозь мокрую от пота:

– Можно по-всякому коротать время, пока ждешь.

Ириана прошла к письменному столу. Шаги ее были медленными и тяжелыми.

– Что у тебя случилось? – повторил Шаол.

Ириана остановилась у стола, но не обернулась. Шаол стиснул зубы. Может, подогнать кресло к столу и развернуть так, чтобы видеть ее лицо? Раньше он бы подскочил к ней и донимал до тех пор, пока не узнал бы причину.

Ириана шумно опустила свой мешок на стол.

– Если хочешь упражняться, не лучше ли перенести упражнения в дворцовые казармы? – Она покосилась на ковер. – Ковры хагана бесценны, а ты заливаешь их потом.

– Нет, – коротко ответил Шаол, впиваясь в подлокотники кресла.

Ничего другого он сказать не мог.

– Но ты ведь был капитаном королевских гвардейцев. Упражнения со здешними гвардейцами пошли бы тебе только на пользу.

– Нет.

Ириана обернулась и смерила его взглядом. Шаол не отпрянул под взглядом ее золотистых глаз, хотя от недавних упражнений все жилы в груди саднили и были готовы лопнуть.

Она наверняка это заметила и запомнила. Порою Шаол ненавидел Ириану за излишнюю наблюдательность, а себя – за излишнее упрямство. Но упражняться со здешними гвардейцами, сидя в кресле... Меж тем Ириана направилась к нему. Ее лицо оставалось непроницаемым.

– Хочу заранее извиниться, если распространится слух про сыпь на твоих ногах.

И куда только делось изящество ее походки? Казалось, Ириане самой трудно передвигаться.

– Но Каджа показалась мне сообразительной девицей. Если я в этом не ошиблась, она поймет: сыпь появилась по ее недосмотру, а потому будет помалкивать, дабы не портить себе репутацию. Или хотя бы сообразит, что мы сразу пойдем, кого благодарить за слухи.

«А ты по-прежнему не хочешь отвечать на мой вопрос, – подумал Шаол. – Хорошо. Зайдем с другого боку».

– Зачем ты спровадила Каджу?

Ириана плюхнулась на золотистый диван и стала растирать себе виски:

– Потому что минувшей ночью в нашей библиотеке кто-то убил целительницу, а потом охотился за мной.

Шаол замер:

– Как ты сказала?

Он оглядел окна, открытые двери в сад, выходы. Ничего, кроме жары, журчания фонтана и птичьего щебета.

– Я решила побольше разузнать о том, о чем ты мне рассказывал, – сказала Ириана. Бледность ее лица делала веснушки еще заметнее. – Нашла книги. Сижу, читаю. И вдруг чувствую: кто-то приближается.

– Кто?

– Не знаю. Я даже не могу сказать, был ли это кто-то один, или их было несколько. Я решила не испытывать судьбу и уйти оттуда. Точнее, убежать. По пути к главному коридору наткнулась на тело целительницы.

У Ирианы дрогнуло горло.

– Потом, когда тело унесли, когда появилась стража, мы обшарили всю библиотеку, но ничего не обнаружили.

Ириана потрянула головой, словно прогоняя жуткие ночные картины.

– Представляю, каково тебе пришлось...

Эти слова подсказала Шаолу не пустая вежливость. Не просто лишилось жизни живое существо – все прочие утратили давно привычный покой и безопасность. Шаол понимал, насколько тягостны Ириане его вопросы, однако удержаться не мог. Ответы были необходимы ему как воздух.

– Ты сказала, целительницу убили. Какие раны остались на теле?

Не так чтобы он и правда хотел это знать...

Ириана откинулась на мягкие подушки, устремив взгляд в позолоченный потолок.

– Так получилось, что днем я видела эту девушку. Совсем молодая. Может, чуть постарше меня. А когда обнаружила ее на полу, это был высохший труп. Никаких следов крови. Никаких внешних повреждений. Из нее... выпили все жизненные соки.

У Шаола зашло сердце. Описание было пугающе знакомым. Валги. Он мог побиться об заклад на что угодно.

– И тот, кто лишил ее жизни, просто бросил тело?

Ириана кивнула. Дрожащими руками она провела по волосам, потом закрыла глаза:

– Мне думается, они сообразили, что напали не на ту, и быстро исчезли.

– Почему?

Ириана открыла уставшие глаза. Кроме усталости, в них был откровенный ужас.

– Она похожа... была похожа на меня, – хрипло произнесла Ириана. – Одинаковые фигуры, цвет кожи, цвет волос. Кем бы ни был убийца или убийцы... они охотились за мной.

– Почему? – снова спросил Шаол, пытаясь разобраться в услышанном.

– Потому что вчера я читала о возможном источнике силы, которая тебя ранила... Часть книг я унесла с собой, часть оставила на столе. А когда караульные осматривали помещение, книги исчезли... Кто знал о твоём отъезде сюда? – спросила Ириана, глотая вязкую слюну.

Невзирая на жару, Шаола прошиб озноб.

– Мы не делали из этого тайны.

Его рука невольно потянулась к тому месту, где он привык находить меч. Тот самый, что несколько месяцев назад утопил в водах Авери.

– Широкого оповещения не было, но при желании узнать об этом мог кто угодно. И задолго до нашего появления здесь.

История повторялась, теперь уже на Южном континенте. В Антике появились валгские демоны. В лучшем случае низший слой. В худшем – их принцы. Возможно, и те и другие.

Шаолу вспомнился рассказ Аэлины. Такие же иссохшие останки они с Рованом находили в Вендалине (валгские демоны вторгались и туда). Здоровые, цветущие люди превращались в пустые оболочки. Валги высасывали из них все, включая душу.

– Принц Кашан подозревает, что Тумелуну убили, – сам не зная зачем, сказал Шаол.

Ириана выпрямилась. Ее лицо стало еще бледнее.

– Тело Тумелуны не иссохло. Верховная целительница, Хазифа, это подтвердила. Принцесса покончила с собой.

Обе смерти не обязательно были как-то связаны. Кашан вполне мог ошибаться насчет Тумелуны. Но даже если это два разных случая, ночное происшествие в библиотеке Торры...

– Нужно предупредить хагана, – сказала Ириана, словно прочитав его мысли.

– Конечно, – кивнул Шаол. – Непременно предупрежу.

При всей чудовищности случившегося... Возможно, это и был долгожданный повод для встречи с хаганом. Глядя на изможденное, испуганное лицо Ирианы, Шаол устыдился своих мыслей:

– Прости, что втянул тебя во все это. Скажи, безопасность в Торре усилили?

– Да, – прошептала Ириана, водя пальцами по впалым щекам.

– А ты? Ты пришла сюда под охраной?

– При ярком солнце? – Ириана хмуро поглядела на него. – В самом центре города?

– От валгов можно ждать чего угодно.

Ириана отмахнулась:

– Скоро библиотека неузнаваемо изменится. В залах и коридорах будут дежурить караульные. Отныне – никаких хождений по темным коридорам в одиночку. Ума не приложу, где Хазифа сумела заполучить столько солдат.

Валгская шушера не брезговала ничьими телами. А вот их принцы отличались тщеславием. Шаол сомневался, что «породистый» демон согласится вселяться в тело обычного солдата. Они предпочитали красивых молодых мужчин из знатных семей.

Перед мысленным взором Шаола мелькнул каменный ошейник и холодная, мертвая улыбка.

Наконец он сумел выдохнуть:

– Поверь, я искренне скорблю о смерти этой целительницы.

Особенно если причиной ее гибели стал его приезд в Антику и если валги метили в Ириану, взявшуюся ему помогать.

– Тебе ни в коем случае нельзя ослаблять бдительность, – добавил он. – Ни на мгновение.

Ириана будто не слышала его предупреждения. Она рассеянно скользила взглядом по гостиной, коврам и мясистым листьям пальм.

– Молодые ученицы, еще совсем девчонки... Они испугались.

«А ты?» – мысленно спросил Шаол.

Раньше он бы вызвался охранять Ириану, стоять в карауле у ее двери. Он бы расставил солдат, поскольку знал, как надо действовать в подобных случаях. Но его служба осталась в прошлом, а хаган и здешние командиры вряд ли прислушаются к словам чужестранца.

И все же он не мог остаться в стороне.

– Чем я могу помочь? – спросил он Ириану.

Она повернулась к Шаолу. Ириана оценивала: не адарланца, а ощущения, которые вызвали у нее его слова. Шаол молчал, глядя на нее и ожидая ответа. Он не торопил.

– Я обучаю младших учениц, – наконец сказала Ириана. – Раз в неделю. После вчерашней ночи они слишком устали, и я позволила им выспаться. Сегодня у нас будет поминальная служба по погибшей. А вот завтра... – Она закусил губу, принимая окончательное решение. – Завтра твое появление оказалось бы кстати.

– И чему ты их учишь?

– Плату за учебу с нас не берут, – теребя волосы, начала Ириана. – Мы платим иным способом. Кто помогает на кухне, кто в прачечной. Да и уборки хватает. Когда я появилась в Торре, Хазифа... Я ей сказала, что все это умею. Приходилось заниматься такой работой, и не один год. Тогда она спросила, умею ли я еще что-то, кроме целительства и помощи по хозяй-

ству. Я ей рассказала... Словом, меня научили самозащите. Как действовать против нападающих. В основном мужчин.

Шаол едва удержался, чтобы не взглянуть на шею Ирианы с тонким, но заметным шрамом. Понятно, почему она стала учиться самозащите. Или научилась раньше, но навыков оказалось недостаточно?

Ириана шумно вздохнула:

– Я рассказала Хазифе и... Той, кто меня учила, я пообещала, что буду обучать других женщин. Стольких, скольких смогу. И потому раз в неделю я устраиваю занятия для молодых учениц. Но туда приходят и взрослые целительницы, библиотекариши, прислуга – словом, все, кому это интересно.

Эта хрупкая женщина с мягкими, внимательными руками... Но разве жизнь не показывала ему, сколь обманчивой бывает внешность и какой силой порою обладают, казалось бы, неприметные люди?

– Случившееся потрясло всех. Молодые – те всерьез напуганы. Злоумышленников в Торре не было очень давно. Сам понимаешь: если ты появишься у нас и расскажешь о навыках самозащиты, это поможет девчонкам воспрянуть духом.

Минуту или две Шаол просто смотрел на нее.

– Я буду их учить... сидя в этом кресле?

– Почему бы нет? Язык у тебя не отнялся.

Ответ был резким, не очень-то вяжущимся с просьбой.

Шаол заморгал:

– Возможно, они не слишком поверят такому учителю.

– Ошибаешься. Девчонки будут охать и ахать. Они так заслушаются, что забудут про страх.

Шаол снова заморгал, отчего Ириана слегка улыбнулась – хоть и довольно мрачной улыбкой. Интересно, а как она улыбается, когда по-настоящему счастлива? Следом он задал себе другой вопрос: часто ли Ириана бывает по-настоящему счастлива?

– Шрам на щеке добавит тебе таинственности, – сказала она, упреждая сетования Шаола.

Ириана встала, вернулась к столу и взялась за тесемки мешка.

– Ты всерьез хочешь, чтобы я завтра появился у вас?

– Надо будет сообразить, как доставить тебя к нам. Не думаю, что это окажется слишком уж трудным делом.

– Проще всего запихнуть меня в карету вместе с креслом.

– Побереги свою злость для наших упражнений, господин Эстфол, – сказала Ириана, обернувшись назад. Она шумно поставила на стол склянку с маслом. – Ни в какой карете ты не поедешь.

– Значит, слуги понесут меня в паланкине?

Да он лучше поползет.

– Есть такие животные – лошади. Слышал про них?

Шаол впился в подлокотники кресла:

– Чтобы ездить верхом, нужны ноги.

– И они у тебя есть. Целых две. – Ириана склонилась над мешком, собираясь достать оттуда еще несколько склянок. – Утром я переговорила с верховной целительницей. Она мне рассказала любопытные вещи. Люди с такими увечьями, как у тебя, не ждали, пока мы до них доберемся. Они продолжали ездить верхом, но с особыми постромками. Эти приспособления уже делают для тебя в нашей мастерской. Скоро будут готовы.

Шаол переварил услышанное:

– Значит, ты уже решила, что завтра я поеду с тобой.

Ириана повернулась к нему, сжимая в руке мешок:

– Я решила, что тебе в любом случае захочется покататься верхом.

Он молча смотрел, как Ириана неторопливо идет к нему. Сейчас ее лицо выражало лишь откровенное раздражение. Но лучше это, чем явный страх.

– Думаешь, такое возможно? – хрипло спросил Шаол.

– Да. Завтра я приду очень рано. У нас хватит времени продумать что и как. Урок начнется в девять.

Ездить верхом, даже если он не в состоянии ходить. Ездить верхом...

– Прошу тебя, не давай мне надежду, которая потом разлетится на куски, – все тем же хриплым голосом произнес он.

Ириана опустила мешок на низкий столик у дивана, туда же поставила склянку и знаком пригласила Шаола подъехать:

– Хорошие целители не раздают пустых надежд. Прими это к сведению, господин Эстфол.

Сегодня он не стал надевать камзол. Пояс оставил в спальне. Сбросив через голову взмокшую рубашку, он быстро расстегнул пуговицы штанов.

– Я – Шаол. Это мое имя. Шаол. И никакой я не господин Эстфол.

Кряхтя, он приподнял туловище, переместившись из кресла на диван.

– Меня тут представляли как «управителя Эстфола». Еще глупее. Эта должность принадлежит моему отцу.

– Но кто же ты, если не господин?

– Просто Шаол.

– Господин Шаол.

Он с трудом передвинул бесчувственные ноги. Ириана и не подумала помочь.

– Мне думается, что ты до сих пор меня презираешь, – сказал он.

– Если завтра ты поможешь моим девочкам, я пересмотрю свое отношение к тебе.

Сердитый блеск в ее золотистых глазах подсказывал Шаолу обратное, и тем не менее он слегка улыбнулся:

– Опять будешь массировать?

Шаолу хотелось попросить Ириану снова размять его саднящие мышцы. Сегодня он перенапряг их упражнениями и самостоятельным перемещением между кроватью и купелью, между креслом и диваном.

– Нет. Ложись на живот. Сегодня я начну.

– Ты нашла нужные сведения?

– Нет. – Как и вчера, она сдернула с него штаны. – Но после минувшей ночи... я не хочу медлить.

– Я... смогу. – Шаол стиснул зубы. – Мы найдем способ защитить тебя, пока ты ищешь нужные сведения.

Он ненавидел эти слова, имевшие вкус прогорклого молока. Горечь во рту, горечь в горле.

– И они это знают, – сказала Ириана, нанося масло на его спину. – Но я сомневаюсь, что дело в сведениях и что они намеренно мешают моим поискам.

От этих слов Шаолу стало не по себе. Даже приятное, успокаивающее скольжение рук Ирианы по его спине не уменьшало тревожности. Меж тем ее руки приближались к белому пятну возле шеи.

– Тогда чего же они хотят? – спросил Шаол.

Он догадывался чего, но хотел услышать это из уст Ирианы. Убедиться, что они оба думают одинаково и она тоже понимает, на какой рискованный путь вступила.

– Мне кажется, их беспокоят не мои изыскания в древних книгах, а то, что я взялась за твое исцеление.

Шаол вытянул шею. Ему хотелось увидеть лицо Ирианы сейчас, после произнесенных слов. Но она сосредоточенно рассматривала белое пятно. Чувствовалось, она очень устала. Возможно, ночью не сомкнула глаз.

– Если ты сильно устала...

– Я не устала.

– Можешь вздремнуть на диване. Я тебя постерегу. – «Увечный сторож в кресле», – подумал про себя Шаол. – Моей спиной займешься потом.

– Никаких «потом», – твердым, недрогнувшим голосом возразила Ириана. – Я не стану трястись от страха им в угоду. Когда-то я боялась всех подряд. Позволяла другим вытирать о себя ноги, поскольку очень страшилась последствий отказа. Я вообще не умела отказывать.

Ее пальцы нажали ему на спину – молчаливый приказ опустить голову.

– А в день, когда я достигла Антики, я отринула себя прежнюю. И будь я проклята, если снова позволю той пугливой девчонке появиться и взять верх. Или позволю другим делать за меня выбор и говорить, как я должна жить.

У Шаола волосы встали дыбом – столько гнева было в голосе Ирианы. Эта хрупкая на вид женщина была сделана из стали, а внутри у нее бурлило пламя. Может, внутренний жар передался и ее ладони, которая вновь достигла белого пятна.

– Сначала посмотрим, как темная магия ответит на мои наскоки.

Ириана опустила ладонь на пятно. Шаол открыл рот, собираясь ответить...

Но вместо слов оттуда вырвался крик.

12

Жгучая, невероятно острая боль вонзила свои когти в спину Шаола. Он изогнулся в дугу и пронзительно закричал.

Ириана тут же отдернула руку. Затем послышался грохот.

Судорожно дыша ртом, Шаол приподнялся на локтях. Ириана сидела на столике. Рядом валялась опрокинутая склянка. Масло растекалось по поверхности. Ириана оторопело смотрела на его спину, на то место, где мгновения назад находилась ее рука.

Шаол молчал. Эхо боли отзывалось в верхней части туловища, мешая говорить. Ириана рассматривала ладони, поворачивая их под разными углами, будто видела впервые.

– То, что внутри твоей раны, не просто отталкивает мою магию, – прошептала она.

Локти не выдержали напряжения. Шаол рухнул на подушки.

– Оно ненавидит мою магию.

– Вчера ты говорила... это отзвук, не связанный с раной.

– Я могла ошибаться.

– Рован врачевал мою спину, и никакая сила ему не противилась.

Ириана вопросительно подняла брови. Шаол мысленно отругал себя за разбалтывание сведений. Неужели он забыл, что здешние стены имеют уши и уста?

– Ты был в сознании?

Он задумался:

– Нет. Я тогда был при смерти. Мне потом рассказали.

Ириана только сейчас заметила разлитое масло и тихо выругалась. Шаолу вспомнились полковые лекари. Те в схожей ситуации затопили бы пространство отборной и грязной руганью.

Ириана потянулась к мешку, но Шаол оказался быстрее. Он успел подхватить с дивана свою пропотевшую и все еще мокрую рубашку, которая и впитала лужицу масла. Бесценный ковер хагана был спасен.

Ириана посмотрела на рубашку, затем на протянутую руку Шаола, оказавшуюся почти что на ее коленях.

– Возможных причин две. Или ты не ощущал боли, поскольку был без сознания, или то, что у тебя внутри, не успело укорениться.

У Шаола сдавило горло.

– Думаешь, я теперь одержимый?

Неужели он попал под власть страшной силы, обитавшей внутри отца Дорина? Та сила заставляла прежнего короля творить немыслимые злодеяния.

– Нет. Но боль может указывать на нечто живое. И это нечто не хочет отступать. Оно пытается пугать и тебя, и меня.

– Так позвоночник у меня тоже поврежден? – почти шепотом спросил Шаол.

– Да, – ответила Ириана, и у него похолодело в груди. – Я обнаружила сломанные позвонки. Жилы кое-где порваны, а в других местах сплелись в клубок. Но чтобы все это исцелить, чтобы заставить все части твоего тела снова наладить устойчивую связь с мозгом, мне нужно побороть это эхо. Или подавить его сопротивление, чтобы не мешало работать.

Ириана поджала губы:

– Не знаю, как еще назвать это нечто. Я его ощущаю как тень. Она будет сопротивляться мне на каждом шагу, изматывать тебя болью, пока ты не сдашься и не откажешься от моей помощи.

Глаза Ирианы смотрели на него с непривычной суровостью.

– Ты понимаешь, о чем я сейчас тебе говорю?

– Да, – тяжело выдохнул Шаол. – Ради выздоровления мне придется долго терпеть жуткую боль.

– У меня есть снотворные травы, но при таком серьезном увечье... Я не смогу вести сражение одна. Если же тебя погрузить в бессознательное состояние... Наш противник может попытаться расширить свою власть над тобой. Меня это страшит. Я знаю, как уязвима бывает человеческая психика во сне.

Кажется, лицо Ирианы стало еще бледнее.

– Делай то, что считаешь нужным. – Он стиснул ей руку.

– Будет больно. Как сейчас. Возможно, еще хуже. Постоянная боль. Мне придется двигаться вниз маленькими шажками, проходить позвонок за позвонком, до самой поясницы. Сражаться с противоборствующей силой и одновременно исцелять.

Пальцы Шаола еще крепче сжали руку Ирианы – такую маленькую по сравнению с его рукой.

– Делай то, что считаешь нужным, – повторил он.

– И ты тоже, – тихо сказала она. – Ты будешь сражаться наравне со мной.

Шаол замер. До него начинало доходить, что его ждет в ближайшем будущем.

– Если природа этих сил такова, что они питаются нами... Если они кормятся тобой, а ты остаешься здоровым... значит пищей им служит не тело, а что-то иное. Что-то внутри тебя.

– Я ничего не чувствую.

Ириана взглянула на их сомкнутые руки и высвободила свои пальцы. Не выдернула, но для Шаола это все равно было ощутимо.

– Нам стоит всерьез поговорить.

– О чем?

Ириана тряхнула головой, откидывая волосы:

– О том, что случилось с тобой и почему ты, сам того не желая, кормишь чужеродную силу.

Ладони Шаола взмокли от пота.

– Тут не о чем говорить. И обсуждать нечего.

Ириана молча смотрела на него. Шаолу стоило немалых усилий выдержать ее взгляд и не втянуть голову в плечи.

– Из того, что я узнала, нам нужно многое обсудить. Прежде всего – что с тобой было в последние несколько месяцев. Похоже, то время было для тебя крайне тревожным и противоречивым. Ты же сам вчера говорил, что никто не испытывает к тебе такой ненависти, как ты сам.

«Это еще мягко сказано», – подумал Шаол.

– И тебе вдруг захотелось узнать об этом?

Ириана спокойно восприняла его вопрос:

– Если это требуется для твоего исцеления, чтобы пройти и оставить в прошлом... да.

– Ну что ж. Ты узнаешь. Только потом не сетуй.

Лицо Ирианы превратилось в непроницаемую маску. Дорину бы явно понравилось.

– Полагаю, ты не собираешься застревать здесь надолго, – сказала она. – Особенно сейчас, когда на нашей, как ты изволил выразиться, родине полыхает война.

– А разве Эрилея – не наша родина?

Ириана встала, подхватив мешок:

– Эрилея – да. Но мне нет и не будет дела до Адарлана.

Шаол ее понимал. Прекрасно понимал. Наверное, потому до сих пор и не рассказал ей, кто нанес ему рану, оставившую темное эхо.

– А ты, – продолжала Ириана, – упорно избегаешь говорить на самую важную тему. Но рано или поздно тебе придется это сделать.

– При всем моем уважении к твоему ремеслу, тебя это не касается.

Глаза Ирианы насмешливо вспыхнули.

– Ты бы удивился, узнав, как тесно исцеление телесных ран связано с исцелением ран душевных.

– Я сталкивался с силой, которая противостоит тебе сейчас.

– Тогда скажи, что в тебе служит ей кормом?

– Не знаю.

Раньше это его не волновало.

Ириана порылась в мешке, нашла то, что ей требовалось, и вернулась к дивану. У Шаола все сжалось внутри. В руках у целительницы был кожаный кляп. Новенький, не побывавший ни в чем рте.

Ириана недрогнувшей рукой протянула ему кляп. Часто ли ей приходилось пользоваться этим «молчальником», исцеляя более серьезные увечья, чем у него?

– Можем обойтись и без этой штуки, если ты все же предпочтешь обсудить со мной события твоего недавнего прошлого, – хмуро бросила ему Ириана.

Шаол лег на живот, затолкав кляп себе в рот.

Восход солнца Несарина встречала в небе.

Принц Сартак с раннего утра ожидал ее в гнезде своей руки. Минарет, на вершине которого находилось гнездо, был открыт всем стихиям. Поднявшись туда, Несарина остановилась возле лестничной арки. За спиной принца, облаченного в кожаные доспехи...

Кадара была прекрасна.

Все золотистые перья руки сияли, как отполированный металл. Белые перья на груди могли соперничать с выпавшим снегом. Такие же золотистые глаза мгновенно заметили Несарину и смили ее взглядом. Сартак, прилаживающий седло к широкой спине руки, обернулся.

– А-а, капитан Фелак, – произнес он вместо приветствия. – Рано же ты встала.

Обычные слова, предназначавшиеся для посторонних ушей.

– Я почти не спала из-за ночной грозы. Надеюсь, я вам не помешала.

– Наоборот. – Сумеречного света хватало, чтобы видеть его улыбку. – Я тут собирался отправиться в полет. Этой жирной хрюшке надо поохотиться и добыть что-нибудь к завтраку.

Кадара сердито распушила перья и щелкнула громадным клювом. Такой клюв мог легко откусить человеку голову. Неудивительно, что принцесса Хасара побаивалась боевой подруги Сартака.

Принц усмехнулся, поглаживая перья Кадары:

– Не желаешь ли составить мне компанию?

Услышав приглашение, Несарина вдруг почувствовала, насколько высок этот минарет. А ведь Кадара полетит еще выше. И никаких дополнительных креплений, удерживающих от падения и верной смерти. Только седло и руки всадника.

Но совершить полет на руке...

Более того, вместе с принцем, у которого могут быть весьма полезные для них сведения...

– Я еще никогда не летала, но с благодарностью принимаю ваше приглашение, принц.

Приготовления заняли считанные минуты. Сартак заявил, что одежда Несарины не годится для полетов, и велел сменить темно-синий наряд на кожаные доспехи. В шкафу у дальней стены лежал еще один комплект доспехов. Пока Несарина переодевалась, он вежливо отвернулся. Ее волосы были сравнительно короткими – только до плеч. Такие в косу не заплетешь. Принц достал из кармана кожаный шнурок, и Несарина связала волосы тугим узлом.

По словам Сартака, он всегда брал с собой запасной шнурок. Если волосы не связать, ветер запутает их так, что потом несколько дней не расчешешь.

Принц забрался в седло первым. Умная, наблюдательная Кадара поджала лапы и стала похожей на огромную курицу. Сартак проворно вскочил в седло и протянул руку Несарине. Она осторожно коснулась ребер Кадары. Прохладные перья были мягкими, словно тончайший шелк.

Несарина мешкала и, когда Сартак бесцеремонно подхватил ее и усадил перед собой, наградила принца сердитым взглядом. Меж тем Кадара спокойно приняла вторую всадницу и терпеливо ждала хозяйского приказа взлетать.

Сартак закрепил себя и Несарину в седле, трижды проверив надежность кожаных ремней. Затем прищелкнул языком и...

Несарина сознавала: невежливо хватать принца за руки да еще сжимать их до хруста костей. Она это сделала совершенно инстинктивно, едва Кадара расправила сверкающие золотистые крылья и прыгнула с минарета.

Спрыгнула вниз.

У Несарины душа ушла в пятки. Глаза заслезились, все расплылось.

На нее тут же накинута ветер, угрожая вырвать из седла. Несарина до боли сжала бедра. Она буквально вцепилась в руки принца, уверенно державшие поводья. Сартак лишь усмехнулся ей в ухо.

Однако светлые каменные здания Антики приближались с угрожающей быстротой. В рассветной дымке они казались голубыми. А Кадара опускалась все ниже, подобно звезде, упавшей с небес.

И вдруг, взмахнув крыльями, рука устремилась вверх.

Несарина радовалась, что не стала завтракать: живот исторг бы все. Он и сейчас негодуя урчал.

Набрав высоту, Кадара резко повернула вправо, к розовеющему горизонту.

Антика, раскинувшаяся внизу, становилась все меньше и меньше, пока не превратилась в паутину дорог и белесых пятен. Внизу теперь мелькали оливковые рощи и пшеничные поля, крестьянские дома и городки. Слева желтели волнистые дюны северной пустыни. Справа вставали горы, прорезанные нитками рек. Восходящее солнце золотило их воду.

Сартак молчал. Ни слова о примечательных местах, над которыми они пролетали. Он даже не упомянул о Сестринской дороге, тянущейся через весь континент. Наверное, не хотел мешать Кадаре или просто привык молчать. Рукка продолжала набирать высоту. Воздух становился все прохладнее, а пробуждающее небо – все голубее. С каждым взмахом могучих крыльев картина внизу менялась.

Простор. Невообразимый простор.

Но не такой, как бескрайнее море, где ты зажат на корабле, а вокруг – монотонные, опостылевшие волны.

Этим можно было... дышать. Это само по себе было...

Несарина не успевала поворачивать голову. Ей хотелось увидеть все разом. Громадный мир, полный маленьких частиц, из которых он состоял. Неповторимая, удивительно красивая мозаика. Земля, когда-то завоеванная, но видевшая от завоевателей только любовь и заботу.

Ее земля. Ее родина.

Несарина не переставала удивляться, что можно одновременно видеть столько непохожих уголков континента. На востоке, почти у самого горизонта, расстилались травянистые степи. Она поворачивала голову на запад – и уже никаких степей. Густые леса и прямоугольники рисовых полей. На севере – дюны и кусочек моря. Кадаре бы не хватило дня, чтобы долететь до границ видимого. А чтобы все это обойти, Несарине не хватило бы жизни. Южный континент вмещал в себя если не бескрайний, то невероятно протяженный мир.

Она не понимала, зачем отец покинул родные края.

Еще непонятнее, почему остался, когда Адарлан стал погружаться во тьму. Почему удерживал семью в чужом Рафтхоле, где Несарина редко поднимала голову к небу. Она вспомнила запахи детства. Там пахло гниющей тиной и морской солью, если ветер дул с Авери. А в безветрие удушающе воняли окрестные помойки.

– Ты совсем затихла, – сказал принц, и в его устах это прозвучало, скорее, как вопрос.

– У меня не хватает слов, – ответила она на халхийском. – Увиденное не выразить словами.

Несарина почувствовала улыбку Сартака.

– И у меня были такие же ощущения, когда я впервые поднялся в воздух. С тех пор они ничуть не потускнели.

– Теперь я понимаю, почему вы так охотно остались в дарганцком лагере и почему всегда торопитесь туда вернуться.

– Мои помыслы так легко прочесть? – помолчав, спросил Сартак.

– А разве у вас нет желания вновь оказаться в дарганцких просторах?

– Кое-кто считает отцовский дворец самым прекрасным местом в мире.

– Они правы.

Принц умолк, но в молчании Несарина улавливала его вопрос: «А разве замок в Рафтхоле не таков?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.